

к833(2-411.2)

Т 84

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2011–2012 года

Орел 2013 г.

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2011–2012 годы**

ОРЛ 2013

ББК 53.3 Р
Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2011–2012 годы/Сост. и ред. –
Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. – Орел: Издатель
Александр Воробьёв, 2013. – 272 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
А. А. Шевченко

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского
объединённого государственного литературного музея И. С. Турге-
нева.

© БУКОО Орловский объединённый
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2013.
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрюхина Л.В. Музейный калейдоскоп..... 5

I. К 150-летию Великой Реформы

<i>Балькова Л.А.</i> «Аннибаловская клятва». Тургенев и крестьянская реформа	15
Происхождение «Записок охотника» (по воспоминаниям М.П. С-ой). <i>Публикация С.А.Ипатовой</i>	28
<i>Павлова Г.Н.</i> Уставная грамота села Спасского-Лутовинова как документ эпохи	41
<i>Польнин А.М.</i> Тургеневские Топки во времени и пространстве.....	53
<i>Шинков М.А.</i> Взгляд Фета на пореформенную деревню (по черновым материалам к статье «Наша интеллигенция»)	70

II. Научные исследования и сообщения

<i>Генералова Н.П.</i> Французская судьба романа «Дым» (Тургенев и Проспер Мериме)	77
<i>Звигильский А.Я.</i> Полина Виардо в фантастическом мире Тургенева	89
<i>Александрова Л.М.</i> И.С.Тургенев и К.Р. К истории взаимоотношений	95
<i>Проц Е.В.</i> Судьба двух актрис в письмах и творчестве И.С.Тургенева	98
<i>Лукина В. А.</i> Тургеневские материалы в собрании П.Я.Дашкова в Пушкинском Доме	105
<i>Ветрова В.Г.</i> «Властитель сердец». И.С.Тургенев в восприятии Юрия Софиева (по архивным материалам)	118

III. По Тургеневским местам

<i>Клочкова Е.И.</i> Школьный проект «Малоизвестные страницы из жизни И.С.Тургенева»	127
---	-----

Золотарёв И.Л. По следам героев Тургенева	130
Иванова (Преснова) Л.Н. Баба Груня	135

IV. Из собрания Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева

Жидкова С.Л. Спасский Гарпагон (по материалам Описи имущества И.И.Лутовинова).....	147
Шинкова Е.М. История «Портрета монахини» из коллекции ОГЛМТ	154
Алексеева М.В. «Стихи на веере, подаренном украдкой»	160
Авторская подборка стихов И.А.Новикова . 1919 год	173
Солодухина Л.Г. Автографы на книгах в библиотеке Новикова как отражение времени	175
Максимова Л.Е. , Солодухина Л.Г. Книги с трудной военной судьбой.....	178
Кубарёв Е.А. Классная наставница. Воспоминания, навеянные рисунками в старинном альбоме	182

V. Из истории музея: люди, годы, судьбы

Богданов Б.В. Воспоминания о Спасском	191
Маричева Л.М. К истории создания музея писателей-орловцев	204
Поэтический отзыв в «Журнале впечатлений музея» и его автор. Публикация М.В.Алексеевой	220
Петухова М.Е. Пражский гость литературных музеев Орла	226
Кирилловская Н.М. Женщины тургеневского музея	231
Тюрин Г.А. В эпицентре культуры родного края (о фотографе-краеведе О.Н.Попове)	248

VI. Друзья музея: творчество

Стихи А.Бушунова, Л.Серовой, В.Силаева	261
Протасов В. Лирические миниатюры из книги «Зимний сад»	265

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

В 2011 году в жизни Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева произошло много интересных и ярких событий. Эти события были продиктованы несколькими историческими и литературными датами.

150-летию отмены крепостного права в России музей посвятил несколько мероприятий. Прежде всего, следует назвать выставку «Аннибаловская клятва» (Тургенев и крестьянская реформа). Авторы Л.А.Балыкова и Е.В.Векуа. Небольшая по объёму и удивительно глубокая по смыслу, выставка рассказала о вкладе И.С.Тургенева в благородное дело освобождения российских крестьян от крепостной зависимости. Интересные экспонаты, содержательные и яркие по форме экскурсии и мероприятия привлекли к выставке внимание, прежде всего, учащихся орловских школ. Помимо обычных экскурсий, на выставке проходили театрализованные представления.

Традиционные Тургеневские чтения (уже двадцатые) расширили свои рамки и были посвящены теме: «“Крестьянский вопрос” в жизни и творчестве писателей-орловцев». Нравственный облик, бесправие, беспросветные условия жизни русского мужика волновали не только Тургенева, но и других писателей, в том числе и наших земляков: А.Фета, Н.Лескова, И.Бунина, И.Вольнова и др. На чтениях выступали сотрудники музея: Л.А.Балыкова, Е.Г.Мельник, А.Н.Чернышова, преподаватели Орловского государственного университета: доктор филологических наук М.В.Антонова, кандидат филологических наук М.А.Шинков, краевед, кандидат филологических наук Е.Н.Ашихмина. Свидетельством авторитета Орловского музея И.С.Тургенева в научном сообществе стало приглашение заведующей Тургеневским музеем Е.Г.Мельник в Сорбонну (Париж) на конференцию, посвящённую 150-летию отмены крепостного права в России, где она выступила с докладом «И.С.Тургенев и В.В.Апраксин: К истории взаимоотношений».

Сотрудники Музея И.С.Тургенева подготовили и провели традиционные утренники, вечера и праздники, такие как: «Именины у Тургенева», литературный вечер памяти А.С.Пушкина, утренник «Разговор о братьях наших меньших», в рамках Тургеневской осени – День памяти и День рождения Тургенева, День рождения Полины Виардо. Но жизнь заставляет искать новые формы работы с посетителями и, прежде всего, с детской аудиторией. Заинтересо-

вать детей живым словом, живым действием, подлинным музейным предметом в противовес виртуальной компьютерной жизни, - всё это требует совершенно иного подхода даже к проведению экскурсии. Юным посетителям предоставляется возможность самим поучаствовать в предлагаемой музейной ситуации. Творческий поиск привёл «тургеневцев» к литературно-экологическому проекту под названием «Маменькин садик». Этот проект соединяет музейные залы и околomuзейное пространство на протяжении длительного времени (весна–лето–осень) в разноплановых затеях на языке, понятном и близком молодому поколению.

При этом дети становятся активными участниками происходящего.

Стартует проект в мае с «Праздника цветения тюльпанов». И это действительно праздник. Начинается он с прохода по залам музея, с историй появления удивительного цветка в России, с рассказа о цветоводческих пристрастиях Варвары Петровны Тургеневой и завершается выходом в «Маменькин садик» во дворе музея, где гостей встречает красочное великолепие живых тюльпанов, выращенных сотрудниками музея под руководством В.А.Макешиной. Причудливые формы, разные цвета этого роскошного цветка завораживают не только детей, но и взрослых. И каждый в честь праздника получает из рук феи желтый тюльпан. Тюльпанная тема сопровождает «Ночь в музее» в честь Международного дня музеев. Отцветают тюльпаны, зацветают ирисы, потом пионы, потом лилии, флоксы, астры и т.д. «Маменькин садик» благоухает до октября, когда наступает другой, немного грустный праздник – представление «Прощание с садом». В этом проекте большое место занимает сказочная линия: выставка «Эльфы и тюльпановое дерево», «Литературная сказка времён Тургенева», «Праздник сказки», Литературные игры школьников на ту же тему. И, конечно, все перечисленные события не были бы такими запоминающимися без участия в них артистов студенческого театра ОГУ «Ювента» под руководством Н.Н.Смоголь. Их спектаклем по сказке К.Гюцци «Ворон» завершился 2011 год.

Следует отметить высокую творческую атмосферу в коллективе научных сотрудников тургеневского музея. Зрители запоминают каждого из участников: и Л.А.Балыкову, и Е.Г.Мельник, и С.Л.Жидкову, и А.Ю.Бушунова, - их эрудицию, артистизм, умение владеть аудиторией.

Не менее интересной была работа и в других музеях Объединения, тем более, что в 2011 году праздновались юбилеи трёх писателей-орловцев: 180-летие Н.С.Лескова, 140-летие Л.Н.Андреева и 130-летие Б.К.Зайцева.

180-летие со дня рождения Н.С.Лескова в очередной раз показало, что интерес к творчеству «волшебника слова» не ослабевает, что и учёные, и обычные читатели открывают в этом писателе новые грани, наблюдения и мысли, созвучные нашему времени.

Программа празднования юбилея Лескова была рассчитана практически на весь год, – начиная с 16 февраля – дня рождения писателя и кончая декабрьским празднованием дня рождения его правнучки Т.Ю.Лесковой.

Торжественный вечер, подготовленный сотрудниками Дома-музея Н.С.Лескова совместно с творческими коллективами города, состоялся в зале Областной филармонии и собрал почитателей таланта писателя самых разных возрастов и профессий.

В Доме-музее Н.С.Лескова открылись и работали две выставки: «Лесков в изобразительном искусстве. Театральный характер», на которой впервые была показана изобразительная «лесковиана» из фондов музея, и выставка иллюстраций учащихся Орловской школы изобразительных искусств и ремесёл к рассказу Лескова «Неразменный рубль».

И ещё одна художественная выставка, посвящённая «достопавному орловцу» была организована в юбилейном году при непосредственном участии ОГЛМТ. Это международная выставка-конкурс живописи, графики, скульптуры «Запечатленный ангел». На выставке зрители увидели работы художников из Орла, Москвы и других городов, в том числе из Болгарии: портреты писателя, иллюстрации к его произведениям, эскизы декораций к спектаклям по произведениям Лескова, пейзажи лесковских мест. Такой подъём изобразительного творчества особенно радует, когда вспоминаешь об интересе самого Лескова к этому виду искусства.

Новыми открытиями в научном исследовании творчества Н.С.Лескова поделились учёные-лесковеды на двух Международных конференциях, которые прошли в Орле и в Москве.

5-9 октября в Орле состоялась конференция «Орловский текст русской словесности: Творческое наследие Н.С.Лескова», организованная по сложившейся традиции музеем совместно с кафедрой литературы ОГУ. Сотрудники музея (Е.В.Мазина, О.С.Аракчеева, Е.А.Терехова) не только выступили с докладами, но и организовали интересную творческую встречу с участниками конференции в стенах Дома-музея Н.С.Лескова.

А 21-23 ноября орловцы приняли участие в международной конференции «Документальное наследие Н.С.Лескова: текстология и поэтика» в Москве. В организации этой конференции музеем тоже принял участие совместно с РГАЛИ.

Особое место в юбилейной программе заняли мероприятия, адресованные детской аудитории. Учащиеся орловских школ были зрителями на открытии выставки иллюстраций к «Неразменному рублю», для них подготовили литературные и литературно-музыкальные утренники: «У Рождественской ёлки», «Волшебник слова», «История дома над Орликом», «Побеждай зло добром», «Чудная вещь – старая сказка» и другие. Е.В.Мазина, Т.Ю.Синякова, С.И.Труфанова, О.С.Аракчеева делают детские мероприятия увлекательными и познавательными благодаря демонстрации уникальных экспонатов не только в экспозиции, но и из запасников музея.

Настоящим подарком орловцам в юбилейном лесковском году стал третий по счёту визит в Орёл правнучки писателя Т.Ю.Лесковой, живущей в Бразилии. Встреча в стенах музея с этой удивительной женщиной, бывшей известной балериной, надолго запомнилась всем её участникам.

Практически ежегодно Музей писателей-орловцев отмечает день рождения Б.К.Зайцева. Но юбилейные дни рождения отличаются большим разнообразием и насыщенностью.

Поскольку Музей писателей-орловцев закрыт на ремонт, то экспозиционная составляющая 130-летия со дня рождения Зайцева была сосредоточена на выставке «Русская Тоскана. Образы Италии в творчестве писателей и художников Орловского края. XIX-XX в.в.». Автор научной концепции выставки А.Т.Молозева приурочила её также к году Италия–Россия. И, конечно, главным героем выставки стал Б.К.Зайцев, для которого Италия была одним из источников творческого вдохновения.

Удивительно душевным, поистине «зайцевским» стал городской юбилейный вечер «По страницам произведений Б.К.Зайцева» (автор сценария Г.О.Терехова). Зрители почувствовали особенную творческую манеру Зайцева, прониклись лиризмом его произведений, его искренней любовью к России.

Традиционно собрались на родине Бориса Константиновича исследователи его творчества из разных регионов на научную конференцию «Творчество Б.К.Зайцева и мировая литература». На конференции прозвучало много интересных докладов, исследующих проблематику и поэтику произведений писателя, особенно христианские мотивы в его творчестве. Возглавили конференцию внук писателя М.А.Соллогуб (Франция) и старейший зайцевед Е.К.Дейч (Москва).

Первые шаги в осмыслении творчества Б.К.Зайцева сделали на школьной научно-практической конференции «Ладанка России» учащиеся орловских школ. Эту конференцию музей подготовил в со-

трудничестве с областной детской библиотекой им. М.М.Пришвина.

Третий юбилей 2011 года – «буйный орловец» Леонид Андреев. На выставке ««Я сказал себе, что буду знаменит...» Л.Н.Андреев – писатель и фотограф» орловцы и гости города впервые в полном объеме могли увидеть хранящиеся в фондах музея цветные автохромы – авторские работы Л.Андреева, на которых представлены все члены семьи писателя, его близкие друзья, мир его увлечений. Авторы выставки А.Т.Молозев и Г.Н.Павлова соединили фотоработы с документальным и рукописным наследием Андреева из музейного собрания.

21 августа – в день рождения знаменитого хозяина – Дом Андреева в очередной раз гостеприимно распахнул свои двери для гостей, пришедших на литературно-музыкальный вечер «Леонид Андреев в кругу семьи», в котором приняла участие внучка писателя И.Г.Андреева-Рыжкова (Москва). Она передала в дар музею бесценные семейные реликвии.

27-29 сентября дружное сообщество учёных-андрееведов собралось на конференции «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд». Научные доклады звучали в аудиториях Орловского государственного университета, а вечерами участники конференции приходили в уютный деревянный Дом на 2-ой Пушкинской улице, чтобы в неформальной обстановке поговорить о любимом писателе, выпить чашку душистого чая, который в андреевском доме особенно вкусен.

Помимо названных крупных событий Дом-музей Л.Андреева подготовил для своих взрослых и юных посетителей много интересного. Например, по инициативе заведующей Т.В.Полушиной в музее были организованы заседания литературно-художественного кружка «Среда», названного так в память знаменитых телешевских «Сред», на которых в начале XX века присутствовали наши земляки Л.Андреев, Б.К.Зайцев.

На «Среды» в Доме-музее Л.Андреева собираются орловские писатели, художники, артисты, музыканты. Обстановка музея располагает к творческому общению, обмену мыслями и планами, созданию совместных проектов.

Музейная жизнь, действительно, калейдоскопична, и нельзя в коротком обзоре рассказать подробно обо всём и обо всех.

Радовал своей новой экспозицией Музей И.А.Бунина. Особенно яркими в программе его работы стали: литературный праздник «Я стремился обозреть лицо мира (Италия в жизни и творчестве Бунина)» и праздник, посвященный 20-летию создания музея, изюминкой которого следует назвать моноспектакль Московско-

го театра Ирины Евдокимовой «Ночь печальна» (И.А.Бунин и С.В.Рахманинов). Сочетание бунинских строк и музыки Рахманинова в талантливом исполнении Ирины Евдокимовой не оставило равнодушным никого из присутствующих. Вдохновителем и организатором этих прекрасных действий, как всегда, явилась заведующая музеем Бунина И.А.Костомарова.

Творческая и инициативная молодежь Дома Т.Н.Грановского всегда в поиске: в поиске новых форм контактов с посетителем, в поиске новых тем, в поиске талантливых умельцев из народа. В выставочном зале Дома Грановского экспонировали свои работы мастерицы бисерного шитья В.Черногорова, Л.Макарова, М.Диденко, живописец Г.Миночкин из Болхова, народный мастер России Мария Семёнова, художник по батiku Т.С.Блинова.

Сотрудники музея Н.В.Ветрова и А.А.Куренцова во главе с заведующей музеем А.Н.Чернышовой продолжали совершенствовать фольклорные вечера и праздники, объединённые в цикл «Возрождаем традиции». Наверное, нет в Орле ни одной школы, учащиеся которой не побывали бы на этих мероприятиях в Доме Т.Н.Грановского.

2011 год доказал, что Орловский объединённый государственный литературный музей И.С.Тургенева, под руководством молодого директора В.В.Ефремовой, сохраняя лучшие традиции прошлых лет, активно пробует современные методы и формы работы, ищет дорогу к сердцам и умам зрителя XXI века.

В 2012 году, который был объявлен годом российской истории, вся страна отмечала 200-летие Отечественной войны 1812 года и, соответственно, Бородинской битвы. Не остался в стороне от этого события и музей. Сотрудники музея совершили поездку в священное для всех русских людей место – Бородинское поле, где поклонились памяти, героизму и самоотверженности участников этой великой битвы. Впечатления, полученные во время поездки, помогли на высоком уровне провести торжественные мероприятия в музее.

Прежде всего следует отметить великолепную выставку «День вековой славы...» (автор А.Т.Молозева). Фондовое собрание музея позволило экспозиционными средствами рассказать о подвиге солдат и офицеров, о патриотическом порыве всего русского народа, ставшего на защиту Отечества. На выставке представили свои работы орловские художники. Восхищение зрителей вызвали портреты двух участников Бородинского сражения, орловцев, написанные Ольгой Сорокиной. Это портрет прославленного генерала А.П.Ермолова, а также С.Н. Тургенева, красавца-кавалергарда, отличившегося на поле Бородина. Украсили выставку художественные фотографии Валентины Павловой, запечатлевшие памятники

и памятные знаки на местах ожесточённого сражения. Эту выставку посетили практически все орловские школы.

С большим интересом воспринят музейный спектакль «Женщины в войне 1812 года», подготовленный сотрудниками Дома Т.Н.Грановского и литературно-музыкальный вечер «Записки русского офицера» (автор сценария Л.М.Маричева и А.Н.Чернышова).

Из литературных юбилеев 2012 года было отмечено 135-летие со дня рождения И.А.Новикова. Была открыта выставка «С Пушкиным на всю жизнь», которая ознаменовала также 175-летие гибели А.С.Пушкина. Состоялся литературно-музыкальный вечер в Областной филармонии. Исследователи творчества И.А.Новикова собрались в Орле на научную конференцию.

Как всегда разнообразно и интересно проходила работа, связанная с творческим наследием И.С.Тургенева. Две выставки, посвящённые юбилейным датам (165 лет первой публикации очерка «Хорь и Калиныч» и 160 лет выхода первого отдельного издания цикла «Записок охотника»), выставка к 150-летию романа «Отцы и дети».

Новое наполнение в 2012 году получил проект «Маменькин садик»: фотовыставка «Цветение тюльпанов», представление «Эльфы и тюльпановое дерево», посадка новых растений в садике, экскурс в цветочные пристрастия В.П.Тургеневой.

Традиционно отмечались именины И.С.Тургенева и день рождения Полины Виардо.

В День памяти писателя зажглась поминальная свеча, а в день рождения, 9 ноября, студенческий театр «Ювента» представил драматическую сценку И.С.Тургенева «Разговор на большой дороге».

Много внимания уделялось проблемам Дворянского гнезда. Вырабатывалась концепция наполнения «Дома Калитиных», обсуждался проект реставрации этого здания. Для привлечения внимания властных структур общественности и писателей города к этому вопросу традиционный Тургеневский праздник был проведён на «Дворянке» и объединил в своём содержании два тургеневских произведения. От «Записок охотника» к «Дворянскому гнезду» – такое название носил этот праздник. Порадовало то, что, несмотря на дождливую погоду, народу на празднике собралось очень много, зрители переходили от площадки к площадке, следуя за артистами и музыкантами. (Идея праздника – Л.Дмитрюхина, сценарий и режиссура – С.Бурлаков).

Совершенно замечательное событие произошло в октябре 2012 года. С 6 по 16 октября сотрудники музея и члены Тургеневского общества совершили экспедицию по тургеневским местам Герма-

нии. Маршрут этой поездки пролегал через Берлин, Веймар, Баден-Баден, Франкфурт-на-Майне, Гейдельберг, Кель, Страстбург, Карлсруэ. Это путешествие заслуживает более подробного рассказа. Здесь же хочется отметить, что пригласило орловцев в Германию Тургеневское общество Баден-Бадена в лице его председателя Ренаты Эфферн. Встреча двух тургеневских обществ была очень интересной, тёплой и взаимно обогащающей.

Итогом встречи стала Декларация о намерениях, подписанная директором ОГЛИТ В.В.Ефремовой, председателем Тургеневского общества в Орле Л.А.Бальковой и председателем Тургеневского общества Баден-Бадена госпожой Ренатой Эфферн. Декларация предусматривает совместные действия по пропаганде творческого наследия Тургенева и проведение 200-летия со дня рождения писателя.

Поездка совершилась в рамках года Россия-Германия. В связи с этим на выставке в Государственном Историческом музее (Москва) «1000 лет вместе» экспонировалось Студенческое удостоверение, выданное Берлинским университетом Фридриха Вильгельма И.С.Тургеневу.

I.

*К 150-летию
Великой Реформы*

Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева

17 ВЫСТАВКА 27
марта посвящается 150-летию отмены
июня крепостного права в России

**Аннибаловская клятва.
Тургенев и крестьянская реформа**

На выставке экспонируются материалы из фондов Музея И.С. Тургенева,
Музея изобразительных искусств, Государственного архива Орловской области
Заявки принимаются по тел.: 76-27-37

«АННИБАЛОВСКАЯ КЛЯТВА». ТУРГЕНЕВ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА

(Выставка к 150-летию отмены крепостного права в России)

Наступивший 2011 год отмечен памятной датой: исполнилось 150 лет со времени начала крестьянской реформы. Для нас это повод с благодарностью вспомнить тех, кто внёс свой вклад в её подготовку и осуществление. Имя Ивана Сергеевича Тургенева в этом ряду, несомненно, знаковое. Для писателя труды, направленные на приближение и осуществление отмены крепостного права, имели центральное, сердечное, сокровенное значение. Выбор магистральной линии его жизни определился уже к двадцати годам. В своих «Литературных и житейских воспоминаниях» он так писал об этом: «Почти всё, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувство смущения, негодования – отвращения, наконец, <...> я не мог дышать одним воздухом с крепостниками, оставаться рядом с тем, что я возненавидел <...>. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага, чтобы из самой дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был – крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва...»¹.

Действительно, в известном смысле вся литературная и общественная деятельность Тургенева может рассматриваться как неустанная и последовательная борьба с крепостным правом и его разнообразными проявлениями и вместе с тем как вклад писателя в процесс демократизации общественного сознания в России.

Говоря об антикрепостнической деятельности Тургенева, мы поневоле касаемся его политических воззрений, которых он никогда не скрывал, называя себя либералом-постепеновцем в английском, монархическом духе. Современники подчёркивали бескомпромиссность писателя, когда речь шла о его заветных убеждениях и, прежде всего, о необходимости освобождения крестьян. Как известно, антикрепостническая направленность «Записок охотника» сделала Тургенева «неблагонадёжным» в глазах правительства и повлекла за собой полицейские репрессии.

Однако «Записки охотника», ставшие центральной книгой своего времени и «положившие начало целой литературе, имеющей объектом народ и его нужды», всё же далеко не исчерпывают антикрепостнической темы в жизни и творчестве Тургенева. Можно сказать, что эта тема рождается, растёт и развивается с самого детства будущего писателя – вместе с рассказами стариков о предках-крепостниках, с наблюдениями над русской жизнью, с постепенным постижением уроков истории.

Вот почему, работая над выставкой, указанной в титуле этой статьи, мы поставили целью проследить связь литературной и общественно-политической деятельности Тургенева с историей крестьянской реформы. Представляется, что мы едва ли не впервые предпринимаем подобный опыт, а именно: *рассмотреть позицию писателя в контексте мероприятий правительства, направленных на реформирование крепостного права в России (1760-е – 1860-е годы), и с учётом главнейших исторических и общественно-политических событий в России в указанный период.* При этом мы полагаем возможным показать, под влиянием каких факторов формировались антикрепостнические взгляды Тургенева, представить позицию писателя на фоне общественно-политических течений времени (полемика Белинского с Гоголем, идеология журнала «Современник», общение с декабристом Н.И.Тургеневым, с А.И.Герценом, с русскими реформаторами), дать анализ отдельных произведений писателя с точки зрения отражения в них истории крепостного права в России («Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым», «Новь» и др.), представить деятельность писателя в пору крестьянской реформы, пояснить отношение Тургенева к процессам, происходившим в пореформенный период.

Обратим внимание на актуальность темы: вопрос о земле и о положении крестьянина, стоявший столь остро на протяжении столетий, не утратил своей злободневности и в наше время, хотя и обрёл новое обличье. Понятно, что столь обширный круг тем может быть представлен на небольшом экспозиционном пространстве не иначе как фрагментарно, но самая значительность заявленного сюжета в жизни и творчестве Тургенева заставили нас принять это условие.

Выставка представлена пятью разделами – четырьмя главами и эпилогом; каждый раздел открывается живописным портретом одного из российских государей: эти полотна нам любезно предоставил во временное пользование Орловский музей изобразительных искусств. Ещё один участник выставки – Государственный архив орловской области (ГАОО), который передал в музей Тургенева для экспонирования – в подлинниках и в копиях – редкие документы, некоторые из них выставлены на обозрение впервые.

Раздел I. «Жалованная грамота» и «Наказ» Екатерины Великой

«Я родился в одной из плодороднейших губерний России, в Орловской, и имел случай познакомиться с русским крестьянином и русским помещиком», – писал Тургенев в реферате «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842)³. Здесь, в сердце России, противоречия крепостнических отношений проявились вполне. «Земельный вопрос» встал как нельзя более актуально в эпоху Екатерины Великой. Государыня, придя к власти, задумалась о несовершенстве гражданского устройства в России и пожелала продолжить преобразования Петра I, который, по словам Тургенева, «вывел Русь из прежнего её состояния»⁴.

Обратим внимание на два экспоната: копию «Жалованной грамоты» из семейного архива Тургеневых и знаменитый «Наказ» Екатерины II, сохранившийся в мемориальной библиотеке писателя. Документы эти имели важное значение в истории земельного вопроса в России. «Указ о вольности дворянства», подписанный Петром III в 1762 году, затем «Жалованная грамота» (1785) предоставляли дворянам небывалые свободы и привилегии: они могли не служить в военной службе, имели право служить за границей и т.д. Эти акты законодательно вводили частную собственность в России. В своем «Наказе» императрица не забыла упомянуть о крестьянах, «коих состояние следовало облегчить, сколько здравое рассуждение позволяет» (С.252). Как известно, Екатерина II следовала советам своих западных учителей – Вольтера, Монтескье (французские издания этих авторов из родовой библиотеки писателя также представлены на выставке). Однако на деле крепостная зависимость стала ещё более тяжелой, положение крестьян – более бесправным. Крестьянин теперь оказывался в полной власти помещика, для которого наступило «золотое время». Это пора обустройства «дворянских гнёзд», накопления богатств и циничной эксплуатации крестьянина. На нашей выставке о ней красноречиво свидетельствуют семейные документы Лутовиновых: внушительная опись имущества легендарного Ивана Лутовинова, двоюродного деда писателя, представляющего неким степным Гарпагоном, и другие документы – «Дело о бесчеловечных поступках с крепостными крестьянами помещицей Е.И.Лутовиновой», «Дело о помещиках Лутовиновых, обвиняемых в нанесении побоев попу Ивану» (1780-1783) свидетельствуют о жестокости и самоуправстве Лутовиновых, о которых надолго сохранилась недобрая память в родовом гнезде будущего писателя.

Их образы оживут на страницах «Записок охотника» («Смерть», «Однодворец Овсяников», «Бежин луг» и др.), повестей «Три портрета», «Степной король Лир», в романе «Дворянское гнездо».

Посетитель может увидеть здесь портрет А.Н.Радищева и рукописный список его знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву» из библиотеки П.В.Киреевского. Тургенев познакомился с этим сочинением в списках, а его автора почитал «одним из первых у нас поборником освобождения крестьян». Впоследствии писатель хлопотал об открытии музея Радищева в Саратове – первом художественном музее в русской провинции.

Радикальный протест против чудовищного положения крестьян, прозвучавший со страниц «Путешествия», в основе своей не столь уж противоречил либеральным установкам «Наказа» Екатерины II. Они расходились в одном: в оценке исторического прошлого России, которое, по мнению Радищева, надо искоренить и построить заново более справедливое государство, и которое, по мысли императрицы, требовало постепенных преобразований и уважительного отношения к традициям⁵. Этот спор найдет продолжение в радикализме и постепеновстве – двух течениях русского либерализма. Poleмика об исторических путях России найдет отражение и в романах Тургенева.

Слово Радищева было услышано в столицах и в усадьбах. В мемориальной библиотеке Тургенева сохранилось сочинение французского социалиста-утописта аббата Мабли в переводе Радищева и с его примечаниями, в которых вполне выразились взгляды переводчика. Эта книга, замаскированная под переплетом с тиснением «Романы» и с инициалами Ивана Лутовинова, также заняла своё место на выставке.

С книгами французских просветителей, с сочинениями Радищева в сознание образованного русского читателя входят новые идеи, которые «...изменяли чувства, не действуя на порядок, смягчали ощущения, не улучшая общественных нравов <...> В этом разъединении мысли и дела самая глубокая черта характера образованных русских людей екатерининского века <...>»⁶. Этот разлад запечатлён у Тургенева в образах Лучинова («Три портрета»), Харлова («Степной король Лир»), вельможи екатерининского времени Колтовского («Несчастная»), Ивана Петровича Лаврецкого («Дворянское гнездо»). Эти герои представлены на выставке в иллюстрациях художников Д.Боровского, Е.Плехан. Устами Луки Петровича Овсяникова подведёт Тургенев итог «великому веку»: «Нет, старого времени мне особенно хвалить не из чего»⁷.

Раздел II. «Дней александровых прекрасное начало...»

Минуя время недолгого царствования Павла Петровича, обратимся к новой эпохе – началу XIX века, связанного с самыми смелыми ожиданиями.

Александр I, впитавший либеральные идеи своей бабки, по восшествии на престол пожелал дать России конституцию. Его намерения не нашли осуществления в связи с начавшимися войнами с Наполеоном. Гроза 1812 года многое разрушила, многое всколыхнула, объединив людей разных сословий.

Царь понимал необходимость освобождения крестьян и в самом начале своего правления дал наказ Главному комитету «сделать что-нибудь в пользу крестьян»⁸. Полемика видных политических деятелей той поры вокруг вопроса о крепостном праве (Н.С.Мордвинов, М.М.Сперанский, Н.И.Тургенев) свидетельствует как о разбросе мнений, так и о неготовности властей к реформам. Но в этом вопросе ориентировались в основном на западную модель, не забывая, впрочем, традиционной привычки русских к абсолютной власти монарха.

Существенные надежды возлагались на западную экономическую науку: сочинения А.Смита, И.Бентама, Ф.Бэкона, Ж.-Б.Сэя, Д.Фергюссона переводились на русский язык и издавались по заказу и при финансовой поддержке правительства. Труды европейских учёных входят в моду в образованном обществе, что не преминул отметить Пушкин в своём «Онегине»: его герой «Бранил Гомера, Феокрита;/ Зато читал Адама Смита/ И был глубокий эконом...»

Практических шагов, направленных на освобождение крестьян, в эпоху Александра I было сделано немного. В целом это время распространения либеральных идей, которые начинают формировать антикрепостнические настроения в среде дворянства⁹.

В ожидании «эмансипации» популярной становится идея о «просвещённом» управлении крепостными, о «гуманном» помещике. В статье «*Письмо сельского жителя*» Н.М.Карамзина (1802; публикация этой статьи сохранилась в мемориальной библиотеке Тургенева) утверждается мысль о том, что помещик должен обеспечивать благосостояние крестьян: «Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком <...>»¹⁰.

Эти идеи проникают в среду провинциального дворянства. Родители будущего писателя, как впоследствии и многие его герои, читают западных экономистов (сочинения некоторых из перечисленных выше авторов из родовой библиотеки Тургенева представлены на

выставке), занимаются агрономической наукой (ею особенно увлекается В.П.Тургенева). Идея отправиться в Европу в 1822 году в какой-то мере, по-видимому, связана с желанием молодых супругов Тургеневых научиться искусству управления хозяйством у западных специалистов¹¹. Родителям писателя лестно было прослыть просвещенными помещиками. По сути, эти идеи будут прочно усвоены их сыном. В наброске статьи *«Несколько слов о современном значении русского дворянства»* (1858), в романах Тургенева неотступно проводится мысль об ответственности помещика за судьбу родины, за судьбы крестьян. Герои Тургенева возвращаются в деревню, чтобы научиться «землю пахать» и упрочить быт своих крестьян.

Что же касается родителей писателя, представляющих на нашей выставке поместное дворянство, то они были выведены в образах «добрых помещиков» Сергея Николаевича и Варвары Петровны Добровых в пьесе известного театрального деятеля той поры *Н.П.Свечина «По усам текло, а в рот не попало»*. Программа возобновлённого в начале нынешнего века спектакля вместе с фотографиями некоторых сцен (исполнители – артисты театра-студии «Ювента») иллюстрируют эту тему на выставке вместе с документами того времени: «Дело о тяжбе между В.П.Тургеневой и её тётками из-за имущества И.И.Лутовинова» (1813-1822), Послужной список С.Н.Тургенева – героя войны 1812 года. Рядом – мемории XIX века: ларец, подаренный музею потомками писателя со стороны отца, каминные часы, украшенные скульптурой охотника, киса – вязаный кошелёк и другие предметы крестьянского быта из Спасского-Лутовинова и окрестных деревень. Несколько раскрашенных литографий А.Орловского рисуют безмятежные картины народной жизни.

Впрочем, эпизоды патриархальной гармонии помещиков с их «подданными» (такие сцены встречаются, например, в *Воспоминаниях В.Н.Житовой о семье Тургенева*)¹² всё-таки редки. В основном фон остаётся мрачным: истории унижений, страданий, сломанных судеб крепостных людей (в книге В.П.Тургеневой *«Книга записей неисправностей моих людей»* видно, что система наказаний за разные провинности зачастую сводилась к розгам на конюшне, высылке в заглазную деревню, «бритью лба»). Эти истории, рассказанные читателю на страницах «Записок охотника», в своё время поразили общественное сознание и многое изменили в нём.

Раздел III. «Собственная господская контора»

Николай I продолжил и упрочил многое из того, что было сделано при Екатерине II и Александре I. Прежде всего, издается «Свод

Законов Российской империи», что способствует развитию правосознания в обществе. Однако вопрос об отмене крепостного права не ставится. Царь, напуганный восстанием декабристов, намеревался всячески укрепить существующую систему. На заседании Государственного совета он провозгласил, что земля есть собственность помещиков, но не крестьян, на ней живущих. Это и стало главным препятствием для освобождения крестьян, хотя царь понимал пагубность крепостного права. Он стремился по возможности подчинить власть помещиков государственному контролю, ограничить их влияние. Но на местах законы игнорировались. Крестьянин даже не имел права жаловаться на произвол. В рассказах Тургенева «Льгов», «Малиновая вода», «Ермолай и мельничиха», «Бурмистр» можно видеть множество эпизодов расправы помещиков над крестьянами и абсолютного бесправия последних в николаевскую эпоху.

Между тем по приказу царя в столице работают 6 тайных комитетов, в которых рассматриваются вопросы обустройства крестьян. В 1842 году, когда Тургенев подает прошение о принятии его на службу в Министерство внутренних дел, была сделана попытка наделения крестьян землей на правах аренды. Эта попытка закончилась безрезультатно. В 1846 году Л.Я.Перовский предложил свой план, согласно которому крестьяне, продолжая оставаться крепостными, переставали быть собственностью хозяев¹³. Тургенев, служивший ещё в 1845 году в канцелярии Перовского, надо думать, знал проблему изнутри и был в курсе планов правительства. Написанный в 1846 году рассказ «Хорь и Калиныч» несёт следы раздумий писателя над проектами, создававшимися в Комитетах: его герой Хорь как будто склонен поддержать предложенный Перовским план. Он не спешит откупаться от своего барина, ибо свобода чревата для него новым, чиновничьим произволом, в то время как помещик защищает его от чиновника, выполняя на селе административные, судебные, фискальные обязанности.

Хотя при Николае I крепостное право было несколько ограничено, повсюду царил полицейский произвол. По воспоминаниям Тургенева, тогда «не только писать было невозможно, дышать было тяжело»: «Бросишь вокруг себя мысленный взор; взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, суда нет <...> какая-то темная туча постоянно висит над всем... учёным литературным ведомством <...> страх и приниженность во всём, хоть рукой махни»¹⁴.

Дух бюрократической регламентации поневоле захватывает жизнеустройство и в помещичьей усадьбе. Казарменная система, установившаяся в столице, как в капле воды, отражается в деревне. Мать Тургенева сама «пишет законы» в своём уделе (ведутся

книги: «Чем недовольна», «Книга записей несправностей моих людей»). В рассказе «Контора» из «Записок охотника», в главе из романа «Два поколения» «Собственная господская контора» Тургенев рисует сатирический образ барыни, «творящей законы», по которым должны жить «её люди». Дух страха и раболепства царит вокруг неё. В набросках к рассказу «Русский немец и реформатор» писатель задумывает создать гротескный образ помещика, до мелочей регламентирующего жизнь своих крепостных. В стихотворном эпиграфе к рассказу Тургенева «Лес и степь» звучит протест против утеснительных правил нового царства; русский человек, по сути своей свободен, он

*Идёт себе – поёт себе беспечно;
Идёт... куда? не знает! бесконечно
Бегут, бегут, несвязные слова.
Приподнялась уж по следу трава...
Ему другой вы не сулите доли –
Не хочет он другой, разумной воли...¹⁵*

В кружке В.Г.Белинского, в кругу журнала «Современник», в общении с А.И.Герценом, в пору обсуждения «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.Гоголя и Письма Белинского к Гоголю Тургенев обретает единомышленников, разделявших критическое отношение писателя к крепостному праву. В эпоху Николая I они были подготовителями крестьянской реформы в общественном сознании. Позиция Тургенева тогда не осталась незамеченной властями: арест и последующая ссылка писателя были во многом обусловлены антикрепостническим характером его творчества и, прежде всего, «Записок охотника»¹⁶.

В разделе выставки, посвященном этому периоду, мы акцентируем внимание на инсталляции, где реконструируется, посредством мемориальных предметов, «Собственная господская контора», в том виде, как она описана в романе «Два поколения»: на столе – «Свод законов гражданских и межевых» (1833) из мемориальной библиотеки Тургенева, походная чернильница писателя, факсимильное воспроизведение титульного листа книги «Записки несправностей моих людей» В.П.Тургеневой, издания по агрономии на французском языке, счёты. На стене: подлинный «План леса в даче села Спасского-Лутовинова», копия с портрета основателя усадьбы – И.И.Лутовинова, а также лубок XIX века, иллюстрирующий события войны 1812 года, рядом – шкаф с книгами и архивными делами о взаимоотношениях владельцев Спасского с их крестьянами.

Отдельным блоком – на стене и в витринах – первое издание «Записок охотника», факсимиле страницы реферата Тургенева «Не-

сколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842), живописные полотна Л.И.Курнакова «Тургенев и крестьянин» (1951) и Ю.А.Титова «Тургенев и Белинский в Зальцбрунне» (1951). Ряд небольших акварелей Г.П.Косенкова (1970-х годов) иллюстрируют эпизоды из «Записок охотника» и быт крестьян Спасской усадьбы.

События революции 1848 года, существенно повлиявшие на становление Тургенева как либерала-постепеновца, представлены на выставке сочинениями деятелей революции – Ж.Мишле и Л.Блана, посвящёнными истории французской революции (1847). Здесь же книга Н.И.Тургенева «Опыт теории налогов» (1818), как полагают, подаренная автором отцу писателя, сочинение П.Д.Пассенана на французском языке «Россия и рабство» (1822) – все эти книги из библиотеки писателя входили в круг его чтения, утверждали его в неприятии крепостнических порядков России, выразившемся с особой остротой в рассказе «Муму». Главный герой рассказа – Герасим представлен на выставке в виде куклы (работа художника Л.Е.Жмакиной), которая и завершает данный раздел выставки.

Раздел IV. Освобождение

Эпоху Александра II справедливо называют эпохой великих реформ. Царь с самого начала своего правления считал освобождение крестьян самой главной своей задачей. Уже в 1856 году Александр II объявляет о своём намерении Московскому дворянству. В январе 1857 года создаётся Комитет для крестьянских дел, а через год – Главный комитет по улучшению быта крепостных крестьян. В губерниях также создаются Комитеты, возглавлявшиеся губернскими предводителями дворянства. Они должны были на местах выработать предложения к Закону об улучшении быта крепостных крестьян. Комитеты успешно завершили свою работу к сентябрю 1859 года. Следующий год – год согласования предложений и выработки проекта освобождения крестьян в редакционных комиссиях. Итоги их работы подводит Главный комитет во главе с генералом Я.И.Ростовцевым, в который входила группа единомышленников: Н.А.Милютин, Ю.Ф.Самарин, князь В.А.Черкасский. Ростовцев умер незадолго до окончания работ. Его заменил граф В.Н.Панин.

В период выработки текста Манифеста во главе Комитета встал Великий князь Константин Николаевич, во всем поддерживавший Александра II. 19 февраля 1861 года царь подписал Манифест об освобождении крестьян.

К тому времени напряжение в обществе достигло своей кульминации. Ожидания породили революционные настроения, активизируется радикальное крыло русской интеллигенции; эти люди полагали, что «Россия – это белый лист, на котором легко можно записать всё то, что диктует наука и социология»¹⁷ или по крайней мере, разрушить прогнившие устои общества, чтобы подготовить этот чистый лист. Подобный тип Тургенев выводит в образе нигилиста Базарова в романе «Отцы и дети».

В преддверии крестьянской реформы писатель выразил своё убеждение в её насущной необходимости в «Записке о крепостном праве», анонимно напечатанной в «Revue de Paris» (1857), где он призвал российское дворянство выполнить свой долг перед своими «менее счастливыми братьями». По сути, о том же – в наброске статьи «Несколько слов о современном значении русского дворянства» (1858). Тогда же он выступает посредником между редакцией эмигрантской газеты «Колокол» и партией реформаторов на родине. Он способствует публикации за границей материалов о злоупотреблениях русских помещиков. С другой стороны, он отводит чрезмерные нападки «Колокола» на тех, кто готовил реформу – Александра II, Великого князя Константина Николаевича и др.

В процессе подготовки реформы Тургенев участвует в конкретных мероприятиях, проводимых на родине. «Теперь каждому надобно быть на своём гнезде»¹⁸, - писал он. Приехав летом 1858 года в Россию, писатель тут же едет в Орёл, чтобы принять участие в комитетских выборах, остро реагирует на победу представителей реакции. Он активно сотрудничает с партией реформаторов в Орле, в частности, с В.В.Апраксиным, В.К.Ржевским, И.В.Павловым, вероятно, с А.В.Сафоновым. Он следит за происходившими в Орле событиями по письмам И.П.Борисова, А.А.Фета. Имя Тургенева стоит среди тех, кто выразил благодарность царю в виду готовящейся крестьянской реформы («Орловские губернские ведомости», 1858, март). Сам он уже летом 1858 года сообщал Полине Виардо, что на нём не будет огненные клейма владельца душ¹⁹.

Писатель с энтузиазмом воспринял Манифест 19 февраля. Вместе с группой русских (среди которых был декабрист Н.И.Тургенев) он заказал благодарственный молебен в русской церкви в Париже. Он осознавал огромное значение этого исторического события. Впоследствии он неизменно проводил в жизнь принцип наибольшего благоприятствования крестьянам в своих имениях.

Тургенев вместе с группой реформаторов (среди которых Великая княгиня Елена Павловна, князь В.А.Черкасский, Н.Я.Ростовцев) задумывает издание журнала для землевладельцев, который помог

бы им ориентироваться в условиях переходного периода: он пишет проект журнала «Хозяйственный указатель» (1857). Считая необходимым обеспечить доступ к образованию для крестьянских детей, Тургенев составляет проект Общества для распространения грамотности и первоначального образования в России (1860). Во 2-ой половине 1860-х годов он предпринимает строительство школы для крестьянских детей в Спасском-Лутовинове, открывает богадельню для стариков. Политические задачи момента были сформулированы Тургеневым в письме к Александру II – в нём содержались предложения конституционных реформ; письмо, впрочем, до адресата не дошло. Писатель выступает с позиций либерала-постепеновца, остаётся верным девизу: «Без поспешности, без промедления».

Радикальная часть русского общества избирает иной путь – классовой борьбы, революции. Разочарованность в дворянстве как «передовом классе» выразилась у Тургенева в романе «Отцы и дети». Но и новое поколение, по мысли писателя, не способно было пока ещё предложить идеалы новой России. Между тем, общество, где «всё перевернулось и только укладывается», не было готово к свободе – и правые, и левые желали «сильной руки», призывали диктатуру. Эти настроения нашли отражение в романе «Дым».

Тургенев был свидетелем зарождения в России терроризма: это движение впервые предстаёт русскому читателю на страницах романа «Новь». Писатель потрясён убийством в марте 1881 года Александра II и первым в русской провинции построил у себя в усадьбе часовню во имя Св. Александра Невского – в память царя-освободителя.

Тургенев считал, что главное дело его жизни осуществилось: он исполнил свою «аннибаловскую клятву». Он говорил: «Всё, что хотел бы пожелать для своей могилы, – это чтобы на ней были выгравированы слова о том, что моя книга («Записки охотника») послужила делу освобождения крестьян»²⁰.

Данный раздел выставки призван осветить деятельность Тургенева в период крестьянской реформы. Здесь помещены редкие документы того времени: «Орловские губернские ведомости» с Адресом орловского дворянства (1858, март), «Уставная грамота с. Спасское-Лутовиново» (1862), «Дело Мценского земского исправника о распространении ложных слухов между крестьянами г. Тургенева» (1858), Список крестьян-пенсионеров Тургенева (1860-е годы), «Сведения о продаже имений, земель, лесов, находящихся во владении И.С. Тургенева (1867-1876 годы)», «Дело о постройке часовни в Спасском-Лутовинове» (1881). События времени представлены живописными полотнами: «Тургенев у Герцена в Лондоне» худож-

ника Шелманова (1951), «Спор в редакции журнала «Современник»», «Чернышевский читает прокламацию «Воззвание барским крестьянам» Ю.Казмичева (1950-е годы), «Сцена в кабаке» (иллюстрация к роману «Новь») П.Н.Пинкисевича. Иконография представляет главных действующих лиц важнейшего периода отечественной истории: Александр II, Великий князь Константин Николаевич, Великая княгиня Елена Павловна, Н.А.Милютин, князь В.А.Черкасский, В.В.Апраксин и др. В витринах – подборка газеты «Колокол» за 1857-1867-68 годы, сборник «Крестьянское дело в царстве польском» (1859) из мемориальной библиотеки Тургенева, прижизненные издания романов «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь». Среди прочего, в этой части выставки можно видеть первый снимок часовни во имя Св. Александра Невского В.Каррика (1883) и литографированное изображение церкви Спаса на крови в С.-Петербурге, построенной на месте гибели Александра II (художник Н.Кофанов, 1982).

Раздел V. Эпилог

Тургенев был писателем, которого сама история признала виднейшим деятелем крестьянской реформы. Неслучайно царь Александр II велел передать ему, что, читая «Записки охотника», он неоднократно приходил к мысли о необходимости отмены крепостной зависимости. Присвоение писателю в 1879 году звания почётного доктора гражданского права Оксфордского университета по преимуществу было обусловлено антикрепостническим значением его «Записок охотника».

Последовавшая за отменой крепостного права эпоха принесла немало разочарований. На местах начинаются крестьянские волнения, усиливается радикализация общества, что провоцирует замораживание реформ. Один за другим уходят реформаторы. Наступает реакция. Крестьяне, хоть и признанные свободными людьми, попадают в новую зависимость. Деревня переживает расслоение, распродают, расхищают земли, зарождается кулачество, происходит обеднение большой массы крестьянства, которое продолжает свой крестный путь. На этом пути встретится ещё немало реформаторов – Столыпин, большевики с их лозунгом «Земля – крестьянам!», который обернётся раскулачиванием и новым закрепощением. Крестьяне ещё спасут Россию от голода в Отечественную войну и в послевоенные годы. Наступят для деревни новые времена. Им посвящена целая литература: Астафьев, Абрамов, Распутин, Носов, Белов, Овечкин – прямые наследники Тургенева в нашей литерату-

ре. В их произведениях – правда об уходящей деревне, прощальный поклон ей. Стало быть, все мечты, все труды и страдания были напрасны? Но недаром жива надежда и неистребима в нас любовь к земле, вечная тяга к ней, к этим деревьям, травам, цветам... И Тургенев остается в русской литературе певцом деревни и созидательного труда на земле – что ни говори, это вещи более древние и неизменные, как сама природа.

Выставку заключают акварель Л.И.Курнакова «Мастеровые благодарят Тургенева за “Записки охотника»» (1957), факсимиле стихотворения в прозе Тургенева «Деревня», сочинения писателей-«деревенщиков», Берегиня из соломки, работа народного мастера В.Соколовой, как символ вечно хранящей крестьянина родной земли.

Примечания.

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. 2-е изд. Соч. Т.11. М., 1983. С.9.
2. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. М., 1965-1977. Т.9. С.45.
3. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.1. С.422.
4. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.1. С.421.
5. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С.43-44.
6. *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С.43.
7. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.3. С.60.
8. *Леонтович В.В.* Указ. соч. С.58.
9. *Леонтович.* Указ. соч. С.55.
10. *Карамзин Н.М.* Письмо сельского жителя. Соч. Т.7. Пб., 1834. С.252.
11. Возвращаясь из заграничного путешествия, Тургеневы посетили знаменитого пчеловода Петра Ивановича Прокоповича. См.: *Чернов Н.М.* Тургеневы в чужих краях в 1822-23 годах //Спасский вестник. №7. Спасское-Лутовиново, 2000. С.88.
12. *Житова В.Н.* Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Тула, 1961.
13. *Леонтович В.В.* Указ. соч. С.144.
14. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.11. С.45.
15. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.1. С.65.
16. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Т.11. С.202, 204.
17. *Кульчицкий Л.* История русской революции. Т.1. Гота. С.292.
18. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т.3. С.270.
19. *Тургенев И.С.* Указ. соч. Письма. Т.3. С.349, 403.
20. *Фори Б.* Воспоминания о Тургенева //И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М., 1983. С.284.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» (По воспоминаниям М.П. С-ой)

Публикация С.А.Ипатовой
С.-Петербург

27 сентября (9 октября) 1883 года, в день похорон Тургенева на Волковом кладбище, в петербургском издании «Новости и Биржевая газета» были опубликованы воспоминания о Тургеневе под громким названием: «Происхождение “Записок охотника”», принадлежавшие некой М.П.С-ой¹.

Большую часть этих воспоминаний занимает повествование о пребывании писателя в двухлетней ссылке в Спасском, последовавшей в мае 1852 года за некрологическую статью о Гоголе, опубликованную в «Московских ведомостях»². Во второй их части приводился рассказ об участии писателя в охоте на волков и о случившемся тогда же трагическом происшествии с его дворовым человеком, доезжачим Игнатием. Этот эпизод, по сообщению мемуаристки, Тургенев намеревался сделать сюжетом «охотничьего» рассказа, однако намерение свое он так и не осуществил. Согласно автору воспоминаний, именно «этот-то несчастный случай с дворовым человеком Ивана Сергеевича и вдохновил его писать очерки из крестьянской жизни».

Само описание охоты и ее трагического финала, воспроизведенные М.П.С-ой, не вызвали сомнений у исследователей в их достоверности и послужили единственным источником неосуществленного замысла писателя, обозначенного в перечне «Неосуществленных замыслов рассказов, предназначавшихся для “Записок охотника”», составленном А.П.Могилянским, под заголовком «Незадача»³. Имя мемуаристки, на свидетельство которой сослался составитель, было им, без всяких объяснений, условно раскрыто как М.П.Свистунова⁴. Дочь декабриста П.Н.Свистунова Магдалина Петровна Свистунова (1848-1907) была переводчицей, сотрудничала в «Русском архиве» и «Вестнике Европы». Известно, что она была корреспонденткой Тургенева (известна одна его записка к ней 1880 года с официальным обращением «милостивая государыня»), однако достоверных сведений об их личном знакомстве не сохранилось⁵.

Незадолго до публикации о «Записках охотника» в «Новостях и Биржевой газете» были напечатаны воспоминания той же М.П.С-ой о пребывании писателя в августе 1864 года в Женеве и о его встрече с

деятелем рабочего движения Ф.Лассалем. Правда, на этот раз воспоминания были подписаны неким «Г-вым»⁶. Публикаторами воспоминаний о встрече Тургенева с Лассалем была замечена нестыковка в датах: по словам мемуаристки, в 1883 году, когда она писала свои воспоминания, ей минул сорок восьмой год, а М.П.Свистуновой в то время было всего тридцать пять лет⁷.

Перечень исключительно переводческих трудов Свистуновой, использовавшей, в основном, псевдонимы (среди которых псевдоним «М.П.С-а» отсутствует), мало известен и, видимо, не очень велик. Биография ее, не богатая событиями, восстанавливается, в основном, по литературе, связанной с декабристским прошлым ее отца, офицера-гвардейца Петра Николаевича Свистунова (1803-1889), отбывавшего наказание на каторге в Чите, Петровском заводе и др. и в конце своей долгой жизни называвшего себя «последним из декабристов».

Биография мемуаристки М.П.С-ой, реконструируемая по немногим сведениям, сообщенным ею о себе в воспоминаниях о Тургеневе, никак не совпадает с биографией М.П.Свистуновой. Родилась она около 1835 года (в сентябре 1883 года ей «минул сорок восьмой год»), имела старшего брата, губернатора в одной из сибирских губерний, «хорошего товарища Тургенева еще в университете», в августе 1864 года познакомилась с писателем в Женеве, куда сопровождала брата, выехавшего на лечение (младшему брату Свистуновой было на этот момент 13 лет); сюда же прибыли младшие сестры Надя и Вера, в которых, согласно неосуществленному замыслу романа Тургенева, рассказанному тогда же писателем мемуаристке, он был влюблен, подобно главному герою романа, который, затруднившись в выборе, собирался покончить с собой, но вместо того должен был уехать в Америку. К августу 1864 года младшим сестрам Свистуновой было 11 и 7 лет – обстоятельство, едва ли способствующее безумной любви взрослого мужчины.

Едва ли Свистунова, сообщая в своих воспоминаниях сведения о встрече Тургенева с Лассалем, сознательно мистифицировала читателя, придумывая биографию, весьма далекую от реальной. Следует отметить и тот факт, что на воспоминания М.П.С-ой откликнулась рецензией газета «Неделя», где было приведено имя мемуаристки: «г-жа М.П.С-кая»⁸. Возможно, редактору была известна настоящая фамилия автора воспоминаний, не совпадающая с фамилией Свистуновой. Если это так, то круг поиска сужается. Усугубляет и без того запутанную историю с авторством воспоминаний и то обстоятельство, что в «Содержании», приведенном на первой странице номера «Новостей и Биржевой газеты» с публикацией о встрече Турге-

нева с Лассалем, указано: «Встреча Тургенева с Лассалем. Т-ва», что требует какого-то дополнительного осмысления.

В предисловии к публикации романа венгерского писателя Мавра Йокая «Новый помещик» (1880) Свистунова, представляя автора русскому читателю, сравнивает его рассказы с «Записками охотника» и, в отличие от мемуаристки М.П.С-ой, убежденной, что «Записки охотника» были написаны в 1852 году, осознает, что «первые очерки из «Записок охотника» Тургенева у нас и рассказы Йокая в Венгрии появились почти одновременно в конце 40-х годов, без того, чтобы в одной стране знали о литературных явлениях в другой»⁹. И, наконец, еще одна мелкая деталь, говорящая не в пользу авторства Свистуновой: мемуаристка пишет, что ее воспоминания могут быть «интересны русскому читателю», из чего может следовать, что к сентябрю 1883 года она, в отличие от Свистуновой, находилась или, скорее всего, проживала за пределами России.

На воспоминания М.П.С-ой откликнулся А.С.Суворин, в издании которого на протяжении сентября 1883 года активно публиковались посмертные отклики о Тургеневе¹⁰. Обнаружив в тексте воспоминаний очевидные ошибки, редактор «Нового времени» ревностно встал на защиту Тургенева и охарактеризовал мемуары, как «мнимые» и как «выдуманный вздор», свидетельствующий «о глубоком литературном невежестве как автора этого воспоминания, так равно и редакции газеты, приютившей, очевидно, выдуманный им вздор».

«Можете себе представить, – восклицал Суворин, – этот беззащитный автор считает «периодом из жизни Тургенева», когда были им начаты “Записки охотника”, его ссылку в деревню в 1852 году! Он рассказывает разные сомнительные анекдоты о том, как помещики, помещицы и их дочки добивались видеть “интересного ссыльного”, рассказывает, что у Тургенева был какой-то дворовый человек Игнатий, который погиб на охоте, попав в волчью яму. Не говоря уже о том, что это объяснение “происхождения” “Записок охотника” само по себе достаточно глупо, вся прелесть “фактов, имеющих громадный интерес”, заключается в том, что они, если даже допустить их вероятность, оказываются происходящими уже в то время, когда «Записки охотника» были не только написаны, но даже изданы отдельной книгой. Ссылка Тургенева относится к 1852 году, а “Записки охотника” начаты в 1847 году, а затем в 1852 году вышли отдельным изданием в Москве, в двух частях»¹¹. Особенно резко высказался Суворин по адресу газеты, опубликовавшей воспоминания С-ой. Не обошел он вниманием и предыдущую публикацию воспоминаний о встрече Тургенева с Лассалем.

«Встреча Тургенева и Лассаля, - писал Суворин, - изображена совершенно так, как рисуют на лубочных картинках встречи русских и турецких генералов при сдаче Плевны. Но у нас в теперешний “период” литературного невежества подобные лубочные “воспоминания” идут за “драгоценные материалы” для биографии Ивана Сергеевича и не только печатаются в “серьезных” газетах, но даже перепечатываются в журналах!»¹².

Делая скидку на полемический запал Суворина против издания «Новости и Биржевая газета», с членами редакции которого у «Нового времени» были сложные отношения, а также на его ревностное отношение ко всему, что публиковалось о Тургеневе в сентябре 1883 года не в его газете, нельзя не признать некоторые его замечания вполне справедливыми. И все же воспоминания М.П.С-ой имеют, на наш взгляд, определенную ценность и могут быть предложены современному читателю.

Воспоминания воспроизводятся по тексту газетной публикации, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

М.П.С-а

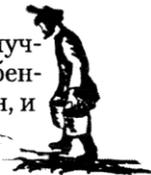
Происхождение «Записок охотника»

«Записки охотника», собственно говоря, и послужили началом литературной известности их знаменитого автора¹³. Но¹⁴ всякому образованному читателю очень хорошо известно, что те бытовые очерки, которые собраны под этим названием, распадаются по характеру своих сюжетов на две категории или, правильнее сказать, на две художественные панорамы, в которых почти фотографически правдиво отразились два течения русской жизни во времена крепостного права. В одной из этих панорам читатель может исследовать разнообразные черты быта помещичьего, в другой – крестьянского. Как быт помещичий, так и быт крестьянский, воссозданы Иваном Сергеевичем Тургеневым, именно, в той степени – помещичий культурного, а крестьянский – стихийного развития, в какой они находились в конце сороковых и в начале пятидесятых годов, т.е. в последние годы отживавшего свое время крепостничества. Особенною пластичностью изображений и колоритностью собранных красок отличаются, как известно, те из картин в «Записках охотника», в которых воспроизведен быт крестьянский. Впрочем, я вовсе не имею намерения вдаваться в критический разбор произве-

дений Ивана Сергеевича. Его произведения, собранные в «Записках охотника», оценены давно и самым надлежащим образом, как читающею публикою, так и специально литературною критикою. У меня иное намерение, чем критическая оценка произведений Ивана Сергеевича. Я хочу лишь познакомить русскую публику с некоторыми фактами, имеющими, по моему мнению, громадный интерес в том отношении, что этими фактами уясняется: во-первых, самый период из жизни Тургенева, когда были им начаты очерки, рисующие собственно крестьянский быт, а во-вторых – и то обстоятельство, вернее, тот эпизод, который побудил его писать «Записки охотника» именно в этом направлении. Мне могут возразить, что идея создать «Записки охотника» явилась у их автора не вследствие какого-нибудь случайного обстоятельства, а как продукт серьезной и, может быть, долготелней продуманности, как продукт глубокого убеждения, выработанного под влиянием всего строя общественной жизни времен крепостничества. Не стану спорить, что эта мысль, может быть, совершенно верна по отношению к «Запискам охотника» как целому; но положительно утверждаю, что рассказы, изображающие собственно крестьянский быт, не были продуктом созревшей мысли, т.е. Тургенев не додумался последовательно до своевременности и необходимости воссоздания их, а начал их писать, можно сказать, экспромтом, вследствие отдельного эпизода, натолкнувшего его на эту мысль, вдохновившего его именно в этом направлении. Заслуга его в отношении созданных им крестьянских очерков принадлежит исключительно его громадному таланту, в котором постоянно тлела искра вдохновения, превращавшаяся в пламя творчества, как только соприкасалась с соответствующим материалом. Ни усвоенные обширные знания, ни громадное, приобретенное им умственное развитие, ни совет многочисленных друзей, ни указания литературной критики – словом, всякие внешние влияния почти совершенно чужды мысли Тургенева создать бытовые крестьянские очерки. Они обязаны своим происхождением лишь гениальности писателя, вдохновленного исключительным, случайным обстоятельством.

Об этом случае, весьма важном, повлиявшем, так сказать, демократически на литературное направление Тургенева в «Записках охотника», я и намерена рассказать русским читателям. Подробности об этом эпизоде мне приходилось слышать от самого Ивана Сергеевича, и это обстоятельство, я думаю, придаст моему рассказу тем больший интерес.

Иван Сергеевич Тургенев был всегда истинным барином, в лучшем смысле. Его русская широкая натура была чужда узкой, особенно расчетливой эгоистичности: он был общителен и великодушен, и

этим симпатичным складом его нрава обуславливались всегда и его отношения к той среде, к которой он принадлежал по своему происхождению. Гостеприимство – эту, нужно сознаться, редкую теперь славянскую добродетель – он ставил очень высоко, и каждый из посещавших его гостей был принят у него самым ласковым и любезным образом. Особенным гостеприимством Иван Сергеевич отличался в тот период своей жизни, когда он, по повелению императора Николая Павловича, проживал почти безвыездно в своем имении, селе Спасском, Орловской губернии¹⁵. В это время каждый из его соседей-помещиков был у него желанным гостем.

Хотя время опалы было давно, еще до начала крымской войны, но, вероятно, в Мценском уезде найдутся еще и теперь старожилы, которые помнят то возбуждение среди местных помещиков, какое было вызвано ссылкой Ивана Сергеевича в деревню. И еще бы не быть возбуждению! Иван Сергеевич всегда, и до своей ссылки, был весьма интересным кавалером, а в мыслях некоторых маменек – и «женехом», а тут еще попал в опалу, представлявшую его распаленному воображению, главным образом, провинциальных красавиц, так сказать, в ореоле мученичества. Конечно, и в среде мценских помещиков попадались москы, «лаявшие на слона» за его «умоблудие», т.е. умственную неблагонадежность, но большинство, разжигаемое «невестами» и «маменьками», было положительно на стороне богатого, именитого, образованного, а главное, опального молодого помещика (Ив. Сергеевичу было не больше 33 лет, когда он подвергся опале). Письмом его, напечатанным в «Московских ведомостях» по поводу смерти Гоголя, положительно зачитывались, хотя оно вовсе, как известно, не представляло собою чересчур радикального букета. Тем не менее, в первое время ссылки Тургенева у мценских помещиков только и была тема, что письмо Тургенева. Как только, бывало, одно помещичье семейство приедет к соседнему семейству в гости, сейчас же и начинали осыпать друг друга вопросами:

– Слыхали? – встречает хозяйка своих гостей: – Ивана Сергеевича Тургенева выслали из Петербурга с жандармами и приказали ему никуда не выезжать из Спасского!..

– Как не слышали!.. Ах, бедный молодой человек! – отвечала маменька троих, находившихся при ней красавиц, которые вспыхивали при имени Ивана Сергеевича.

– Нет, нет! – вмешивался обыкновенно хозяин. Тут квинтэссенция не в ссылке, а в том письме, которое он напечатал в «Московских ведомостях»!.. Нет, вы послушайте, какво письмо, канальство!

И затем, схватив № «Московских ведомостей», упрасивал гостей садиться и, когда гости усаживались, он, при наступившем общем

молчании, торжественно, точно речь собственного сочинения, прочитывал следующее:

«Гоголь умер!.. Какую русскую душу не потрясут эти два слова!.. Он умер... Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадуется, превзойдет наши нетерпеливые ожидания, пришла эта роковая весть!.. Да, он умер, этот человек, которого мы имеем право – горькое право, данное нам смертью – назвать великим; человек, который своим именем означает эпоху в истории нашей литературы, человек, которым мы гордились, как одной из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников. Его утрата возобновляет скорбь о тех незабвенных утратах, как новая рана возобновляет боль старинных язв. Не время теперь и не место говорить о его заслугах – это дело будущей критики... не оценивать нам его хочется, но плакать; мы не в силах говорить теперь спокойно о Гоголе – самый любимый, самый знакомый нам образ не ясен для глаз, орошенных слезами...

.....

Едва ли нужно говорить о тех немногих людях, которым слова наши покажутся преувеличенными или даже вовсе неуместными. Смерть имеет очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумение – все смолкнет пред самою обыкновенною логикою: они не заговорят над могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное место, которое за ним оставит история, мы уверены, что никто не оставит теперь же повторить вслед за нами: «Мир праху его, вечная память его жизни, вечная слава его имени!»

13-го марта 1852 г.»¹⁶

– Что, каково? – взволнованным голосом вопрошал хозяин своих гостей, по прочтении письма.

Хотя гости раньше и сами уже десять раз читали это письмо и от двадцати соседей слышали его, тем не менее, все начинали ахать, охать, удивляться, изумляться, восторгаться, комментировать, спорить... словом, употреблять на тысячу ладов вопросительные и восклицательные знаки.

В первое время ссылки визиты Ивану Сергеевичу соседними помещиками делались как-то нерешительно, с каким-то смущением: приезжали к нему только самые храбрые, и то с оглядкой; но, когда первые пионеры побывали в Спасском без каких-либо для себя последствий, тогда и все другие соседи начали совершать набеги на Спасское безбоязненно. Конечно, посещали Ивана Сергеевича,

главным образом, мужчины, но «прекрасный пол», так сказать, духовно находился с ними, ибо маменьками, тетеньками, сестрицами, дочерьми и проч. было строго-настрого наказано папенькам, дяденькам, братцам и сынкам, посещавшим Тургенева, чтобы они выразили ему и от них, т. е. от маменек, дочечек и т. д., соболезнование и пожелание всех благ, причем в число последних маменьки тайно включали такого рода мечтания: не надумает ли Иван Сергеевич с горя «остепениться» и сочетаться «законным» браком с одной из их многочисленных дочерей?

Но Иван Сергеевич, лелеявший уже в то время глубокое чувство к одной из ярких звезд артистического мира¹⁷, вовсе не имел ни малейшего намерения «остепениться» и ему в тот период никогда даже в голову не приходило стремиться к осуществлению пламенных мечтаний маменек и барышень Мценского уезда. Едва ли даже он и подозревал, что «прекрасные» его соседи с его ссылкою и невольным «сидением» в Спасском связывали самые розовые для себя надежды. Конечно, при случайных встречах с соседками Иван Сергеевич всегда был любезен, внимателен, «интересен», как о нем говорили, но, сверх обыкновенной своей рыцарской вежливости, он положительно ничем другим не отдавал преимущества той или другой из своих соседок. Он не отдавал предпочтения даже и тем из местных красавиц, которые всячески старались попадаться ему на глаза и нарочито, под каким-нибудь выдуманном предлогом, без всякой нужды ездили через Спасское с тайною надеждою случайно увидеть «интересного ссыльного» и при этом выразить ему свое сочувствие при помощи всех чар своего обольстительного кокетства. Один раз был даже такой эпизод, о котором Иван Сергеевич не мог вспомнить без смеха. Рассказывая об этом эпизоде, он всегда хохотал самым добродушным образом. Одна из местных маменек, довольно богатая помещица и обладательница двух взрослых дочерей, воспитанных в губернском институте «для благородных девиц», воображая, что Тургенев, находясь в ссылке, непременно остепенится и пожелает сочетаться «законным браком», возымела решительное намерение влюбить его в одну из своих красавиц. Долго она искала случая, чтобы обратить «особенное» внимание Ивана Сергеевича на своих дочерей, но ее планы все как-то не осуществлялись. Тогда она решила прибегнуть к следующему «героическому» средству. Приказала запрячь четверней коляску, разрядила своих девиц и поехала с ними в гости к одним из соседних помещиков. Путь, как будто совершенно «случайно», пришелся через Спасское. До Спасского все обстояло благополучно, и сильные лошади лихо тащили по ровной дорожке шикарную коляску, в которой важно восседала мамаша со

своими двумя красавицами. Но только что въехали в Спасское, как вдруг – о ужас! – ось пополам и коляска повалилась набок. Что в таком критическом случае делать? Очевидно, обратиться за содействием к знакомому владельцу имения. Понятное дело, что Иван Сергеевич, получив известие о несчастье с его знакомыми барынями, немедленно же явился на место катастрофы и предложил маменьке и девицам пожаловать к нему в дом, пока их коляску приведут в порядок. Маменьке только этого и нужно было. Она вся просияла от радости и внутреннего самодовольствия при мысли, что ее план удастся и что «интересный» Иван Сергеевич, волей-неволей, принужден будет провести несколько часов в обществе ее очаровательных дочерей и при этом познакомиться обстоятельнее со всевозможными умственными и сердечными их качествами. Но Иван Сергеевич был не промах: пригласив к себе в дом мамашу и ее прелестных дочерей, он угостил их фруктами – дело было летом, вареньями, чаем и, когда, наконец, коляску привели в порядок, он проводил своих гостей самым любезнейшим образом, но при этом не обнаружил ни единым словом, ни единым взглядом, что прелестные институтки произвели на него впечатление. Барыня была так опечалена неудачным исходом своего «хитрого» плана, что забыла даже сделать своему кучеру обещанный подарок за то, что тот, по ее приказанию, тайком подменил в коляске ось: новую снял, а старую надломленную привинтил, но в таком расчете, что она непременно должна была отломиться при въезде в Спасское, что, действительно, и случилось. Озлобленный, обманутый кучер впоследствии всем рассказал о неудачной «хитрости» своей барыни.

Но если с прекрасным полом Иван Сергеевич старался держать себя как можно осторожнее, несмотря даже на то обстоятельство, что этот пол, главным образом, и принимал близко к сердцу как его литературную деятельность, так и постигшее его «несчастье», то с соседями-помещиками он держал себя непринужденно, принимал их у себя весьма охотно и был рад каждому из них, хотя большинство из его соседей далеко не имело с ним ничего общего не только по умственному, но и по своему нравственному развитию. Нередко у него собиралось весьма много гостей, он устраивал для них обеды, вечера, а осенью и зимой – охоту, так как и сам всегда был страстным охотником. Охотились на уток, на вальдшнепов, на зайцев, на лисиц, на волков и т.п., смотря по сезону и обилию дичи. Вот в одну из таких охот en gros и зародилась у Ивана Сергеевича мысль наполнять свои «Записки охотника» очерками из жизни крепостных крестьян, так как тогда крепостничество жило еще полной жизнью, и почти все крестьяне были крепостные. Об

этом, весьма знаменательном, эпизоде жизни нашего знаменитого писателя я сейчас и расскажу.

Это происходило в первых числах ноября. Хотя листья еще не успели совсем осыпаться с деревьев, но земля уже была покрыта тонким слоем снега. Впрочем, морозов еще не было и в воздухе, несмотря на снег, чувствовалось, относительно, тепло. В такую пору в средней и южной полосах России появляется весьма много волков, и с этого-то времени начинается за ними охота. В глубокую осень охота на волков происходит обыкновенно верхом, при участии загонщиков и со сворами собак. Впрочем, я не стану вдаваться в подробное описание осенних охот на волков, так как я мало в этом понимаю, и скажу только одно, что Тургенев, в более молодых летах, любил этого рода охоту и, если только представлялась возможность, никогда не отказывался погоняться на добром скакуне за хищным зверем. Особенно он любил рыскать за волками в обществе таких же любителей охоты, каким он был сам. В тот раз, о котором я хочу говорить, охота была устроена в больших размерах. К Ивану Сергеевичу собралось человек восемь охотников, отправили вперед к месту охоты загонщиков-крестьян, забрали с собою собачьи своры и пустились в путь в самом веселом настроении, предвещающая все удовольствие охоты и даже не предчувствуя, каким она трагическим концом завершится для одного из участников охоты.

В числе доезжих <так!> находился дворовый человек Ивана Сергеевича, по имени Игнатий. Умный, проворный, сметливый, ловкий, он пользовался всегда особенным благорасположением своего барина. Человек этот был далеко не старый, ему было лет под сорок; он имел жену, кучу детей и старика-отца, который в своей молодости тоже принадлежал к барской охотничьей команде. Таким образом, Игнатий состоял в доезжих <так!> не только по воле барина, но и по собственной склонности, унаследованной им от отца. Для него охота была всегда праздником. «Не дай ему есть, - говорили про него односельчане, - но дай поохотиться». И действительно, пока он не сидел верхом на скакуне и не держал в руках ружья, он чувствовал себя точно лишним среди других дворовых людей, слонялся из угла в угол по обширной барской усадьбе, и его энергия возвращалась к нему только в те часы, когда он работал для своей семьи. Но как только Игнатий выезжал в поле со сворою собак, он становился неузнаваем: какая-то особенная энергия возбуждалась в нем, и он готов был по целым дням, не евши, рыскать по полям и лесам в погоне за дичью и зверем. Иван Сергеевич не мог не ценить ловкости и усердия своего доезжего <так!> и выражал ему свою благосклонность не только разного рода подарками

и льготами в пользовании барским лесом, хлебом и другими хозяйственными статьями, но вознаграждал его, так сказать, и нравственно, предоставляя ему как ловкому и опытному охотнику главную распорядительную часть на охоте. В роли распорядителя Игнатий всегда обнаруживал много такта и сметки: он умел всегда так ловко вести дело, что загнанный зверь непременно натыкался на его барана, который одним метким выстрелом и заканчивал дело. Коротко сказать, Игнатий был одним из тех редких охотников из дворовых, тип которых часто можно было встречать во время крепостного права, но которые теперь почти нигде не встречаются, разве где-нибудь в имении какого-нибудь богача-охотника, вроде известного Лихачева и ему подобных.

В тот раз, о котором у нас идет речь, Игнатий с подручными ему крестьянами-загонщиками должен был оцепить лес на значительном расстоянии и к назначенному пункту согнать все, что только было в лесу годного для ружейных снарядов охотников, в числе которых находился и Иван Сергеевич. Расставив всех по местам, он сам со стаею собак бросился верхом на лошади в лес, чтобы криками, пронзительными, режущими звуками охотничьего рожка и собачьим лаем «встревожить» лесных обитателей и «поставить их на ноги». Волков и разной дичи было согнано много, ружья наших охотников поработали усердно, успех был полный, добыча блестящая, все были веселы, довольны, захлопали пробки, полилась янтарная влага посреди общего ликования. Ивану Сергеевичу вдруг пришла мысль справиться, где же главный виновник удачной охоты? отчего не видно нигде Игнатия? На его вопросы никто ничего не мог ответить. Иван Сергеевич, полагая, что Игнатий где-нибудь просто замешкался, велел отыскать его. Бросились в лес, начали окликать рожками, но на все оклики отвечало только лесное эхо. Когда Ивану Сергеевичу было доложено, что Игнатия нигде не слышно и не видно, он сильно встревожился и предложил всем рассыпаться по лесу и искать пропавшего любимого доезжего <так!>. Все участники охоты бросились в лес, и поиски начались самые энергичные. Искали часа три, но все бесполезно. Но вот, наконец, в одном из концов леса слышался поспешный призывный звук рожка; все бросились на призыв: Игнатий был найден...

Но в каком ужасном положении!..

Каждому, кто только жил в деревне, очень хорошо знаком обычай наших русских крестьян рыть в лесах для истребления вредных зверей – медведей и волков, так называемые западни, т. е. довольно глубокие ямы, прикрытые слегка ветвями и листьями, так что если только зверь попадает на эти ложные прикрытия, то он, вследствие

своей тяжести, неминуемо всегда проваливается в западню, где крестьяне и добывают его живьем. Вот в одну-то из таких ям, вырытых для волков, и провалился Игнатий с лошадью в то время, когда он с собаками выгонял из леса зверей. Будь яма обширна, очень может быть, что Игнатий отделался бы только испугом да легким ушибом; но, к несчастью, яма, предназначавшаяся для волка, была не особенно широка, так что лошадь, свалившись туда с всадником, не могла свободно подняться на ноги, и в то время, когда ее круп и задние ноги находились на дне ямы, передними ногами она упиралась в стенки. Игнатий, попав под лошадь, был ею положительно придавлен, и это обстоятельство было для него роковым. Дело в том, что испуганная, ошалевшая от внезапного падения лошадь, употребляла неимоверные усилия принять удобное положение и выкарабкаться наверх. Не имея, однако, возможности достигнуть цели, она металась во все стороны, била задними ногами и своими неистовыми движениями смяла и избила Игнатия до смерти, который во время падения, вероятно, или был сильно ушиблен, или лишился чувств, почему и не мог защищаться против обезумевшего своего скакуна и погиб, очевидно, без всякой борьбы. Когда нашли яму и вытащили из нее лошадь, то всем присутствовавшим представилась на дне ямы ужаснейшая картина: Игнатий за несколько часов до того здоровый и бодрый, представлял теперь собою какую-то массу – разбитую, посиневшую, окровавленную, едва дышавшую.

Это трагическое обстоятельство, эта гибель любимого доезжего <так!>, гибель, произошедшая, конечно, вследствие несчастного случая, в котором никого нельзя было винить, тем не менее, так потрясла Ивана Сергеевича, что в первое время он даже слышать не мог об охоте и лишь с течением времени едва мог примириться с этим печальным фактом, за который он обвинял только самого себя, как барина, ради прихоти которого погиб человек. Когда Игнатий, несмотря на медицинскую помощь, поданную ему, все-таки через несколько дней умер, Иван Сергеевич мог находить утешение только в тех заботах, которые он принял на себя по отношению к осиротелому семейству погибшего доезжего <так!>.

Вот этот-то несчастный случай с дворовым человеком Ивана Сергеевича и вдохновил его писать очерки из крестьянской жизни, которые, строго говоря, и сделали имя Тургенева знаменем европейского прогресса на Руси, которую он будил от векового сна своими гениальными произведениями. Иван Сергеевич несколько раз принимался описать гибель своего любимого доезжего <так!>, но у него никогда не хватало твердости довести до конца этот очерк: как только он начинал вспоминать обо всех подробностях этого трагическо-

го случая, он испытывал такое сильное душевное волнение, такую сердечную тоску, такое умственное смятение, что его силы слабели и перо вываливалось из его рук... Тем не менее, те идеи, те чувства, которые Тургенев никогда не мог изложить в рассказе о смерти Игнатия, он блестяще и могуче разлил по другим своим произведениям, собранным в знаменитых «Записках охотника», этом вечном памятнике русского литературного гения.

Примечания.

1. Новости и Биржевая газета. 1883. 27 сентября (9 октября). №177. С.2-3.
2. *МВед.* 1852. 13 марта. №32.
3. В письме Тургенева к П.В.Анненкову от 25 октября (6 ноября) 1872 г. о «Незадаче» говорится как об одном из «незначительных» «набросков», «приготовленных» двадцать лет назад (зачеркнуто: 21), т. е. в 1851-1852 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т.12. С.46-47). О том же Тургенев писал Я.П.Полонскому 25 января (6 февраля) 1874 г. (Там же. Т.13. С.13).
4. См.: *ПССиП(2). Соч.* Т.3. Там же. С.392-396.
5. См.: *ПССиП(1). Письма.* Т.12. Кн.2. С.202, 505 (примеч. и датировка письма «8(20) января 1880?» принадлежат Н.Н.Мостовской, к этому следует добавить сведения о письме Свистуновой к Стасюлевичу из Парижа от 15(27) января 1880 г., не учтенном исследовательницей (*ИРЛИ.* Ф.293. Оп.1. №1281. Л.17). В *ОР РГБ* находится личный архивный фонд Свистуновых, в котором хранятся письма Свистуновой к отцу. Не исключено, что здесь могут содержаться дополнительные сведения о возможном знакомстве мемуаристки с Тургеневым.
6. Г-в. Встреча Тургенева с Лассалем (По воспоминаниям М.П.С-ой) //Новости и Биржевая газета. 1883. 7(19) сентября. №157. С.1-2; II часть: Там же. 1883. 10(22) сентября. №160. С.1-2. Следует добавить, что этому же автору принадлежит восторженная статья о писателе «Тургенев-филантроп», опубликованная в «Новостях и Биржевой газете» так же, как и воспоминания М.П.С-ой, 27 сентября 1883 года, а также хроника похоронной церемонии на Волковом кладбище.
7. См.: И.С.Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. /Сост. и подг. текста С.М.Петрова и В.Г.Фридлянд. Т.2. М., 1983. С.43-56, 438-439 (коммент. В.Г.Фридлянд). Следует отметить, что в этой публикации автором воспоминаний ошибочно указана С-ва, вместо С-а.
8. См.: Из жизни Тургенева //Неделя. 1883. 18 сентября. №38. Стлб.1260.
9. *ВЕ.* 1880. 1880. №2. Февраль. С.640.
10. Подробнее об этом см.: Посмертные отклики о Тургеневе в газете А.С.Суворина «Новое время» (Сентябрь 1883) /Публикация С.А.Ипатовой //И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып.3. М.; СПб., 2012. С.527-588.
11. Б.п. <Суворин А.С.?) Маленький фельетон. Беззастенчивое литературное невежество //НВр. 1883. 2(14) окт. №2728. С.3.
12. Там же.

13. Рассказы из «Записок охотника» публиковались в «Современнике» на протяжении 1847–1851 гг. Первое отдельное издание в двух частях вышло в Москве в августе 1852 г.
14. Этот противительный союз, грамматически неожиданно использованный мемуаристкой, вызвал приступ особенной язвительности у Суворина, в целом настроенного к мемуарам М. П. С-ой скептически: «Неожиданное но, являющееся ни к селу, ни к городу, показывает, что автор воспоминаний “образован”, по крайней мере, так же, как в рассказе Горбунова один лакей, начинающий с другим беседу таким образом: “Но генерал дома?”» (*НВр.* 1883. 2 (14) окт. № 2728. С. 3).
15. Тургенев был арестован 16 (22) апреля 1852 г. и уже в мае последовала ссылка на родину, в Спасское, под надзор полиции, куда он выехал 18 (30) мая. Формально причиной ареста стала публикация статьи-некролога о Гоголе в «Московских ведомостях» («Письмо из Петербурга» — *МВед.* 1852. 13 марта. № 32; датировано письмо 24 февраля 1852 г.); однако сам писатель считал, что действительным поводом стали «Записки охотника»: «<...> в 1852 году, — писал о себе Тургенев в “Автобиографии”, — когда, по поводу напечатания его статьи о кончине Гоголя, или, говоря точнее, вследствие появления отдельного издания “Записок охотника”, И. С. был посажен на месяц в полицейский дом, а потом отправлен на жительство в деревню, из которой он возвратился только в 1854 году» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 204).
16. «Письмо из Петербурга» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 64–65).
17. Речь идет о Полине Виардо.

Г.Н. Павлова

УСТАВНАЯ ГРАМОТА СЕЛА СПАСКОГО-ЛУТОВИНОВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Отмена крепостного права в России в середине XIX века явилась центральной проблемой общественной и политической жизни, решение которой стало основным условием развития промышленности, сельского хозяйства, всей социальной и правовой сферы страны.

Вопрос освобождения крестьян от крепостной зависимости серьезно и глубоко волновал И.С.Тургенева. Многочисленные свидетельства тому мы находим в его письмах конца 1850-х – начала 1860-х годов. Еще задолго до объявления правительственных решений по крестьянскому вопросу Тургенев с помощью управляющего его именными дядюшки Николая Николаевича Тургенева начал в них хозяйственную реорганизацию. Осенью 1859 года он сообщил в письме к И.С.Аксакову: «С крестьянами я почти везде благополучно

размежевался (оставив, разумеется, старое количество земли), переселил их (с их согласия) – и с нынешней зимой они все поступают на оброк, по 3 рубля серебром с десятины; я говорю: я – а я должен бы сказать: мой дядя, которому *новые порядки* очень не по душе – но который понял, что *старые порядки* вернуться не могут»¹.

В то время, когда Россия жила в ожидании перемены, Тургенев находился в Париже: «... у меня дочь, которую я должен выдавать за муж, и потому поневоле сижу в Париже», – сетовал он в письме к А.И.Герцену 25 февраля (9 марта) 1861 года, с жаром добавляя: «Все мои помыслы – весь я в России»².

Официальные сообщения о реформе пришли в Париж в конце февраля 1861 года. «Мне обещали доставить сегодня один уже отпечатанный экземпляр Положения, который прислали из Петербурга. <...> Дожили мы до этих дней – а всё не верится, и лихорадка колотит, и досада душит, что не на месте»³, – писал Тургенев Герцену 1(13) марта 1861 года.

В письмах, отправленных в эти дни разным адресатам, Тургенев сообщал, что в числе других русских, проживавших в Париже, среди которых были Н.И.Тургенев и С.Г.Волконский, он участвовал в благодарственном молебне по поводу освобождения крестьян. Молебен отслужил священник русской посольской церкви протоиерей Иосиф Васильев, произнесший «краткую и очень умную и трогательную речь», от которой «почти все прослезилась»⁴.

Содержание крестьянской реформы излагалось в объёмном документе, называвшемся «Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Для разъяснения «Положений» московскому митрополиту Филарету (Дроздову) было поручено создать манифест, текст которого редактировал министр юстиции В.Н.Панин. И.С.Тургенев делился впечатлениями от прочитанного в письме к А.И.Герцену 14(26) марта 1861 года: «Сам манифест явным образом написан был по-французски и переведён на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем. Есть фразы вроде: “благодеятельно устроить” ... “добрые патриархальные условия”, – которые ни один русский мужик не поймёт»⁵.

Мужики и вправду мало что поняли из манифеста, обозвав его по имени автора Филарета (Дроздова) «филькиной грамотой». Фраза разлетелась и живёт донныне как характеристика бестолковых документов. Осуществление реформы в силу её недоработанности шло тяжело и медленно. Но, несмотря на все её недочёты, для России в целом это был огромный шаг вперёд. Крестьяне получали личную свободу, усадьбу и надел земли в постоянное пользование, выплачивая за него своим бывшим хозяевам оброк или отработывая дни барщины.

Размеры крестьянских наделов и объём повинностей прописывались в специальных документах – уставных грамотах, составление которых должно было завершиться по всей империи к 1863 году. Уставная грамота была своего рода договором, который помещик заключал не с каждым крестьянином отдельно, а с крестьянской общиной в целом, закрепляя таким образом круговую поруку и ответственность всего «мира» за исполнение повинностей. Правильность составления грамоты заверялась мировым посредником, избравшимся из числа уездных помещиков.

Дошедшие до нашего времени уставные грамоты хранятся в областных архивах и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Они изучаются историками, краеведами, помогают понять ход реформы и оценить уровень жизни крестьян и помещиков середины XIX века в российских губерниях.

К сожалению, в Государственном архиве Орловской области нам не удалось обнаружить уставных грамот сел и деревень, принадлежавших И.С.Тургеневу, несмотря на то, что их составление и подписание было большой его заботой. Весну и лето 1861 года он провел в Спасском «для приведения в окончательный порядок <...> отношений с крестьянами»⁶. Его радовало, что крестьянское дело продвигалось хоть «тихо и вяло», но без каких-либо эксцессов – «толчки хуже всего»⁷, что «в Спасском мужики с прошлого года на оброке»⁸ и, встретив приехавшего в имение барина, «изъявили» ему «свое благоволение»⁹.

Решая дела, Иван Сергеевич менее всего заботился о своих выгодах, уступая крестьянам. «Мои уступки доходят почти до подлости», – иронизировал он над своей хозяйственностью в письме к П.В.Анненкову 7(19) июня 1861 года¹⁰. Ранее 19(31) мая 1861 года он писал об этом же графине Е.Е.Ламберт: «Уже более недели, как я здесь. Имел очень дружелюбное объяснение с мужиками, которые довольны – так как мои условия для них крайне выгодны – но об выкупе, т.е. согласии на участие в выкупе – и слышать не хотят. У нас везде довольно смиренно и тихо; большая перемена, происшедшая после манифеста, состоит в том, что крестьяне поняли и узнали свои права и крепко на них настаивают <...> обязанности свои они исполняют с меньшей охотой. Это надо было ожидать – после 200-летнего бесправия; но перемелется – мука будет. Здесь у нас еще не назначены мировые посредники: как только это будет сделано – я приступлю к уставным грамотам, – а там и к выкупу, без участия мужиков. Беда в том, что многие не хотят идти на оброк»¹¹.

В архиве Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева (ОГЛМТ) хранится копия XIX века

«Уставной грамоты Орловской губернии, Мценского уезда села Спасского Коллежского Секретаря Ивана Сергеевича Тургенева»¹² [См. приложение 1]. Она была получена музеем 22 декабря 1980 года (Акт №59) «в дар от Серикова Олега Васильевича, старшего инженера завода “Научприбор”, проживающего в г. Орле». Как записано со слов Серикова, до него документ находился «в собрании орловского краеведа и журналиста Ивана Ивановича Лебедева». Было интересно узнать, каким образом и когда Уставная грамота села Спасского-Лутовинова могла оказаться у И.И. Лебедева. Думается, что ответ на этот вопрос кроется в статье «О Тургеневе, как помещике. Что нового о Тургеневе выявила тургеневедческая комиссия», опубликованной в газете «Орловская правда» 13 октября 1928 года¹³. Статья подписана литерой П. (возможно, заведующий Окружным музеем Покровский). Из нее мы узнаем, что в 1928 году Лебедев входил в специальную «комиссию по определению личности писателя Тургенева, как помещика». Это было время гонений на Тургеневский музей и на его тогдашнего директора Веру Михайловну Викторову (урожденную княжну Оболенскую). Целью комиссии было развенчать «культ Тургенева, царящий в известной части общества и имеющий свое отражение и в Орловском Тургеневском музее», а также произвести «собрание материалов у местных старожилов». Комиссия, состоявшая из представителей «окрмузея, краеведов, окружкома и архбюро<...> в начале сентября сделала первую вылазку в Спасское-Лутовиново». «28 сентября в здании Дома работников просвещения был заслушан доклад о результатах работ...», с которым выступил И.И.Лебедев. В своем докладе он «отметил, что за кратковременностью своего пребывания в Спасском комиссия не могла собрать много материала, но и имеющийся материал упорно наталкивает на мысль, что у Тургенева в его отношении к крестьянам не всё обстояло благополучно, что в Тургеневе всё-таки сказывался помещик, соблюдавший, прежде всего, свои личные интересы».

«Наиболее яркой иллюстрацией этому, – говорится далее в статье, – являются рассказы старожилов-крестьян о том, что Тургенев накануне «воли» перевел крестьян с лучшей земли на худшую; что он выделил освобожденным крестьянам меньшую долю земли на душу, чем полагалось по норме; что Тургенев, ссылаясь на свою бедность, отказывался уступить крестьянам лес, врезавшийся клином в их землю, предлагая им этот лес купить, чего крестьяне не смогли сделать по своей маломощности. Далее тов.Лебедев с документами в руках доказал, что Тургенев при освобождении крестьян дворовым землей не дал и перед волею часть крестьян перевел в разряд дворовых. <...> Встре-

ки письму Тургенева к Венгеру (от 19 июня 1874 года), Тургенев не освобождал своих дворовых вплоть до 1861 года и т.д.».

Естественно, что доклад тов. Лебедева вызвал бурную полемику в зале. Выступавшие в защиту любимого писателя цитировали известные литературоведы, на что им было сказано, что «авторитеты-тургениеды <...> главным образом оперировали над Тургеневым как над писателем, не располагая документами социально-бытового значения, иначе это сейчас бы сказалося в работах о Тургеневе».

По прошествии лет статья читается, как едкая сатира, если бы не были известны последствия таких «писаний» 1930-х годов. В 1929 году В.М.Викторова «была отстранена от должности, а в 1931 году арестована по «делу краеведов» в Москве. Один из свидетелей показывал на суде: «Антисоветизм Викторовой проявлялся в том, что она противилась борьбе Историко-культурного музея <...> против культа Тургенева. Защищала личность Тургенева». Викторова была приговорена к трем годам ссылки, но пробыла в Казахстане дольше¹⁴.

Но и Лебедев не избежал горькой участи. Несмотря на то, что он «много сделал для спасения усадьбы И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове, <...> 2 февраля 1931 года Лебедев был арестован в Орле и отправлен в лагерь, в 1937 году осужден вторично и приговорен к расстрелу»¹⁵.

Возможно, одним из документов, на который ссылался, и который намеренно неверно толковал Лебедев, и была «Уставная грамота села Спасскаго...», хранящаяся ныне в фондах ОГЛМТ. Раннее место хранения грамоты, до того как она оказалась у Лебедева, неизвестно. Может быть, перед нами – копия, принадлежавшая бывшим крестьянам Тургенева, отданная ими Лебедеву в сентябре 1928 года. В акте поступления указана сохранность документа – «очень ветхий». В общей сложности он составляет 7 листов размером 34,3 см на 22,4 см.

В 1990-е годы документ был отреставрирован и неоднократно экспонировался на выставках музея.

Из Уставной грамоты села Спасскаго-Лутовинова, составленной 27 января 1862 года, следует, что на этот момент в селе проживало 285 крестьян и 108 дворовых людей (мужского и женского пола). Дворовые люди и крестьянские женщины, по правительственному положению, права на получение земельных наделов не имели. Таким образом, в Спасском должны были получить землю 134 крестьянина. Им предоставлялся «в постоянное пользование весь ныне существующий надел – 396 десятин, 1679 сажень» земли, при этом 11 десятин 2370 сажень из них занимал выгон и 16 десятин 799 сажень – конопляники и огороды. Также «в исключительном пользовании у крестьян» имелся пруд.

Высший душевой надел земли в данной местности составлял 3 десятины 1200 сажений, низший – 1 десятину 400 сажений. Помещик не имел права выделять земли ниже низшей нормы, а крестьяне не имели права требовать больше высшей нормы. Исходя из этого, на каждую из 134 ревизских душ в Спасском приходилось по 2 десятины 2305 ⁹/₁₃₇ сажений земли, что являлось весьма небольшим наделом. В среднем по России крестьяне получали по 3,3 десятины земли на ревизскую душу (то есть на мужчину в семье) и это не обеспечивало им прожиточного минимума, поскольку прожиточный минимум составлял 16 десятин на человека. Особенно тяжело приходилось семьям, в которых женских душ было больше, чем мужских. Именно в те годы родилась в народе поговорка, характеризующая малые земельные участки: «Курёнка выпустить некуда». Однако увеличить крестьянские участки помещик Тургенев не мог, ибо, как уже отмечалось, он предоставлял своим крестьянам «в пользование весь ныне существующий надел», который принадлежал им и до реформы.

Крестьянские усадьбы в селе Спасском, как не приносящие особого дохода, были причислены к первому разряду с платой повинности по 1 рублю 50 копеек серебром с каждой ревизской души, но И.С.Тургенев уменьшил эту плату до одного рубля, что было жестом милосердия со стороны помещика и позволило снизить оброк с крестьянской общины.

Всего крестьянских дворов в имении было тридцать пять. Не исключено, что по окончании размежевания их стало больше. Понять ситуацию помогает письмо писателя Н.И.Тургеневу от 10(22) февраля 1860 года: «Я у себя в деревнях уже покончил дело: отрезал крестьянам к одному месту землю по прежнему их владению и назначил им оброка по Зр.сер. с десятины безо всяких других повинностей. Переселиться я никого не заставлял – но желающим выдавал сруб и всё нужное для постройки безденежно, оставляя им владение старыми конопляниками на три года. – Эта мера увенчалась успехом, даже слишком полным: я рассчитывал, что они будут переселяться исподволь, в два, три года, а они пожелали переселиться почти все вдруг, что мне стоило немало денег. Но я уже не хотел отступить от своего слова»¹⁶.

Так как в 1862 году Тургенев находился за границей, Уставную грамоту от лица помещика подписал по его доверенности Н.Н.Тургенев. Грамоту заверил мировой посредник I-го Мценского участка Николай Шеншин. Интересно, что Спасское-Лутовиново по своему месторасположению относилось ко II-ому Мценскому участку, мировым посредником которого значился сосед Тургенева по имени Александр Аркадьевич Тимирязев¹⁷, брат академика

К.А.Тимирязева. Однако по каким-то причинам Тургеневы обратились за подписью не к нему, а к мировому посреднику другого участка – своему давнему другу Николаю Никитичу Шеншину (1816-1879). В имении Шеншина Волково писатель не раз гостил, и летом 1853 года именно там произошло знаменательное для русской литературы знакомство И.С.Тургенева с А.А.Фетом.

Подписей представителей крестьянской общины под Уставной грамотой нет. 6(18) августа 1861 года в письме к П.В.Анненкову Тургенев сообщал из Спасского: «Провел я лето здесь порядочно; ни разу не болел, но охотился очень несчастливо. Дела по крестьянскому вопросу (что касается до меня), остаются в status quo – до будущего года; надеюсь, однако, уломать здешних крестьян на подписание уставной грамоты. До сих пор они очень упорствуют и носятся с разными задними мыслями, которых, разумеется, не высказывают»¹⁸.

Публикуемая ниже «Уставная грамота села Спасского...», к сожалению, имеет значительные утраты текста, что не позволяет произвести ее полноценный анализ. Однако, и в таком виде она представляет несомненный интерес как важный исторический документ эпохи, который может использоваться в экспозиционной работе музея.

При публикации мы сохраняем последовательность листов архивного дела. При этом необходимо отметить, что пронумерованный как лист 4 «Бухгалтерский расчет» является самостоятельным документом, который составлялся обычно в дополнение к Уставной грамоте. Также сохранена орфография текста (старинное правописание, ошибки, вкрапившиеся в типографский набор). Рукописный текст выделен курсивом. В квадратные скобки заключены утраченные, но необходимые по смыслу слова.

Приложение 1.

Л. 1.

Копия

[Уставная грамо]га

[Орловской губернии, Мценс]каго уезда [села Спасскаго]
Коллежскаго Секре[таря Ивана] *Сергеевича Тургенева.*

Составленная – *Января 27* дня 1862 года

Л. 2.

Для оброчных.

[Глава I.]

1. [По X ревизии 1857 г. в с.Спасском] значится количество душ:
дворовых – муж.пол. – 69, жен. пол. – 72
крестьян – муж.пол. – 135, жен. пол. – 161.

Отпущено после ревизии на волю:
дворовых – муж.пол. – 17, жен. пол. – 16
крестьян – муж.пол. – 1.

За тем состоит на лицо:

дворовых – муж.пол. – 52, жен. пол. – 56
крестьян – муж.пол. – 134, жен. пол. – 161.

2. Имеют право и изъявили желание на получение надела – дворовых – *нет*.

Отказались от получения надела – дворовых – *нет*.

Крестьян, отказавшихся от надела на основании ст.8 Мес[тного] Пол[ожения] – *нет*.

Проживают в этом селении, записанные за тем же владельцем:

дворовых – *нет*

крестьян – *нет*

Затем, на основании Положения должны получить в пользование земельный надел крестьяне мужского пола – 134.

Л. 2 об.

Глава II.

1. Всей земли до обнародования Положения состояло в по[льзовании] [крестьян] [утрачено].

2. Из сего числа собственно под крестьянскую усадьбою – [утрачено].

3. Для местности, где находится селение [размер душевого надела составляет: высший, низший] – [утрачено].

Высший размер надела на всё крестьянское общество – [утрачено].

4. [утрачено] *крестьянам предоставляется в постоянное пользование весь ныне существующий надел – 396 десятин, 1679 сажень.*

Из сего числа собственно под крестьянскую усадьбою оседлости состоит:

под поселением – [утрачено];

под выгоном – 11 дес. 2370 саж.;

под конопляниками¹⁹ и огородом – 16 дес. 799 саж.

За тем предоставляется в пользовании у крестьян на будущее время всей земли – [утрачено].

Л. 3.

Глава III.

[Имеет множественные утраты текста, учитывая которые можно извлечь следующие данные:]

– в селе имеется *заведённый пруд*, который *находится в исключительном пользовании у крестьян*;

- выгона *не имеется*, потому что [участки для выпаса крестьянского скота] *отнесены к их усадьбам*;
- торговой площади – *не имеется*.
- рыбной ловли – *не имеется*.

Глава IV.

1. Всех дворов в имении – *тридцать пять*.

2. Находящиеся усадьбы в селении причислены к *первому разряду* [с повинностью] *по одному рублю пятидесяти копеек серебром с каждой ревизской души*, [при этом с каждой ревизской души] *помещик жертвует крестьянам по пятидесяти копеек и вычитает оныя деньги из платимаго ныне крестьянами оброка*.

3. [утрачено] повинность за пользование всюю усадебною оседлостию крестьянского общества составляет [в] год *сто тридцать четыре рубля*, а выкупная сумма за всю оседлость 2233 руб. 33 копейки.

По сделанной разверстке причитается с каждого домохозяина [утрачено].

[Размер выкупной суммы с каждого домохозяина будет определён] *впоследствии по составлении крестьянами мирского приговора*.

Л. 3 об.

Глава V.

[Имеет множественные утраты текста, учитывая которые можно установить следующее:]

1. По заключённому между помещиком и крестьянами договору оброк со всего общества – 987 рублей, [но на каждую из 134 душ м. п., облагаемых оброком, помещик жертвует по] *50 копеек с души, что составляет шестьдесят семь рублей со всего общества крестьян, а потому ныне полагается оброку со всех 134-х наделов девятьсот двадцать рублей серебром*.

2. Оброк крестьяне вносят *ежегодно к 1-му числу Октября месяца по 920 рублей серебром за истекший год*.

3. За исправное отбывание оброка отвечает *круговою порукою всё общество крестьян села Спасского* на основании правил, установленных Местным Положением.

Л. 4.

Копия

№ 306 Бухгалтерский расчёт

по объявлению (выкупной сделке) помещика *Коллежского Секретаря Ивана Сергеевича Тургенева* с обществом временно-обязанных крестьян Орловской губернии *Мценского уезда села Спасского*.

Высший душевой надел в местности по – 3 дес. 1200 саж.

Низший – 1 дес. 400 саж.

При высшем наделе оброка с души в год по – 9 руб.

По уставной грамоте:

[Крестьян] в обществе получающих поземельный надел – 134 ревиз. душ

в пользование общества отведено – 396 дес. 16 $\frac{1}{9}$ саж.

что составляет на душу по – 2 дес. 2305 $\frac{9}{137}$ саж.

годового оброка положено с души по – 6 руб. 86 $\frac{38}{6}$ коп.

— « — со всего общества – 920 руб. 00 коп.

[Далее в документе имеются значительные утраты текста, учитываемые которые можно лишь понять, что сумма выкупной ссуды составляет 14 634 руб.] <...>

На погашение выкупной ссуды (14 634 руб.) надлежит взимать с крестьян в течении 49 лет по 6 %, т. е. по 878 руб. 4 коп. ежегодно.

Долгу Московской Сохранной Казне по займу г. Тургенева, сделанному 1860 г. Августа 3-го дня:

капитала – 16 224 р. 89 к.

процентов по 1-ое Мая 1864 г. – 2 967 р. 75 к.

Итого: – 19 192 р. 64 к.

Исключая выкупную ссуду – 14 634 р. 00 к.

Остается долгу капитала – 4 558 р. 64 к.

В сумме 14 634 руб. заключается:

капитала – 11 666 р. 25 к.

процентов – 2 967 р. 75 к.».

[Далее следуют подписи (неразборчиво)].

За производителя дел [подпись] [возможно – Смирницкий].

За Бухгалтера [подпись] [возможно – Лобанов].

Л. 5

Приложение к Уставной Грамоте

[Ор]ловской губернии Мценскаго уезда [села Спасскаго].

Коллежскаго секретаря Ивана [утрачено] Тургенева

К Главе I.

[Дворовые] люди села Спасскаго, как не пользующиеся поземельным наделом и не состоящие на издельной повинности, права на [землю] не имеют.

К Главе II.

[Количество] земли, предоставленной в пользование крестьян села Спасского, обозначено на прилагаемом при сём плане [не сохранился], по коему значится удобной и неудобной земли в дачах:

а) в пустоши Гузиной	– 76 дес. 57 саж.
б) в пустоши Гузиной, Фёдоровское тож	– 61 дес. 261 саж.
в) в даче села Спасского	– 164 дес. 1800 саж.
г) в даче части села Спасского	– 72 дес. 2037 саж.
д) в даче Казённого Усова леса	– 10 дес. 1356 саж.
е) в даче Пашенного леса	– 14 дес. 826 саж.

Итого: 399 дес. 1537 саж.

В числе оной состоит:

Удобной земли 1) Пашни	– 341 дес. 735 саж.
2) Сезонного покосу	– 19 дес. 175 саж.
3) Выгона	– 11 дес. 2370 саж.
4) Под поселением,
коноплянниками
и огородами	24 дес. 799 саж.

Всего удобной: 396 дес. 1679 саж.

Л. 5 об.

[Далее следуют утраты в тексте о количестве неудобной земли, занятой дорогами, улицей, выбоинами и об общем количестве удобной и неудобной земли, вошедшей в состав крестьянского надела.]

К Главе IV.

Усадьбы крестьян села Спасского причислены к первому разряду по 1 рублю 50 коп. серебром с ревизской души; но так как помещик жертвует им по пятидесяти копеек на душу, потому со 134-х душевых наделов приходится сто тридцать четыре рубля в год [утрачено] всею усадебною оседлостью, а выкупная [сумма] за оную за вычетом пожертвованной третьей части (1116 руб. 66 $\frac{2}{3}$ коп.) составляет две тысячи двести тридцать три рубля тридцать три и одна треть копейки.

К Главе V.

По договору, заключённому между помещиком и крестьянами села Спасского, оброк крестьяне обязаны были платить со всего общества девятьсот восемьдесят семь рублей в год за предоставленную им в пользование землю 396 дес. 1679 саж. Ныне же, по уставной грамоте,

крестьяне в числе 134 душ за вычетом (из платимаго ими прежде оброка) шестидесяти семи рублей, пожертвованных помещиком за усадьбу по пятидесяти копеек на душу [утрачено].

Л. 6.

[утрачено] впредь должны платить оброку девятьсот [двадцать] рублей серебром.

[На основании] заключённого прежде договора [между] помещиком и крестьянами села [Спасскаго] оброк крестьяне обязаны были вносить ежегодно сполна к Первому числу Октября. [Засим] взнос денег и срок платежа оных остаётся без изменения, потому что крестьяне не платили оброк неперёд, а за истекший уже год.

Л. 7

К сей уставной грамоте по доверенности Коллежскаго Секретаря Ивана Сергеевича Тургенева Гвардии Штабс-Ротмистр Николай Николаевич Тургенев руку приложил – [подпись утрачена].

Сию уставную грамоту утверждаю: 1862 года Февраля 14 дня Мценскаго уезда 1-го участка Мировой Посредник Николай Шеншин.

С подлинною уставною грамотою верно.

Мценскаго уезда 1-го участка Мировой Посредник Николай Шеншин.

Сургучная печать [раскрошена].

Л. 7 об.

[В Уставной г]рамоте находится один лист приложений.

Примечания.

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т.4. М., 1987. С.101.
2. Там же. С.297.
3. Там же. С.299.
4. Там же. С.305.
5. Там же. С.304.
6. Там же. С.302-303.
7. Там же. С.355.
8. Там же. С.340.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С.324-325.
12. ОГЛМТ. Ф. 1. Ед. хр. 12425 оф.
13. «Орловская правда». 1928. №239(3171), 13 октября. С.4. В фондах

ОГЛИМТ хранится вырезка из этой газеты (2058/3 оф) без указания её названия и даты публикации, которые были уточнены в газетном фонде Госархива Орловской области.

14. *Гольцова А.В.* Орел и орловцы. Орел, 2008. С.44.
15. Орловские краеведы. Биобиблиографический справочник. Орел, 1993. С.32.
16. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т.4. М., 1987. С.153.
17. Памятная книжка Орловской губернии на 1864 год. Орел, 1864. С.18, 20.
18. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т.4. М., 1987. С.358.
19. Слово набрано типографским способом с ошибкой – «конопляники», также оно пишется и прописью далее в этой уставной грамоте и в других грамотах, просмотренных нами в областном архиве.

А.М.Полынкин
пос. Покровское

ТУРГЕНЕВСКИЕ ТОПКИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

16 ноября 1850 года в Москве, в доме на Остоженке, умерла Варвара Петровна Тургенева. Одной из богатейших помещиц России принадлежали имения в Курской, Калужской, Тамбовской, Тульской и Орловской губерниях.

Процесс оформления наследства ее сыновьями (по разным причинам) несколько затянулся, и лишь в марте 1855 года в Орловской палате окружного суда надворный советник Николай Сергеевич и коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургеневы произвели раздел принадлежавших их матери владений и крестьян.

По раздельному акту И.С.Тургенев получил 1925 душ, а его брат – 1360. В Малоархангельском уезде Орловской губернии участок писателя составили следующие имения, земли и души:

«Село Топки (через «а» – А.П.) и селыо Хмелевое, при коих состоят земляные дачи... В селе Топках – водяная мукомольная мельница. Душ по 9-ой ревизии в селе Топках – 210 мужского пола и 225 – женского пола, в селыце Хмелевом – 44 мужского и 43 – женского пола» (Центральный Государственный Исторический архив, фонд 1463, опись 1, ед.хр 1201, л.25 об.).

Кстати, о мельнице. Находилась она на ручье Топкий Ржавец, протекавшем через село и впадавшем затем в реку Сосну. К сожалению, о хозяйственной деятельности и судьбе мельницы мне ничего выяснить не удалось, но при продаже Тургеневым топковского имения купцу Ильинскому в 1880 году она в перечне имущества уже не упоминалась (А.П.).

Так в 1855 году Иван Сергеевич стал владельцем имения, о котором и пойдет речь в нашем повествовании. Сразу – во избежание дальнейших недоразумений – хочу подчеркнуть, что имение «Топки» и село Топки – разные понятия. Село Топки в XVIII-XIX веках (до 1861 года) было большим населенным пунктом, в котором проживали как казенные, так и помещичьи крестьяне, принадлежавшие нескольким владельцам.

Одним из них в XVIII веке был ливенский помещик Петр Лутовинов. С момента образования в 1778 году Орловской губернии и нового уездного деления он стал малоархангельским помещиком.

Именно Петру Лутовинову, деду Ивана Сергеевича Тургенева по матери, и принадлежала большая часть помещичьих крестьян в селе Топки и частных земельных владений в Топковской и Верхососенской дачах.

Далее в статье (если не будет подчеркнуто особо), говоря о Топках, я буду иметь в виду только имение Лутовиновых – Тургеньевых (Петра Ивановича, Варвары Петровны, Ивана Сергеевича).

Петр Лутовинов, фактически изгнанный в свое время из Преображенского полка с дурным аттестатом, обладал буйным и неукротимым нравом.

Став владельцем земельных участков в Топках и окрестностях, он построил здесь помещичий дом, из которого, как средневековый феодал, совершал набеги на владения соседей-однодворцев.

В Ливнах, во Мценске и Малоархангельске неоднократно рассматривались в конце 70 – начале 80-ых годов XVIII века дела «о ссоре и драке крестьян капитана Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Топковская и Верхососенская земельные дачи граничили друг с другом – А.П.) на спорной земле.

Живший в имении князя Куракина в качестве архитектора Владимир Алексеевич Бакарев оставил записи, в которых идет речь как раз об этих событиях:

«Лутовинов... послал сказать своим противникам, чтобы они ехали с его земли и не пахали бы ее, как не им принадлежавшую, а ему. Сначала сделалась брань, потом драка, а потом совершенное побоище. Лутовинов выехал со всею охотою, большей частью напоенной допьяна, обе стороны остервенились до того, что на месте с обеих партий было убитых до 15 человек. Охотники стреляли из пистолетов. Когда Лутовинов одолел, тогда собрал все мертвые тела и повез их в город Ливны. Едучи туда через селение противников, зажег оное с обоих концов и кричал: «Я – бич ваш!» Приехавши в Ливны, он прямо доставил убитых в суд и сказал судьям: «Вот я управился». Его, разумеется, взяли, и он сидел в деревне своей до 15 лет на поруках; в это время до 50 человек его крестьян умерло в остроге».

В селе Верхососенье и по сию пору живут Овсянниковы – потомки тех однодворцев, с которыми сражался за лишний кусок земли Петр Лутовинов. Тургенев в рассказе «Однодворец Овсянников» поведал нам о судьбе одного из противников своего буйного деда, которого устами главного героя он осудил за самоуправство.

Петр Иванович Лутовинов умер в 1787 году, за несколько месяцев до рождения дочери Варвары, которой, в конце концов, и достались скромный (по меркам помещичьим) усадебный дом в селе Топки и два земельных владения в Топковской и Верхососенской дачах общей площадью более тысячи десятин.

Став владелицей имения в Топках, Варвара Петровна посещала его довольно редко (известны ее приезды сюда летом 1839 и летом 1842 годов).

Топковское имение было одним из самых больших во владениях Тургеневой и потому, хотя оно и превратилось в «заглазное», редко посещаемое хозяйкой, Варвара Петровна старалась вникать в дела хозяйственные. Для удобства пахоты и сева ей хотелось два здешних земельных участка в Топковской и Верхососенской даче свести в один, производя обмен с соседями. Но семилетние усилия Тургеневой в этом направлении так ничем и не закончились.

Приезжая в Топки, Варвара Петровна останавливалась в построенном ее отцом доме, который уже понемногу начал приходить в упадок. И хотя за ним присматривали слуги, жившие здесь же, неуютность дома чувствовали гости, изредка сюда заглядывавшие.

Когда в 1858 году в Топки на охоту вместе с Тургеневым приехал Афанасий Фет, то, ночуя в доме (в своих воспоминаниях назвав его «старым флигелем» – *А.П.*), он заметил пустые комнаты, отсутствие мебели и ткацкий стан, на котором работал крепостной ткач.

Когда Иван Сергеевич стал владельцем Топков и, продолжая усилия матери, пытался свести два земельных участка в один (на это ушло еще 20 безрезультатных лет), то в дедовском доме дважды собирались на съезд для полюбовного решения вопроса об обмене участков господина землевладельцы Топковской и Верхососенской дач.

Писатель, как и его мать, приезжал в Топки нечасто. В окрестностях этого села есть болотистые, топкие места, и поэтому в середине XIX века здесь обитало множество болотной дичи, на которую и приезжал охотиться Иван Сергеевич (в 1853 году – один, в 1858 году – вместе с Фетом, а в 1881 году – в свой последний приезд в Россию, как будто попрощаться – снова один). Но если бывал в Топках Тургенев редко, то в своих письмах, деловых бумагах в 70-ые годы он обращался к топковскому имению неоднократно, поскольку оно приносило писателю постоянный и ощутимый доход.

В денежном выражении это выглядело так – 4200 рублей, выплачиваемых в три срока мценским купцом А.И.Кошеверовым (*Кошеверовым, Кошеваровым – встречаются три варианта написания его фамилии – А.П.*) за годовую аренду имения.

Правда, Тургенев считал, что его управляющие – Н.Н.Тургенев и Н.А.Кишинский и от Топков, и от других имений присылают ему недостаточно денег (в силу того, что хозяйствуют неумело и просто подворовывают).

В начале 1880 года, когда у писателя возникли материальные затруднения, он решился на продажу имения в Топках, и во второй половине этого же года арендатор Кошеверов, заплатив Тургеневу наличными 69 тысяч рублей (а общая сумма сделки составила 81 тысячу), стал новым владельцем имения. Так закончилась история владения Топками семейством Лутовиновых и Тургеневых.

Но это еще не конец всей истории, поскольку мы должны сказать, конечно же, о судьбе старого дедовского дома.

По всей видимости, уже при Кошеверове он пришел в совсем непригодное состояние, поскольку из письма Тургенева барону Гинцбургу нам известно о том, что арендатор построил новый флигель, в котором жил. Вполне вероятно, что после покупки Топков Кошеверов старый Лутовиновский дом разобрал, хотя некоторые старожилы села Топки вспоминают о его существовании еще в 50-60-ые годы XX века. Однако, скорее всего, они видели уже Кошеверовскую постройку.

И, наконец, последнее, уже литературное, добавление к повествованию о Топках.

По мнению Фета, побывавшего здесь в 1858 году, прообразом сельца Васильевского в «Дворянском гнезде» послужили как раз Топки, а старый дом, описанный в романе, очень похож на реально существовавший дом Петра Лутовинова («старый флигель» – А.П.)

Правда, с точкой зрения Фета согласны не все тургенеvedы.

О последнем посещении И.С.Тургеневым Топков, уже проданных к этому времени Кошеверову, сохранились воспоминания учителя Топковской земской школы Ардалиона Замятина, написанные в 1924 году.

И хотя в этих воспоминаниях есть неточность (Замятин пишет о том, что Тургенев якобы приехал к Кошеверову, чтобы договориться об окончательной продаже имения, между тем, как Топки уже были к этому времени им проданы – около года назад), они являются единственным подробным свидетельством посещения писателем Топков.

Иван Сергеевич помог тогда мужикам – погорельцам из деревни Лутовиновой, которые пришли к новому владельцу имения с просьбой о помощи.

Тургенев, после разговора с мужиками, выдал им на погорелое 100 рублей. А потом Иван Сергеевич уехал – из Топков, из Спасско-го, из России и, как оказалось, навсегда.

Новый владелец имения Александр Иванович Кошеверов, успешно справлявшийся с управлением и хозяйствованием в Топках, по каким-то причинам вскоре продал свое приобретение орловскому купцу Гавриилу Афанасьевичу Ильинскому.

Согласно данным «Списка землевладельцев Верхососенской волости за 1908 год» он владел 670 десятинами земли (чуть меньше, чем в 1880 году продал Тургенев Кошеверову – но это и понятно: времени прошло уже почти 30 лет).

После смерти Г.А.Ильинского имением управляли его сыновья Василий и Николай. В ноябре 1917 года всё их имение и имущество в нем были разграблены крестьянами Топков и соседних деревень. Целым оставался лишь жилой дом Ильинских, но и его чуть позже постигла та же участь.

Долгие годы при Советской власти как-то и не вспоминали даже о том, что Топки – это бывшее имение великого русского писателя, которого эта власть, вроде бы, ценила и уважала.

Когда в Топках в период коллективизации появился первый колхоз, название у него было стандартное – «Новая жизнь». А возникший в 1957 году в результате объединения новый колхоз и вовсе назвали именем партийного деятеля Жданова. Какое он имел отношение к Топкам – неизвестно, но даже памятник ему в селе поставили (кстати, стоит до сих пор).

И лишь после того, как в селе усилиями работников Орловского Государственного Литературного музея И.С.Тургенева на базе Топковской средней школы возник в 80-ые годы XX века литературно-краеведческий музей, материалы которого рассказывали о связях Тургенева с Топками, стали задумываться об увековечении в крае имени великого писателя.

В 1988 году общеколхозное собрание заменило имя Жданова на имя Тургенева.

Колхозов сейчас в Покровском районе нет, вместо них возникли крупные агрофирмы, одна из которых некоторое время называлась ООО «Тургеневское».

Несколько лет назад глава администрации Покровского района И.А.Хохлов принял постановление об ускоренном развитии Топковской сельской администрации, сёла и деревни которой в послед-

нее время таяли на глазах, а население из-за тяжелых бытовых условий разъезжалось по городам и весям.

До Топков, до местного музея, рассказывающего о Тургеневе, наконец-то, стало возможным доехать в любую погоду, а не только жарким летом (здесь, как и в былые тургеневские времена, люди и машины до недавних пор просто тонули на болотистых улицах).

Появился в Топках и газ, а всего остального в селе, включая красивейшие и к тому же исторические места, всегда было в достатке.

К сожалению, в настоящее время огромные в XIX веке Топки, вымирают, медленно и верно. В Топковской средней школе, которую основал когда-то Ардалион Замятин ещё как земскую, сейчас не наберётся и тридцати учеников, она из средней превратилась в основную, а в районе говорят уже о её окончательном закрытии.

И какая судьба ожидает тогда музей, многие материалы которого рассказывают о великом русском писателе, нетрудно предсказать. Впрочем, надежда пока ещё теплится. Надежда на то, что история таких мест, как Топки, не должна уходить в небытие.

Приложение.

Село Топки и Покровская церковь села по метрическим книгам Покровской церкви во времена Варвары Петровны и Ивана Сергеевича Тургеневых

1850 год¹

Служили в храме:

священник Иоанн Минович Розов (до августа 1850 года – иерей,
с августа – протоиерей),

диакон Василий Филиппович Богоявленский;

дьячок Иван Павлович Кутепов;

пономарь Михаил Никольский

Приход составляли: село Топки и деревня Хмелевая

В селе Топки – проживали казённые крестьяне со следующими наиболее распространёнными фамилиями:

Алферьевы,

Астафьевы,

Бабенковы,

Ерохины,

Кондауровы,

Кононовы,
Кутеповы,
Лаврищевы,

Лутвиновы (названы - Адриан Петров сын, Алексей Романов сын, Михаил Васильев сын, Иван Петров сын, Самсон Андреев сын)

Перцевы,
Подальцевы,
Родионовы,
Русановы,
Седельниковы,
Сергеевы,
Серовы,
Харчевы,
Чурсины,
Шалимовы,
Шепелевы.

Помещики села Топки:

Тургенева Варвара Петровна;
Акулинин Илья Иванович;
не служащий дворянин Акулинин Григорий Ефимович.

Помещики деревни Хмелевая:

Тургенева Варвара Петровна;
Говоров Илья Васильевич;
Кононов Тимофей Егорович;
Леонтьева Евдокия Ивановна;
Протопопов Николай (к 22 января 1850 года умер);
Протопопов Сергей Иванович;
Пушешников Николай Васильевич;
Языкова Настасья Васильевна.

***Дети, родившиеся у крестьян помещицы
Варвары Петровны Тургеновой,
1850 год***

<i>№ п/п</i>	<i>Дата рождения и крещения</i>	<i>Имя ребёнка</i>	<i>Имена родителей</i>	<i>Место жительства родителей</i>
<i>1</i>	<i>8/8 января</i>	<i>Домника</i>	<i>Митрофан Осипов, Хиония Петрова</i>	<i>Топки</i>

2	29/29 января	Анна	Фёдор Михайлов Екатерина Саввина	Топки
3	25/25 февраля	Евдокия	Константин Макаров Настасия Ионова	Хмелевая
4	21/21 марта	Иаков	Василий Никифоров Марфа Матвеева	Топки
5	25/25 марта	Гавриил	Стефан Изотов Елена Семёнова	Топки
6	8/8 апреля	Родион	Сидор Ларионов Пелагея Стефанова	Топки
7	6/7 мая	Иван	Фёдор Иванов Феодосия Фёклова	Топки
8	4/4 июня	Ларион	Ануфрий Афонасьев Домна Николаева	Топки
9	11/11 июня	Пётр	Алексей Осипов Настасья Игнатова	Топки
10	16/16 июля	Марина	Василий Стефанов Мария Николаева	Хмелевая
11	20/20 июля	Мария	Михаил Трифонов Екатерина Иванова	Топки
12	23/23 июля	Трофим	Стефан Григорьев Елена Феодорова	Топки
13	29/30 июля	Соломония	Николай Ефимов Анисия Никитина	Топки
14	17/17 сентября	Вера	Сидор Петров Ефимия Кирилова	Топки
15	24/24 сентября	Иоанн	Александр Макаров Наталья Леонова	Топки
16	21/21 октября	Параскева	Пётр Иванов Настасья Денисова	Топки
17	17/17 ноября	Григорий	Ларион Ефимов Евдокия Матвеева	Топки
18	19/19 ноября	Екатерина	Иван Никитин Домника Антипова	Топки

19	27/27 ноября	Андрей	Григорий Осипов Мария Фёдоровна	Топки
20	24/24 декабря	Стефан	Фёдор Николаев Агания Яковлева	Топки
21	24/24 декабря	Евгения	Семён Иванов Ефимия Михайловна	Топки
22	26/26 декабря	Ефимий	Иван Борисов Дарья Иванова	Топки

В 1850 году в приходе Покровской церкви:
Законно родилось – 76 младенцев м.п. и 51 – ж.п, всего – 127
незаконнорожденных – 2 м.п. и 3 – ж.п, всего – 5,
итого – родилось 132 человека.
Браков – 27 (54 человека)
Умерло: 39 м.п и 27 ж.п, всего – 66,
прирост – 61 человек.

8 января бракосочетались: села Топков Покровской церкви дьячок Иван Павлов Кутепов, 20 лет, православного исповедания, первым браком, и села Топков бываго дьячка Семёна Васильева Покровского дочь Анна, 19 лет, православного исповедания, первым браком.

Сей брак венчал в Покровской церкви села Никольского Архангельской церкви священник Николай Глаголев, при венчании был диакон Василий Богоявленский и того ж села пономарь Михаил Никольский.

Поручители – по жениху: Семён Павлов Воскресенский и села Троицкого, что на Липовице, дьячок Виктор Руденский; по невесте: мало-архангельский мещанин Лука Алексеев Попов и Ливенского уездного училища ученик Фёдор Кутепов.

15 октября родился, 22 октября крещён, у дьячка села Топки Ивана Павлова Кутепова и его законной жены Анны Семёновой, оба – православного исповедания, сын Димитрий.

Восприемники: Тульского Егерьского полка четвёртой роты прапорщик Фёдор Иванов Кураковский и того ж села протоиерея Иоанна Розова жена Анфиса Захарова

Браки крестьян помещицы Тургеневой 1850 год

30 апреля

Дворовый человек села Топков Лев Борисов, 33 года, вторым браком, и крестьянина Николая Никифорова дочь Акилина, 16 лет, первым браком;

15 сентября

Дворовый человек Никифор Никитин Трунов, 30 лет, первым браком, и дворовая жёнка Устинья Фёдорова, 42 года, вторым браком;

1 октября

Села Топков крестьянин Платон Афонасьев, 22 лет, и крестьянина села Топков Ильи Терентьева дочь Христина, 16 лет;

1 октября

Деревни Хмелевой крестьянин Ананий Макаров, 20 лет, и крестьянская дочь Матрона Стефанова, 17 лет;

1 октября

Деревни Хмелевой крестьянин Кирилл Иванов, 18 лет, и умершего крестьянина Афонасия Егорова дочь Фекла, 16 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Леон Андреев, 18 лет, и крестьянская дочь Марфа Ларионова, 16 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Семён Фёдоров, 21 год, и крестьянина Саввы Тихонова дочь Агапия, 18 лет;

8 ноября

Села Топков крестьянин Ларион Николаев, 18 лет, и села Столбцевого, деревни Темерязевой крестьянская дочь Феодосия Николаева, 17 лет.

Все венчавшиеся 1 октября и 8 ноября – православного исповедания и первым браком.

Примечание. Крепостных своих крестьян и дворовых людей Варвара Петровна Тургенева женила группами (1 октября – три пары венчающихся и 8 ноября – столько же – А.П.)

Смерти крестьян помещицы Тургеневой

1850 год

№ п/п	Дата смерти и погребения	Имя умершего	Имя родственника	Возраст, причина смерти и место жительства
1	26/28 января	Феодора, дочь	Василий Михайлов	1,5 года, от кашля, Топки

2	28/30 января	Ксения Петрова, жена	Ананий Петров	30, от чахотки, Топки
3	2/4 марта	Татиана, дочь	Иван Борисов	1 год, от кашля, Топки
4	17/19 марта	Антон, сын	Адриан Пудов	3 месяца, от слабости, Хмелевая
5	21/23 марта	Яков, сын	Илья Иванов	4 месяца, от кашля, Топки
6	23/25 апреля	Мария Матвеева, жена	Алексей Петров	65, от старости, Топки
7	7/9 мая	Матвей, сын	Егор Данилов	10 месяцев, от кашля, Топки
8	16/18 мая	Василий, сын	Даниил Никитин	3 месяца, от слабости, Топки
9	18/20 мая	Афонасия Михеева, жена	Сергей Козьмин	70 лет, от старости Топки
10	6/8 августа	Екатерина, дочь, девица	Самсон Тихонов	22 года, Топки
11	7/9 августа	Екатерина Матвеева, жена	Николай Максимов	30, от чахотки, Хмелевая
12	13/15 августа	Иоанн, сын	Фёдор Иванов	3 месяца, от слабости Топки
13	19/21 августа		Акакий Осипов	25 лет, от чахотки Топки
14	13/15 сентября	Пётр, сын	Настасья Игнатова, вдова	5 месяцев, от кори, Топки

15	14/16 сентября	Анисия, дочь	Фёдор Иванов	9 лет, от простуды Топки
16	28/30 ноября	Родион, сын	Сидор Ларионов	8 месяцев, от кашля, Топки
17	декабрь		Михаил Петров	60 лет, измёрз Топки Погребение отправлял села Никольского священник Николай Глаголев

1859 год²

Священно- и церковнослужители:
 священник Иоани Минович Розов (протоиерей),
 диакон Василий Филиппович Богоявленский,
 дьячок Павел Лукин,
 дьячок Алексей Переверзев

Приход составляли: село Топки и деревня Хмелевая

Помещики села Топки:

Тургенева Варвара Петровна;
 Акулинин Илья Иванович (к ноябрю 1859 года он умер);

Помещики деревни Хмелевая:

Тургенев Иван Сергеевич;
 Говоров Илья Васильевич;
 Козин Александр Петрович;
 Леонтьева Мария Фёдоровна, помещица, девица;
 Протопопов Сергей Иванович;
 Пушешников Николай Васильевич;
 Рыков Николай Николаевич;
 Языкова Настасья Васильевна.

*Дети, родившиеся у крестьян помещика
Ивана Сергеевича Тургенева
1859 год*

<i>№ п/п</i>	<i>Дата рождения и крещения</i>	<i>Имя ребёнка</i>	<i>Имена родителей</i>	<i>Место жительства родителей</i>
<i>1</i>	<i>18/18 января</i>	<i>Ксения</i>	<i>Семён Иванов, Ахимия Михайлова</i>	<i>Топки</i>
<i>2</i>	<i>8/8 марта</i>	<i>Дария</i>	<i>Василий Ерофеев Надежда Саввина</i>	<i>Топки</i>
<i>3</i>	<i>22/22 марта</i>	<i>Матрона</i>	<i>Иван Никитин Домна Анисимова</i>	<i>Топки</i>
<i>4</i>	<i>22/22 марта</i>	<i>Матрона</i>	<i>Василий Афонасьев Ксения Нилина</i>	<i>Топки</i>
<i>5</i>	<i>25/25 марта</i>	<i>Гавриил</i>	<i>Климент Петров Параскева Васильева</i>	<i>Топки</i>
<i>6</i>	<i>25/25 марта</i>	<i>Матрона</i>	<i>Адриан Пудов Мавра Николаева</i>	<i>Хмелевая</i>
<i>7</i>	<i>28/28</i>	<i>Кирилл</i>	<i>Гавриил Афонасьев Акилина Игнатьева</i>	<i>Топки</i>
<i>8</i>	<i>5/5 апреля</i>	<i>Ирина</i>	<i>Сергей Стефанов Настасья Иванова</i>	<i>Хмелевая</i>
<i>9</i>	<i>13/13 апреля</i>	<i>Ирина</i>	<i>Прохор Яковлев Домна Борисова</i>	<i>Топки</i>

10	22/22 апреля	Александра	Ларион Николаев Феодосия Николаева	Топки
11	3/3 мая	Тимофей	Алексей Никифоров Марфа Никитина	Топки
12	14/14 июня	Елисей, незаконно- рожденный сын	Крестьянская девка Ефросиния Ларионова,	Топки, одна из восприемниц – дворовая вдова Анисья Дмитриева
13	12/12 июля	Михаил	Григорий Петров Евдокия Иванова	Топки
14	26/26 июля	Макарий	Егор Денисов Феодора Пудова	Топки
15	30/30 июля	Евдоким	Данила Никитин Матрона Прохорова	Топки
16- 17	30/30 августа	Моисей Наталья	Пётр Иванов Акилина Саввина	Топки
18	3/3 сентября	Агриппина	Ларион Сергеев Параскева Прокопиева	Топки
19	4/4 сентября	Ульян	Григорий Пудов Феврония Николаева	Хмелевая
20	6/6 сентября	Ольга	Дворовый человек Иван Иванов и Анна Иванова	Топки

21	20/21 сентября	Иван	Максим Семёнов Ефросиния Семёнова	Топки
22	1/1 октября	Пелагея	Никонор Авраамов Дарья Михайлова	Топки
23	1/2 октября	Минодора	Василий Никифоров Марфа Матвеева	Топки
24	14/16 октября	Иван	Филипп Никитин Евгения Иванова	Хмелевая
25	18/20 октября	Артемий	Алексей Стефанов Евдокия Стефанова	Топки
26	27/27 октября	Настасия	Филипп Фёдоров Параскева Филиппова	Топки
27	8/8 ноября	Матрона	Федот Михайлов Екатерина Саввина	Топки
28	8/8 ноября	Матрона	Евдоким Иванов Марфа Иванова	Топки
29	8/8 ноября	Матрона	Митрофан Осипов Хиония Петрова	Топки
30	22/22 ноября	Филимон	Матвей Григорьев Степанида Николаева	Топки

31	25/27 декабря	Стефан	Афонасий Егоров Евдокия Никитина	Топки
----	---------------	--------	---	-------

*В 1859 году в приходе Покровской церкви:
Законно родилось – 60 младенцев м.п. и 64 – ж.п, всего – 124
незаконнорожденных – 8 м.п. и 0 – ж.п, всего – 8,
итого – 132 человека.
Браков – 18 (36 человек)
Умерло: 45 м.п и 43 ж.п, всего – 88,
прирост – 36 человек.*

**Браки крестьян помещика И.С.Тургенева
1859 год**

11 ноября

Села Топков крестьянин Еремей Алексеев, 18 лет, первым браком, и села Топков крестьянина Никифора Игнатова дочь Мария, 17 лет.

11 ноября

Села Топков крестьянин Алексей Петров, 18 лет, первым браком, и села Никольского помещицы Настасьи Петровой Воиновой крестьянка Параскева Корнилиева, 18 лет, первым браком (эта запись – последняя среди записей о браках в 1859 году, под №18).

В этом году казённые крестьяне уже упоминаются как государственные.

Р.С. Иван Сергеевич Тургенев продолжил, хотя и в малой степени, традицию матери венчать своих крестьян группами.

**Смерти крестьян помещика И.С.Тургенева
1859 год**

№ п/п	Дата смерти и погребения	Имя умершего	Имя родственника	Возраст, причина смерти и место жительства
1	7/9 января	Алексей Назаров		45, от слёзгой болезни Топки

2	28/30 января	Феодосия Иванова, вдова		70, от старости, Топки
3	24/26 апреля	Стефан, сын	Дворовый человек Иван Иванов	3, от кашля, Топки
4	24/26 апреля	Дарья, дочь	Василий Ерофеев	3 месяца, от слабости Топки
5	28/30 мая	Матрона, дочь	Василий Афонасьев	4 месяца, от слабости, Топки
6	1/3 июня	Матрона, дочь	Василий Афонасьев	3 месяца, от слабости Топки
7	3/5 июня	Феодосия, дочь	Василий Стефанов	2, от кашля, Хмелевая
8	21/23 июня	Ульян, сын	Григорий Пудов	1-ая неделя, от слабости, Хмелевая
9	22/24 июня	Елисей, сын незаконно- рожденный	Ефросиния Ларионова, крестьянская девка	2 недели, от слабости, Топки
10	1/3 июля	Матвей Иванов		45, от предо(?) болезни, Топки
11	22/24 июля	Леон Тихонов		65, от удушья, Топки
12	2/4 августа	Александра, дочь	Ларион Николаев	3 месяца, от поноса Топки
13	19/21 августа	Ефим, сын	Настасья Иванова, крестьянская вдова	6 месяцев, от слабости, Топки
14	24/26 октября	Хиония Борисова, жена	Пуд Васильев	60, от старости, Хмелевая

15	25/27 октября	Антоний, сын	Евсей Васильев	1, от кори, Хмелевая
16	28/30 октября	Иван, сын	Филипп Никитин	2 недели, от слабости, Хмелевая
17	6/8 декабря	Ольга, дочь	Иван Иванов, дворовый человек	3 месяца, от слабости, Топки

Примечания.

1. ГАОО, ф. 220, оп. 2, ед.хр. 849.
2. ГАОО, ф. 220, оп. 2, ед.хр. 850.

А.М.Шинков

ВЗГЛЯД ФЕТА НА ПОРЕФОРМЕННУЮ ДЕРЕВНЮ (по черновым материалам к статье «Наша интеллигенция»)

Отмена крепостного права явилась первой из череды великих реформ 60-х годов XIX века и должна была в корне изменить социально-экономические основы существования российского общества. Это предопределило острые споры о новых путях и целях развития России и неоднозначность оценок характера и последствий отмены крепостного права как социального института.

А.А.Фет как публицист непосредственно не касался вопросов сохранения или отмены крепостного права, но во многих его статьях и письмах встречаются оценочные суждения о системе помещичьего землевладения и о новых основах свободного крестьянского труда. В цикле очерков «Из деревни» А.А.Фет высказывает некоторые суждения о крепостном праве. Поскольку они неоднозначны и противоречивы, то требуют подробного анализа. В очерке «Осенние хлопоты» публицист любитесь крепостным обзом: «<...> по дороге к моему хутору тянулась длинная вереница подвод. Рядом с первым возом ехал мужик верхом, с последним тоже. «Кто эти люди?» – спросил я. «Старосты двух барщин». Нельзя себе представить более стройную картину сельского труда. Лошади у всех мужиков исправные, а у многих превосходной породы, от господских лошадей. Я насчитал сто подвод, и вся эта стройная сельская вереница потянулась к сараю. Кто не понимает наслаждения стройностью, в чем бы она

ни проявлялась, в движениях хорошо выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянувших бечёвку под рассчитанно-однообразные звуки «ивушки», тот не поймёт значения Амфиона, создавшего Фивы звуками лиры. Так поэтомо вы видите идеал в этом крепостном обозе и вы против эмансипации? Все мы ужасно притки на подобные заключения. Но воевать с мельницами и скучно и некогда, а на вопрос, вижу ли я в этом обозе идеал, отведу прямо – и да, и нет. В принципе нет, в результате да. Это заведённый порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. <...> каждому легко убедиться, что со вступлением России в новый период деятельности заветные слова авось, да, небось, да как-нибудь должны совершенно выйти из употребления... Только над этим надобно ещё много поработать, а барщина Шеншина – стройный результат прежнего порядка»¹.

В то время подобные мысли в обществе воспринимались крайне негативно. Название барщины «стройной системой» навлекло на Фета общественный остракизм. Современники (либералы и демократы) называли публициста крепостником и ретроградом, апологетом рабства, певцом социального неравенства. Публицисты либерального направления не только резко осуждали подобный образ мыслей, но и не останавливались перед злыми пародиями, в которых подчёркивали антагонизм «певца русской природы» и крепостника. Но, как мы попытаемся показать, точка зрения публициста была далеко неоднозначной.

Уже в очерке «Приближение зимы» Фет отмечает, что «идеал всякого живого организма в будущем, а не прошедшем». Поэтому крепостное право не стоит жалеть. Оно сыграла свою историческую роль и должно бесследно сойти со сцены. Правда, Афанасий Афанасьевич говорит о том, что отмена крепостного права не будет полной без разрушения общины как социального крестьянского института. Здесь необходимо пояснить некоторые исторические предпосылки появления крепостного права и общины в России. Закрепление крестьян на местах было произведено Борисом Годуновым для того, чтобы упорядочить социально-экономический уклад в России, поскольку нередко после года работы начинался хаотичный переход работников от одного помещика к другому. Таким образом, на Руси стало образовываться сословие «гулящих» людей, которое само по себе представляло опасность для самих устоев государства. Помещик был, по сути своей, представителем царя. Он имел постоянный надзор над социально-экономическим и правовым положением подведомственных ему крестьян. Помещику как представителю государства следовало вести диалог с общиной как местным само-

управлением на селе. Община коллективно представляла перед помещиком интересы своих членов. В 60-е годы XIX века община имела функции суда и расправы, в частности, она имела право выделять и выселять из данной местности отдельных крестьян, ведала выдачей паспортов, которые позволяли членам общины выезжать в столицы или другие губернии, в том числе для занятия ремеслом или промыслом. С отменой права надзора со стороны помещика община превратилась в весьма замкнутый социальный институт.

Помещик являлся представителем государства, а как организация местного самоуправления ему противостояла община. При отмене крепостного права помещики утратили свои административные функции, но община как форма административного устройства сохранилась, при этом получила некоторые дополнительные полномочия в отношении своих членов.

А.А.Фет видит следующие пороки функционирования общины:

1. Сложность выхода из системы общинного землевладения, причём именно самые трудолюбивые крестьяне стремятся к выходу из общины, но вынуждены платить за право этого выхода огромные взятки.
2. Община как социальный институт имеет громадное и ничем не ограниченное влияние даже на семейную жизнь крестьян. Это влияние понятно, если мы вспомним, что в функции общины входило утверждение семейных разделов, и здесь, к сожалению, тоже не обходилось без огромных поборов и несправедливостей.
3. Злоупотребления с выдачей паспортов и их продлением: паспорта выдавались на пять лет, по истечении этого срока крестьянин должен был прибыть в родное село, чтобы заменить паспорт на новый, но дорога до дома для дворника или извозчика из Москвы или Санкт-Петербурга была весьма дорога, да и продлить паспорт невозможно было без взятки. В 1860-е–1870-е годы эта ситуация породила в российском обществе целую проблему «паспортных» преступлений: многие выходцы из сельской местности жили по просроченным паспортам.

Все это, по мнению Фета, губительно сказывалось на развитии свободного труда в российском сельском хозяйстве.

Фет был знаком с творчеством Петра Павловича Цитовича, известного учёного, публициста и экономиста, редактора газеты «Берег». Цитович вступил в полемику с Николаем Константиновичем Михайловским, известным теоретиком народничества. Михайловский – журналист и редактор журнала «Отечественные записки», был горячим поклонником идей Н.Г.Чернышевского, видел в общине русский вариант коммун, с которыми российское общество по-

знакомилось в трудах Фурье и Сен-Симона. Михайловский видел в существовании и развитии этого института залог появления «крестьянского социализма» в России, что и отстаивал в своих статьях. Цитович резко выступал против общинного землевладения и считал, что источником революционно-демократического движения является крепостное право. По его мнению, именно «помещичьи сынки»! пытаются заменить ушедшее крепостное право новым, ещё более страшным (они выдвигают теорию свободы половой и имущественной). Афанасий Фет был согласен с Цитовичем. Он считал, что община – это пережиток крепостного права, который играет роль главного тормоза, мешающего появлению и развитию типа сельского хозяина, который свободен в своём труде и характере его применения, а если необходимо, то и изменения. Поэтому Фет согласен с Цитовичем во мнении, что вред общины шире экономического смысла. По мнению публицистов, общинный надзор лишает человека одной из главных свобод – свободы труда. «Кто хоть мало вникнул в быт нашего крестьянина, тот вполне убеждён, что для последнего помимо всяких соображений, высшим идеалом всегда будет пословица: «Хоть шей горшок, да сам большой<...>» Общинные наделы обращаются на всё время выкупа в какой-то бессмертный майорат, и человек давным-давно продавший бы надел более состоятельному соседу, вынужден, вопреки своей испытанной неспособности к данному занятию, продолжать его во что бы то ни стало. Было бы слишком смело за сотни лет предсказать успех или неуспех той или другой формы труда, но судя по естественному ходу вещей, надо предполагать, что с появлением полной личной поземельной собственности начинается и естественная группировка этой собственности в руках более осмотрительных и способных, с одной стороны, и возникновение свободных рабочих рук, с другой<...>»².

Фет в своих тезисах рассматривает понятие труда в трёх фазисах: как способность или годность к труду, труд как процесс и результат труда. Процесс и результат (два фазиса труда) могут быть сберегаемы обществом при посредстве государства, но годность и способность к труду сберечь и поощрить невозможно, так как она всегда потенциальна и во многом зависит от желания самой личности, а также от оценки, которую общество выдаёт тому или иному виду труда.

Именно несвобода и жестокая принудительность, которую он видел ещё в утопиях Т.Компанелло и Т.Мора, влияние которой Фет прослеживает также у Бабефа, Фурье и Прудона, отталкивают Фета от социалистических теорий. «Самая мысль гнать посредством всяческого труда из области личной свободы, которой человечество до-

билось с таким трудом историческим путём, гнать это человечество в места заключения, бывшего до сих пор для всего живого мерою наказания – одна эта мысль превосходит всё нам известное о Перонах, Тамерланах и т.д., так как жестокость их не распространялась на весь род человеческий»³.

Мы видим, что в социалистических утопиях Фет подозревал и отвергал именно то, в чём его обвиняли оппоненты: он видел в удушении свободы труда признаки рабства, которое приведёт к деградации личности человека и уничтожению человечества. В собственности же публицист находил основы свободного развития личности и предпосылку появления в России новой социальной группы – свободных сельских хозяев. Эта новая часть российского общества и должна была привести страну к прогрессу посредством свободного труда, основанного на договорных отношениях. При таком взгляде Фета на крестьянский труд нам представляется неоправданным называть его апологетом крепостничества.

Примечания.

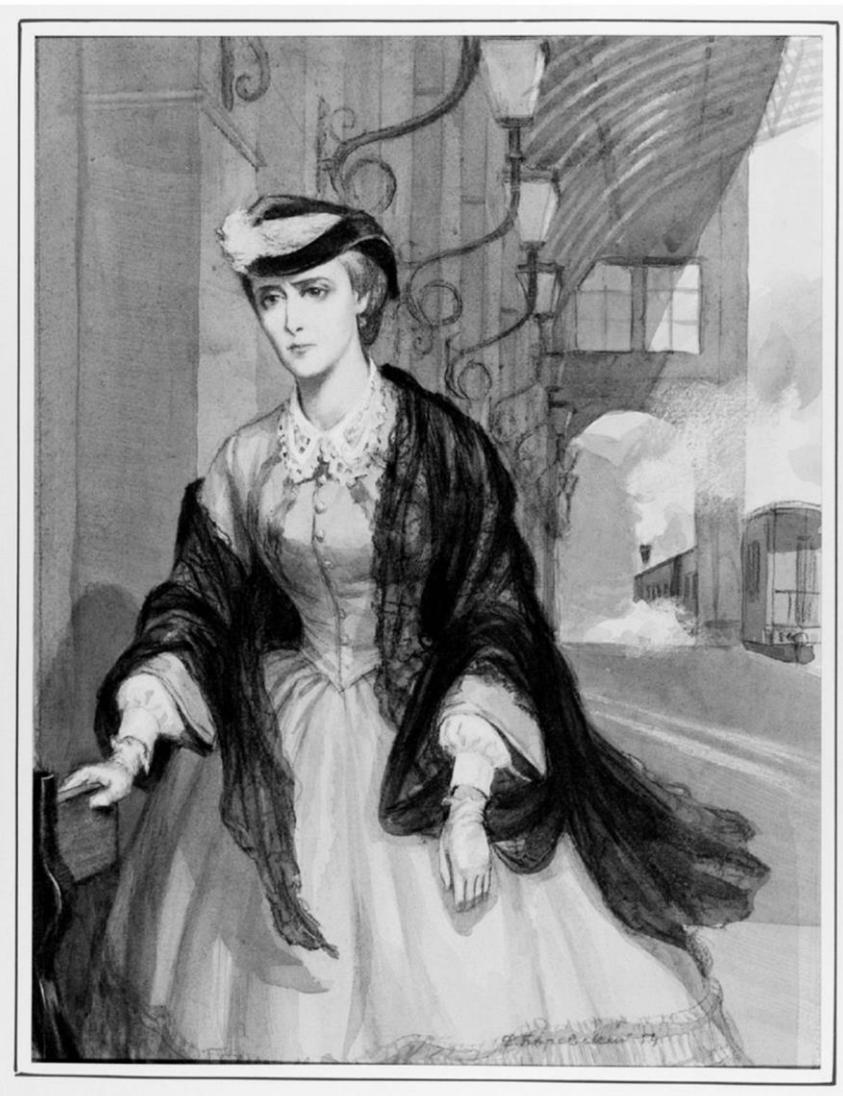
1. *Фет А.А.* Сочинения и письма в 20 т. Т.4. СПб., 2007. С.137.
2. Рукописный фонд РГБ. Ф.315, к.2, ед.хр. 9).
3. Рукописный фонд РГБ. Ф.315, к.2, ед.хр. 9).

II.

*Научные исследования
и сообщения*

*Иллюстрация к роману И.С. Тургенева "Дым". Ирина Ратмирова
Художник В. Боровский, 1954 г.*

ФРАНЦУЗСКАЯ СУДЬБА РОМАНА «ДЫМ» (Тургенев и Проспер Мериме)

История французского перевода «Дыма», напечатанного в газете «Le Correspondant» некоторое время спустя после выхода в свет романа в мартовском выпуске «Русского вестника» за 1867 год, не менее захватывающая, чем творческая история самого произведения, довольно тщательно изученная¹. Задуманный еще в 1862 году, вслед за «Отцами и детьми», роман писался долго и трудно. Тургенев тщательно разрабатывал образы и общую сюжетную линию, не менее тщательно он выработывал каждую сцену, каждый поворот сюжета, как обычно уделяя особое внимание малейшим деталям. Многим читателям и критикам роман представлялся новым этапом в творчестве писателя. И первое, что бросилось в глаза, это резкое усиление сатирического начала, которое и ранее присутствовало у Тургенева, но «Дым» в этом отношении можно было даже принять за памфлет. Значительные слои русского общества – от высшего света до юных борцов за освобождение человечества – стали предметом жестокой сатиры, местами впадающей чуть не в карикатуру. В то же время роман содержал и глубоко личные, даже интимные переживания писателя, вступившего в нелегкий период расставания с надеждами на личное счастье и философского осмысления пройденного пути. Однако глубинные смыслы романа оказались не понятными современниками, будучи заслонены более актуальными полемическими выпадами. Позже «Дым» также воспринимался, прежде всего, как роман-памфлет.

Талантливый филолог 1920-х–1930-х годов Лев Васильевич Пумпянский даже обнаружил в «Дыме» начало «падения романного творчества Тургенева», что выразилось, по его мнению, в распаде «самого жанра тургеневского романа». С точки зрения Пумпянского, в первую очередь это относилось к «падению централизующей роли героя»². Ошибка исследователя состояла в том, что он принял Литвинова за главного героя романа, хотя не мог не заметить, что «центральные высказывания» в романе принадлежат не Литвинову, а Потугину. Любопытно, что Пумпянский не принял во внимание мнение Достоевского, для которого «Дым» был «прежде всего, и только, речи Потугина»³. Более того, «не поверил» Пумпянский и самому Тургеневу, прямо назвавшему Потугина, а не Литвинова

главным героем романа в известном письме к Д.И.Писареву, приняв упреки критика по адресу Литвинова за обмолвку. Поясняя главную задачу романа, Тургенев писал 23 мая (4 июня) 1867 года: «С высоты европейской цивилизации можно еще обозреть всю Россию. Вы находите, что *Потугин* (Вы, вероятно, хотели *его* назвать, а не Литвинова) – тот же Аркадий (герой «Отцов и детей» – *Н.Г.*); но тут я не могу не сказать, что Ваше критическое чувство Вам изменило: между этими двумя типами ничего нет общего, – у Аркадия нет никаких убеждений – а Потугин умрет закоренелым и заклятым западником, – и мои труды пропали даром, если не чувствуется в нем этот глухой и неугасимый огонь»⁴. Однако ошибка Писарева и, разумеется, Пумпянского не была исключением. Как верно заметил еще Ю.Г.Оксман, «взгляд на Литвинова как на “героя” повести характерен едва ли не для всех откликов на “Дым” радикальной печати»⁵. Добавим: и не только радикальной. Лишь сравнительно недавно вопрос о главном герое романа окончательно прояснился. В подготовительных материалах к роману «Дым», впервые опубликованных и прокомментированных английским исследователем Патриком Уоддингтоном, четко написано: «Это главное лицо всей повести. В нем мне хочется выразить философа русского в настоящем смысле слова, человека, глубоко, насколько я смогу, понявшего Россию и русских. – Его каждое слово должно быть типичным – или совсем не надо его»⁶. Похоже, лучше всех понял замысел Тургенева именно Ф.М.Достоевский, который, как известно, «приговорил» роман к «сожжению от руки палача»⁷.

Совсем иначе роман был воспринят европейскими читателями. Как бы оспаривая мнения известных европейских писателей, которые, разумеется, были хорошо известны тургеневодам 30-х годов, Пумпянский писал о «Дыме»: «Вместо старого классического романа, перед нами первый у Тургенева пример *беллетристики*, т.е. того облегченного вида романа, который характеризуется нестрогостью жанра и более или менее произвольным кругозором изображения, – типический западно-буржуазный вид искусства. Отсюда и крайняя легкость усвоения «Дыма» западными литераторами. Для Голсуорси, напр., «Дым» был романом, определившим все его творчество. Снизив свое старое искусство, Тургенев показал западной литературе облегченный путь беллетристицизма. Не привившись у нас, «Дым» был легко и плодотворно воспринят той средой, из которой, собственно, он и возник: западной либеральной, «беллетристической» культурой эпохи буржуазного упадка»⁸.

Отбросив вульгарно-социологическую окраску приведенного высказывания как примету времени, попытаемся разобраться, дей-

ствительно ли роман Тургенева был воспринят за границей столь апологетически.

Ко времени выхода в свет романа «Дым» слава Тургенева обрела прочную основу не только на родине, но и за ее пределами. Очутившись в Европе во второй половине 1850-х годов, Тургенев обнаружил, что имя его стало популярным. Укреплению этой популярности способствовало сближение его с рядом выдающихся писателей, в числе которых прежде всего следует назвать имена Гюстава Флобера и Проспера Мериме. То, что имя последнего оказалось тесно связанным с историей французского перевода романа, не было случайностью. Еще до личного знакомства, состоявшегося в феврале 1857 года в Париже, Мериме в 1854 году откликнулся статьей на выход в свет французского перевода «Записок охотника», высоко оценив мастерство русского писателя и в особенности отметив стремление к правдивому изображению действительности. Впрочем, некоторые наблюдения Мериме были не лишены сарказма. «Манера письма г-на Тургенева напоминает гоголевскую, - писал автор «Театра Клары Газуль». - Как и автор «Мертвых душ», он непревзойден в деталях, любит останавливаться на мельчайших подробностях. Если речь идет об избушке, он пересчитывает все лавки и не забудет ничего из посуды. Описывая одежду персонажа, он не пропустит ни одной пуговицы»⁹. Мериме предпочитает смелый и простой слог Пушкина, у которого каждое слово описания «создает определенный образ и оставляет неизгладимое впечатление»¹⁰. Но предпочитает тургеневский слог гоголевскому. Тургенев, с точки зрения Мериме, «избегает уродливого, которое автор «Мертвых душ» изыскивает с таким любопытством. <...> Г-н Тургенев тоже высмеивает, но мягче. Рядом с плохим он видит и хорошее и даже в смешных и нелепых фигурах подмечает благородные и трогательные черты»¹¹. Можно не сомневаться, что рецензия Мериме, несмотря на общий лестный для автора тон, была неприятна Тургеневу. В особенности его должна была покоробить высокая оценка труда первого переводчика «Записок охотника» Эрнеста Шарьера, который, как известно, допустил немало искажений и вызвал резко негативную реакцию Тургенева.

Первое впечатление Тургенева от личного знакомства с Мериме не было слишком восторженным, хотя неподдельный интерес французского писателя к русской литературе, его любовь к Пушкину должны были расположить Тургенева в его пользу. «Похож на свои сочинения, - писал он М.Н. Лонгинову, - холоден, тонок, изящен, с сильно развитым чувством красоты и меры и с совершенным отсутствием не только какой-нибудь веры, но даже энтузиазма»¹². И все же сближение произошло. Более того: на целое десятилетие

Мериме стал не только собеседником Тургенева, он стал его переводчиком, редактором французских переводов его произведений, автором предисловий и, наконец, автором значительной статьи о Тургеневе, которая была опубликована сначала в газете «Le Moniteur» (25 мая 1868 г.), а затем в качестве предисловия к отдельному изданию романа «Дым». Здесь не лишним будет сказать, что в новейшем издании статей Мериме о русской литературе, подготовленном академиком Андреем Дмитриевичем Михайловым, допущена существенная ошибка в комментариях. Здесь говорится, что при жизни Мериме (а он умер в 1870 году) его статья в качестве предисловия к «Дыму» не печаталась¹³, между тем она была включена Этцелем уже во второе издание «Дыма», вышедшее в следующем, 1868 году (первое отдельное издание вышло в конце 1867 года), разумеется, с согласия Тургенева и самого Мериме. Сообщая Тургеневу о намерении написать статью о нем в связи с выходом «Дыма», Мериме недаром писал: «Если бы вы пожелали, чтобы я при этом сказал кое-что людям, которые хотят вас в Петербурге съездить, - я к вашим услугам»¹⁴. Сказанное выдает хорошее знание французским писателем горячих споров, возникших в русском обществе в связи с появлением «Дыма».

Может быть, Проспер Мериме был единственным, кто считал «Дым» одним из лучших произведений Тургенева. Об этом он писал неоднократно своим корреспондентам, и прежде всего самому Тургеневу, прочитав «Дым» по-русски: «“Дым”, несомненно, войдет в число ваших самых оригинальных произведений. Все характеры изображены замечательно. Мне кажется, что они списаны с натуры, этим и объясняется ярость ваших соотечественников»¹⁵. Из сказанного с очевидностью следует, что Тургенев, посылая Мериме оттиск из «Русского вестника», сообщил о первых откликах на роман в русской печати. Более того, из дальнейшего становится ясно, что Тургенев просил Мериме откликнуться на выход в свет своего нового романа и в какой-то мере снова «заступить» за него. К сожалению, ни это, ни другие письма Тургенева к Мериме не сохранились, погибнув вместе с архивом писателя при пожаре в 1871 года.

В приведенном письме Мериме, говоря о психологической достоверности созданных Тургеневым образов, подчеркивает, что «встречал» героев «Дыма» во французской жизни. Тем самым он отвечает на собственный вопрос, заданный автору романа в предыдущем письме, когда им были прочитаны лишь первые страницы произведения. Вот что писал Мериме: «У меня создалось впечатление, что вы описываете и общество и состояние умов совершенно новые. Я

задаю себе вопрос: будет ли это понято французами?»¹⁶. Характерно, что по прочтении романа этот вопрос отпал сам собой.

Признав, однако, «общечеловеческую» ценность созданных русским писателем образов, Мериме критиковал архитектонику романа и предлагал ряд существенных изменений для французского варианта. Так, ему показалось, что Тургенев вводит слишком много действующих лиц сразу, что роману не хватает введения. Он, например, считал, что вечер у Губарева должен быть перенесен вглубь повествования. Литвинов, с точки зрения Мериме, мог бы найти букет гелиотропов прежде, чем идти к Губареву, а не потом. Тем самым, как выразился писатель, «интерес» уже будет «пробужден», и читатель пойдет «по проложенной тропе», «сочувствуя герою»¹⁷. Попутно Мериме советовал прежде рассказать историю Литвинова и Ирины в Москве, а затем уже дать их встречу в Бадене. «История девочки, оставленной на попечение Потугина», показала французскому писателю слишком краткой. Предлагая Тургеневу переписать роман (хотя и называя это простой перенумерацией страниц), Мериме, кажется, сам того не замечая, бесцеремонно вмешивался в творческий процесс, что не могло не встретить сопротивления Тургенева. Повторим, мы не знаем, что ответил Тургенев, но сам факт, что во французский перевод предложенные Мериме изменения не были внесены, свидетельствует о неприятии подобных дружеских советов. Можно предположить, что отказ Мериме от перевода романа был связан именно с нежеланием Тургенева изменить что-либо в тексте уже напечатанного произведения¹⁸.

Кроме того, Мериме лучше других понимал трудности, с которыми придется столкнуться переводчику Тургенева. Вот что он писал в письме к издателю Шарпантье по поводу романа «Отцы и дети». Заметим, что это письмо было напечатано в качестве предисловия к французскому изданию романа. Впервые его перевел на русский язык и напечатал замечательный ученый Пушкинского Дома Михаил Карлович Клеман в блестящей и до сих пор не потерявшей значения статье «И.С.Тургенев и Проспер Мериме», опубликованной еще в 1937 году. «Перевод, который вы мне показали, - писал Мериме, - представляется мне очень точным; я не могу, конечно, сказать, что он вполне передает живой и колоритный стиль г.Тургенева. Переводить с русского на французский не так легко. Русский язык создан для поэзии, он необычайно богат и, в особенности, замечателен по тонкости выражаемых им оттенков. Вы представляете себе, что может извлечь из подобного языка искусный писатель, отдающийся наблюдению и анализу, и какие непреодолимые трудности готовит он для переводчика. В конце концов, если портреты г.Тургенева те-

ряют для нас кое-что в блестящем колорите, всегда сохраняются их правдивость и непосредственная прелесть, характеризующие все добросовестно с натуры написанные произведения»¹⁹. Характерно, что письмо к Шарпантье об «Отцах и детях», изначально предназначенное к печати, начинается с заступничества Мериме перед русской публикой за роман Тургенева: «Роман, который вы хотите опубликовать, вызвал в России бурю. Успех был обеспечен. Не было недостатка ни в пристрастной критике, ни в клевете, ни в брани печати, не хватало, быть может, только церковного отлучения. В России, как и везде, нельзя безнаказанно высказывать правду тем, кто о ней не спрашивает. В этом небольшом произведении г.Тургенев показал себя, по обыкновению, пронизательным и тонким наблюдателем; однако, избрав предметом изучения два поколения своих соотечественников, он совершил ошибку, не польстив ни одному из них»²⁰.

Вот почему, когда князь Августин Петрович Голицын, сотрудничавший в журнале католического направления «Le Correspondant», обратился к Тургеневу за разрешением перевести роман на французский язык, Тургенев первым делом сослался на Мериме: «У моего друга г.Мериме была одно время мысль перевести мой роман, и он говорил мне об этом; я думаю, что он отказался от этого замысла; но все же мне не хотелось бы давать вам согласие, пока я не буду точно знать о его намерениях»²¹. Намерение Мериме отказаться от перевода «Дыма» выяснилось скоро, и обрадованный Голицын поспешил начать работу²².

Мы не знаем точно, почему желание Мериме перевести «Дым» осталось нереализованным, но если бы переводчиком был он, а не А.П.Голицын, история перевода лишилась бы весьма курьезного эпизода – «сотрудничества» Тургенева и Мериме, согласившегося просматривать корректуры, с пресловутым князем. Сохранившиеся письма Мериме к разным корреспондентам пестрят остротами по поводу действий переводчика. Тургеневу, однако, было совсем не смешно. Прочитав первые главы перевода в «Le Correspondant», он едва не приостановил печатанье романа.

Голицын последовал совету Тургенева и обратился к Мериме. Отвечая ему, Мериме галантно писал: «Я поздравляю Тургенева с тем, что он приобрел вас в качестве переводчика, а сам радуюсь возможности вступить в сношения с вами по этому случаю. До сих пор переводчиками Тургенева были люди, очень посредственно владевшие русским языком и еще хуже французским. Но в настоящем случае моя роль сведется к роли пятого колеса в колеснице»²³. Уже через пару месяцев Мериме вынужден был признать очевидное: «Тургенев в отчаянии. Он заказал перевод своего последнего романа князю

Голицыну, который не знает русского языка и не лучше того французский. Чтобы окончательно добить Тургенева, перевод печатают в "Correspondant", благочестивой и добродетельной газете, в которой хотят вычеркнуть все, что может затруднить при чтении священников, иначе говоря, три четверти романа»²⁴.

Споры начались уже с заглавия романа. Князю название «Дым» показалось неудачным, и в качестве замены он предложил другое: «La société russe contemporaine», то есть «Современное русское общество». Известно, что Тургенев колебался в выборе заглавия романа. В черновом варианте фигурировало еще одно: «Две жизни». Однако предложение Голицына поразило писателя. «...» «Современное русское общество» – скорее подошло бы журнальной статье, чем художественному произведению», - откровенно писал он Голицыну 10 июля 1867 года²⁵. Тургенев попытался предложить на выбор несколько заглавий: «L'Incertitude» («Неопределенность»), «Entre le Passé et l'Avenir» («Между прошлым и будущим»), «Sans Rivage» («В открытом море»), «Dans le brouillard» («В тумане»). Ситуацию спас Мериме, убедив переводчика, что существующее заглавие наиболее подходящее. «Я пытался ему доказать, - писал он не без юмора Тургеневу 20 июля 1867 года, - что не следовало бы налеплять этикетки и можно было бы предоставить читателям удовольствие узнать самостоятельно, что вы изображаете современные нравы»²⁶. Но если проблема заглавия была решена сравнительно быстро, другие претензии переводчика оказались более трудно преодолимыми.

«Меня особенно пугает то, - писал Мериме в том же письме, - что он кажется чересчур добродетельным. Его сомнения вызывают некоторые страницы, дающие повод к смелым заключениям по поводу отношений Ирины и Литвинова. Разумеется, я возражал против такой щепетильности и хочу, не теряя времени, предупредить вас по секрету. Смотрите, не дайте себя слишком оскорбить»²⁷. 27 сентября Мериме с юмором пересказывал подробности баталий с князем Голицыным своей приятельнице Жени Дакен: «На свете существует некий князь Августин Голицын, принявший католичество. Он перевел роман Тургенева "Дым", который печатается в "Корреспондан" – органе клерикалов; князь является одним из пайщиков этого издания. Тургенев поручил мне просмотр второй корректуры. В романе есть довольно острые места, которые приводят князя в отчаяние. Например, вещь неслыханная: у русской княгини роман, осложненный адюльтером. Князь пропускает затрудняющие его сцены, а я их восстанавливаю»²⁸. Далее Мериме приводит один из эпизодов, вызвавших недовольство высокопоставленного Голицына: «...дама из

общества позволила себе в Бадене прийти к своему возлюбленному в гостиницу. Она входит к нему в номер, и на этом глава обрывается. В подлиннике далее следует: «Два часа спустя он сидел у себя на диване». Новообращенный католик перевел: «Час спустя Литвинов сидел у себя в номере». Как видим, вышло намного нравственнее: сократить время на час – значит уменьшить грех наполовину. Затем заменить диван комнатой тоже целомудреннее – диван удобен для предосудительных поступков. Я же, верный данному слову, восстановил и время и диван, но в сентябрьском номере “Корреспондан” эти главы не появились. Полагаю, что руководители журнала, люди респектабельные, вычеркнули все целиком»²⁹. Нам остается только догадываться, насколько был благодарен Тургенев своему французскому собрату по перу, «заступившемуся» за его «безнравственных» героев уже перед французскими «цензорами».

Обвинения в «безнравственности» прозвучали по адресу Тургенева не впервые. Вспомним, как возмущен был его давний друг и соратник Луи Виардо повестью «Первая любовь», обвинив писателя в пропаганде адюльтера. Не сумев переубедить его, Тургенев пошел на беспрецедентный шаг, дописав «Прибавленный хвост для французского издания в “Первой любви”». Именно так назвал он в сердцах вынужденное добавление, которое было напечатано только во французских изданиях и никогда по-русски³⁰. Из них «хвост» перешел в немецкие издания, и впоследствии Тургенев, вопреки фактам, даже открещивался от авторства. Фет назвал бы этот «довесок» «мочальным хвостом». Так он именовал тенденцию, в том или ином виде проникающую в художественное произведение.

В случае с князем Голицыным Тургеневу тоже пришлось пойти на некоторые уступки, но они были гораздо менее значительны, нежели то, что он собирался добавить во французское издание романа «Дым». Этими добавлениями были купюры, сделанные им по требованию редактора «Русского вестника» М.Н.Каткова. Однако эти вставки менее всего волновали князя Голицына, в чьем лице писатель обрел еще одного цензора. По счастью, он не был одинок в этой борьбе. Мериме был рядом и не стеснялся заступаться за текст романа, из которого, по его же словам, ему не хотелось выбросить ни единой строки.

Особенно не повезло с Голицыным бедным лореткам, чье безнравственное присутствие на страницах романа было невыносимо для благочестия князя. Лоретки были изгнаны со страниц французского перевода «Дыма» раз и навсегда.

Главным же добавлением, сделанным Тургеневым и, что особенно важно для нас, переведенным им самим, была биография генерала

Ратмирова, сокращенная и сглаженная в печатном варианте «Русского вестника» по требованию Каткова.

Благодаря интереснейшей публикации подготовительных материалов к «Дыму», осуществленной П. Уоддингтоном, мы знаем теперь, что биография этого одного из самых одиозных персонажей романа вполне соответствовала первоначальному замыслу. «... Правда, - пишет П. Уоддингтон, - с изменением фамилии (Селунский на Ратмиров. - Н.Г.) были отброшены польские предки генерала. Более интересно то, что некоторые детали были впоследствии сняты, как, например указание на незаконнорожденность персонажа, его гомосексуальное прошлое в Пажеском корпусе, практическая польза его модного “либерализма” после смерти Николая Павловича. С другой стороны, в подготовительных материалах он засекал насмерть 5 крестьян, а не 50, как в окончательном тексте, и женился на Ирине не только по расчету, но и по любви»³¹.

Доработка образа Ратмирова, как показывают все источники текста, в том числе и французский перевод биографии генерала, сохранившийся в *Bibliothèque Nationale de France*, не только не смягчала этот образ, а напротив, ужесточала его характеристику. Только от прямого, даже прямолинейного и грубого высказывания («какая-то почти педерастическая ласковость в голосе» и т.д.) автор идет к тонкой, но от этого не менее злой иронии. Как было верно замечено публикатором «Дыма» Е.И. Кийко еще в первом академическом издании Тургенева, писатель делал перевод с наборной рукописи, также сохранившейся в *Bibliothèque Nationale*.

В «формулярном списке» генерала Селунского в подготовительных материалах к «Дыму» читаем: «Отец его был побочный сын большого вельможи Александровских времен и [польки шляхетки] французенки, которая вскоре умерла»³². Удивительно, что, заменив впоследствии Селунскому-Ратмирову мать, Тургенев возвращается к прежнему варианту, и в черновой рукописи романа мы снова встречаем польку шляхетку, «[очень] красивую и [очень] ласковую женщину»³³, которая в окончательном тексте превратилась в «хорошенькую актрису французенку»³⁴. Это было, возможно, связано с тем, что в 1863 году «польский элемент», в связи с тем, что подавленным польским восстанием, представлялся писателю неуместным, в то время как в конце 1865 года, когда создавался черновой автограф романа, тот же «элемент» звучал уже не столь актуально. Однако в наборной рукописи Тургенев в конце концов заменяет польку на просто «красивую молодую вдову» и в остальной части биографии убирает «польский элемент» («истинно-польскую ловкость в танцах» и т.д.).

Интересные результаты дает сличение перевода «биографии» Ратмирова, сделанного самим Тургеневым и сохранившегося в Bibliothèque Nationale, с окончательным текстом французского перевода. Незаконнорожденность отца Ратмирова выражена в наборной рукописи (и в окончательном русском тексте) весьма завуалировано: «Отец его был естественный... Что вы думаете? Вы не ошибаетесь – но мы не то желали сказать... естественный сын знатного вельможи...» и т.д. Заметим, что «естественный сын» вместо «побочного» в формулярном списке подготовительных материалов звучит явным галлицизмом. Не случайно в переводе Тургенев сначала пишет нейтральную фразу: «Son père avait été le fils d'un grand seigneur...», а затем, опуская витиеватое построение русской фразы (вернее, небольшого диалога с читателем), призванной иронически изобразить незаконнорожденность отца героя, заменяет ее лаконичной, но не менее выразительной французской: «procédait indirectement», то есть «происходил не по прямой линии». Так она и была напечатана во французском переводе.

Показное «добронравие», фигурирующее уже в подготовительных материалах³⁵ и замененное в конце концов на «благонравие», которое не стало от этой замены менее показным, сопровождается в подготовительных материалах откровенно-грубым указанием в скобках на гомосексуальные связи героя в Пажеском корпусе. В наборной рукописи и в окончательном варианте этот сюжет превращается в обтекаемый и не сразу узнаваемый намек на те же обстоятельства: «Ратмиров <...> обратил на себя внимание начальства – не столько успехами в науках <...> сколько фрунтовой³⁶ выправкой, хорошими манерами и благонравием (хотя подвергался всему, чему неизбежно подвергались все бывшие воспитанники казенных военных заведений)...». Этот сюжет, помещенный, как уже сказано, в скобках, вовсе исчез не только из первой публикации романа в «Русском вестнике» (что вполне понятно), но и из французского текста. Поскольку отрывок перевода биографии Ратмирова записан рукой Тургенева и содержит правку, трудно предположить, что данная купюра сделана по требованию Голицына или кого-то еще. Скорее всего, сам писатель, предполагая реакцию переводчика и редактора газеты, отказался от мысли передать этот фрагмент по-французски.

Как бы то ни было, даже немногочисленные приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что перевод того или иного произведения, в особенности выполненный при ближайшем участии автора, является неотъемлемой частью творческой истории произведения, а его изучение является важнейшей нашей задачей.

В заключение хотелось бы привести слова из статьи Мериме «Иван Тургенев», опубликованной в качестве предисловия к французскому изданию «Дыма». В них содержится одно сравнение, которое не могло не тронуть Тургенева. «Он, - писал Мериме, - не чувствует того лукавого удовольствия, которое ощущают многие критики, подмечая человеческие слабости и пошлость. Тщательность, с которой эти господа подчеркивают дурные стороны того общества, в котором мы живем, у Тургенева применяется к разысканию добрых явлений всюду, где они могут быть скрыты. Он любит находить возвышающие человека черты даже в самых низменных натурах. Часто он напоминает мне Шекспира. Так же, как английский поэт, он обладает любовью к истине, он умеет создавать поразительно реальные фигуры; но, несмотря на все искусство, с каким автор скрывается за своими вымышленными героями, можно угадать его собственный характер, и это, быть может, является не последней причиной моей симпатии к нему»³⁷.

Примечания

1. *Чешихин-Ветринский В.* Заметки о Тургеневе. III. К созданию «Дыма» // Тургенев и его время. Первый сборник /Под редакцией Н.Л.Бродского. М.; Пг., 1923. С.293-295; *Пумпянский Л.В.* «Дым». Историко-литературный очерк // *Тургенев И.С.* Сочинения: В 12 т. М.; Л., 1930. Т.9. С.V-XX; *Оксман Ю.Г.* <Комментарии к роману «Дым»> // Там же. С.417-437; <*Кийко Е.И.*> Прембула и комментарии к роману «Дым» // *Тургенев И.С.* Полное собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1965. Т.9. С.505-558 (Далее: *Тургенев. ПССиП(1)*); *Тургенев И.С.* Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т.7 (Далее: *Тургенев. ПССиП(2)*); *Кийко Е.И.* Роман «Дым». Варианты черновых автографов фрагментов текста // *И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества.* Л., 1982. С.13-19; *Винникова И.А.* 1) Некоторые проблемы пореформенного развития России в романе И.С.Тургенева «Дым» // *Историографический сборник.* Саратов, 1962. С.152-170; 2) Роман «Дым» в творческом развитии И.С.Тургенева шестидесятих годов. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филолог. наук. Саратов, 1968; *Батюто А.И.* 1) И.С.Тургенев в работе над романом «Дым» (Жизненные истоки образа Потугина) // *Русская литература.* 1960. №3. С. 156-160; 2) Тургенев-романист. Л., 1972. С.18-23, 151-156, 350-366; 3) Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» // *Русская литература.* 1987. №3. С.82-104; *Муратов А.Б.* И.С.Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л., 1972. С.37-144; *Thiengen P.* Turgenev's «Dum»: Titel und Thema // *Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa.* Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistikongreß in Kiev. Köln; Wien. 1983. S.277-310; *Генералова Н.П.* И.С.Тургенев: Россия и Европа (Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений). СПб., 2003. С.238-350 (глава: «Одинокий пир „русского философа“»).

2. *Пумпянский Л.В.* «Дым». Историко-литературный очерк. С.V.
3. Там же. С.VI.
4. *Тургенев. ПССиП(2)*. Письма. Т.7. С.209.
5. *Оксман Ю.Г.* <Комментарии к роману «Дым»>. С.435.
6. *Тургенев И.С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публикация и послесловие П.Уоддингтона. Перевод А.А.Долинина // Русская литература. 2000. №3. С.109. Впервые эти интереснейшие материалы, хранившиеся в частном архиве, были опубликованы Уоддингтоном в виде двух статей: 1) No smoke without fire: the genesis of Turgenev's "Dym" // From Pushkin to Palisandriia: essays on the Russian novel in honor of Richard Freeborn. London, 1990. P.112-127; 2) Turgenev's notebooks for «Dym» // New Zealand Slavonic Journal. 1989-1990. P.41-66. В полном виде: *Waddington P.* The Origins and Composition of Turgenev's Novel "Dym" ("Smoke"), as seen from his sketches. Pinehaven, New Zealand, 1998. 56p.
7. В таких словах передал Тургенев мнение Достоевского о «Дыме» (высказанное ему при личной встрече в Баден-Бадене в июне 1867 г.) в письме к Я.П.Полонскому от 24 апреля н.ст. 1871 г. (см.: *Тургенев. ПССиП(2)*. Письма. Т.11. С.86). Сюжет с Достоевским, имевший значительное продолжение и тщательно исследованный, почему-то не был учтен в комментариях к роману в обоих академических изданиях Тургенева.
8. *Пумпянский Л.В.* «Дым». Историко-литературный очерк. С.XX. Правда, исследователь сделал сноску к словам «не привившись у нас»: «За некоторыми исключениями (Боборькин)».
9. *Мериме П.* Крепостное право и русская литература. «Записки русского охотника», сочинение Ивана Тургенева // Мериме П. Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т.5. С.196-197. Перевод И.Лилеевой.
10. Там же. С.197.
11. Там же. С.197-198.
12. *Тургенев. ПССиП(2)*. Письма. Т.3. С.200.
13. *Мериме П.* Статьи о русской литературе / Издание подготовил А.Д.Михайлов. М., 2003. С.103. К слову сказать, было бы уместно упомянуть в комментариях имя М.К.Клемана как первого публикатора некролога Мериме, написанного Тургеневым (С.106).
14. *Мериме П.* Собр. соч. Т.6. С.206. Письмо от 13 февраля 1868 г. Перевод Н.Рыковой.
15. Там же. С.196. Письмо от 25 мая 1867 г. Перевод В.Станевич.
16. Там же. С.194. Письмо от 18 мая 1867 г. Перевод В.Станевич.
17. Там же. С.197. Письмо от 25 мая 1867 г.
18. В связи с письмом Мериме от 25 мая 1867 г. следует заметить, что утверждение, будто «редактирование французского перевода «Дыма» на вело Мериме на мысль написать специальную статью о Тургеневе» (*Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. М., 1937. Т.31-32: Русская культура и Франция. II. С.733*), нуждается в корректировке. Из этого письма с очевидностью следует, что, давая Тургеневу советы по переладке романа для французского читателя, Мериме намеревался перевести роман сам, а узнав из писем Тургенева о нападках на него, готов был печатно поддержать его: «Если по этому поводу на Вас будут нападать, я сумею ответить достаточно веско» (*Мериме П.* Собр. соч. Т.6. С.196).

19. Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме. С.722.
20. Там же. С.720-721.
21. *Тургенев. ПССиП(2)*. Письма. Т.8. С.215.
22. Работе Тургенева – редактора французского перевода «Дыма» посвящена публикация Р.М.Гороховой: «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа //Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева. Л., 1969. Вып. 5. С.250-261.
23. Цит. по: *Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме. С.729*. Перевод М.К.Клемана.
24. Цит. по: Там же. С.731. Письмо к В.Делессер от августа 1868 г. Перевод М.К.Клемана.
25. *Тургенев. ПССиП(2)*. Письма. Т.8. С.216.
26. Цит. по: *Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме. С.730*. Перевод М.К.Клемана.
27. Там же.
28. *Мериме П. Собр. соч. Т.6. С.200*.
29. Там же. С.200-201.
30. Этот текст, написанный рукой Тургенева, сохранился в архиве Виардо и был опубликован: Окончание повести «Первая любовь» /Публикация Е.И.Кийко //Литературное наследство. М., 1964. Т.73: Из Парижского архива И.С.Тургенева. Кн.1. С. 59-68.
31. *Тургенев И.С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> /Публикация и послесловие П. Уоддингтона. С.136-137.
32. Там же. С.110.
33. *Тургенев. ПССиП(1)*. Соч. Т.9. С.441. Здесь опубликованы наиболее существенные разночтения с окончательным текстом романа.
34. Там же. С.220.
35. *Тургенев И.С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> /Публикация и послесловие П.Уоддингтона. С.110.
36. Это слово в публикации «Русского вестника» и последующих изданиях оказалось прочитанным как «фронтовой», что было, очевидно, недосмотром самого Тургенева.
37. Цит. по: *Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме. С.736*. Перевод М. К.Клемана.

*А.Звигильский
Франция, Париж*

ПОЛИНА ВИАРДО В ФАНТАСТИЧЕСКОМ МИРЕ ТУРГЕНЕВА¹

Представить за четверть часа тему фантастического у Тургенева – задача невыполнимая. Поэтому сегодня я остановлюсь лишь на двух повестях – «Песнь торжествующей любви» (1881) и «Клара Милч» («После смерти»; 1883), в которых писатель-реалист открывает новый литературный жанр. Полина Виардо присутствует при

этом не только физически, некоторыми биографическими подробностями, известными ей одной и сообщенными ею автору, который их собирает и разрабатывает, она является и в качестве подлинного литературного соавтора человека, с которым её связывала почти соколетняя дружба. Муза и писатель.

Со времени провала последнего романа «Новь» (1877) Тургенев бросил писать. Не исключено, что она сама предложила сотрудничество. А может быть, инициатива исходила от него. Работать рядом с любимой женщиной – вещь заманчивая. У нас есть тому свидетельства, например, некая светская игра, в которой они оба с некоторыми пор принимали участие, или те несколько фривольные басенки, которые он сочинял и в которые она не без удовольствия вносила свои правки.

С течением лет Тургенев, как мне кажется, задумал увенчать свою любовь соавторством с Полиной совсем иного уровня. Полина остается в тени, никто не подозревает, что они вместе трудятся над осуществлением нового литературного замысла. Если Эркман и Шатриан² работали вдвоем, то, насколько мне известно, не существует примеров знаменитых творений, созданных мужчиной в соавторстве с женщиной. Даже Арагон, обожавший Эльзу³, писал один.

В 1896 году «Песнь торжествующей любви», эта фантастическая и музыкальная новелла, вдохновила Эрнеста Шоссона на создание «Поэмы для скрипки с оркестром». Нынешним летом Марина Влади прочла третью главу повести для исполненной восторга публики в том самом буживальском шале, где она была написана. Энтузиазм публики достиг апогея, когда отзвучали последние слова текста и вступила мелодия скрипки, соло, без аккомпанемента.

Часом ранее мы открыли в саду скульптурную композицию «Тургенев и Полина Виардо», неразрывно соединившую в вечности писателя и певицу. Автор, русский скульптор Григорий Потоцкий, нашел, что исполнение страстной мелодии Шоссона стало кульминацией действия, сочетавшего музыку, слово и ваение.

В процессе работы над «Песнью торжествующей любви», действие которой происходит на вилле, построенной Палладием⁴ в окрестностях Феррары в эпоху итальянского Возрождения, Полина предоставила в распоряжение своего друга немало собственных сокровенных воспоминаний. Как раз это и требовалось писателю, чтобы быть «правдивым»: обнаружить чувства и помыслы любимой женщины, а затем отлить их в художественное создание, которое в нашем случае оборачивается сюрреализмом. По мнению первого английского биографа Полины Виардо Эйприл Фицлаэн, разделяемому Флоранс Лоней, Тургенев явился первым представителем феминизма в русской литературе.

Ещё в 1859 году, в пору написания романа «Накануне», ему понадобилось – в творческих целях и опять-таки, чтобы быть прав-

дивым,- прочесть дневник девушки. Его героиня Елена ведет такой дневник. Писатель обратился к Полине, которая в это время отдалась от него: тогда его просьба осталась без ответа. Но в начале 1880-х годов, наиболее счастливой поры их отношений, Полина, окончательно оставившая пение и располагавшая временем, была готова начать нечто новое.

Список поклонников Полины Виардо, составленный Патриком Барбье⁵, впечатляет. Полина выбрала из этого списка двоих, оставивших глубокий след в её жизни: один – художник Ари Шеффер, другой – композитор Шарль Гуно; они к тому же были добрыми друзьями. В повести Тургенева первому отведена роль живописца Фабия, второму – музыканта Муция. Оба друга влюблены в Валерию, которая испытывает влечение к обоим молодым людям, не решаясь однако выбрать одного из них в мужа. В итоге она выйдет замуж за художника. Музыкант будет вынужден удалиться. Муций вернется в Феррару и сыграет для супругов на индийской скрипке волнующую мелодию, услышанную им на острове Цейлон. Эта музыка околдовала Валерию. Вот как Тургенев описывает последнюю сцену: *«В один прекрасный осенний день Фабий оканчивал изображение своей Цецилии; Валерия сидела перед органом и пальцы её бродили по клавишам... Внезапно, помимо её воли, под её руками зазвучала та песнь торжествующей любви, которую некогда играл Муций, - и в тот же миг, в первый раз после её брака, она почувствовала внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни... Валерия вздрогнула, остановилась... Что это значило? Неужели же...»*⁶.

Разумеется, Полина показала Тургеневу картину Ари Шеффера, до нас не дошедшую, по которой в своё время Джакомо Бернарди исполнил гравюру, хранящуюся ныне в музее города Дордрехта. Шеффер представил Полину в образе Святой Цецилии, покровительницы музыкантов; она играет на органе и поет. Живописная деталь: она беременна. Полотно, изображающее деву, носящую во чреве, в духе Рубенса, создавалось в 1851 году, когда Полина приобретает орган работы Кавайе-Коля и когда она ожидает появления на свет Клоди. Что поет она? Может быть, это мелодия Гуно, особенно любимая Тургеневым, а именно «Осенняя песнь», на что как будто намекает автор. Вряд ли это восточный напев, который появляется в повести в качестве реминисценции «Саламбо» Флобера. Тургеневу удастся слияние реального, к которому он привязан по-прежнему, и воображаемого. «Я никогда ничего подобного не писал», – скажет он. Но где граница между мечтой и реальностью?

После рождения Клоди, да и теперь ещё, производятся подсчёты в связи с возможным отцовством Шарля Гуно, с которым Полина поссорилась на исходе своей беременности и к моменту его женить-

бы на Анне Циммерман, что стало неожиданностью для Полины и её близких. Её британский биограф Барбара Кендел-Дэвис даже находит некое сходство девочки с детским портретом Шарля.

Обратившись к тексту «Песни торжествующей любви», мы убеждаемся, что отнюдь не Шарль был тем мужчиной, к кому устремляется Валерия (т.е. Полина) вглубь сада, босая, по ночной росе. Ибо вдруг, будто по мановению волшебной палочки, итальянский декор преобразается: и вот мы уже не в окрестностях Феррары, но на вилле Полины Виардо в стиле Палладия в Буживале, рядом с домиком Тургенева, в котором расположение комнат, судя по описаниям, совпадает с современными интерьерами.

Полина и Шарль не виделись много лет... подобно Валерии и Муцию. Теперь пришло время сказать, как далеко заходит Полина в своей исповеди. Думаю, что в 1879 году она повторила для Тургенева те несколько загадочные признания двадцатилетней давности, сделанные ею одному из ближайших друзей, немецкому дирижеру Юлиусу Рицу: *«Не будь Ари Шеффера, я совершила бы большую ошибку – ибо тогда я собой не владела – воля вовремя вернулась ко мне, чтобы унять мое сердце и исполнить долг. За что я была вознаграждена позднее – ах! Мне пришлось сразиться с моими цыганскими инстинктами – убить свою страсть – я едва не умерла тогда – я хотела покончить с собой... из малодушия. Шеффер, ухаживавший за мной как отец, остановил меня – вернул домой – полубезумную – мало-помалу рассудок вернулся ко мне – а с ним и моя воля. Как только я обрела способность хотеть, я одержала победу. Благодарю за это Бога и моего бедного дорогого Шеффера, который сам немало страдал при виде моих страданий»*¹.

Мы по-прежнему не знаем, о каком мужчине идет речь, о Гуно или о Тургеневе. Будучи ровесниками, как сказано в повести, они являются соперниками, стремящимися завоевать одну и ту же женщину. Тургенев разрешает конфликт драматически: в порыве ревности Фабий наносит Муцию смертельный удар. Последний оживает как то подобает в фантастическом рассказе. Что касается Валерии, у неё случаются приступы лунатизма, во время которых её разум и воля парализованы.

Я заметил выше, что никто не знал о какой-либо совместной работе Тургенева с Полиной Виардо над «Песнью торжествующей любви». Это не совсем точно. Три года спустя после смерти Тургенева Чайковский виделся с певицей в её квартире на бульваре Сен-Жермен. Он доверительно сообщал своей корреспондентке Надежде фон Мекк: *«Относительно вопроса, вспоминает ли Виардо Тургенева, скажу Вам, что не только вспоминает, но почти всё время мы*

о нём говорили, и она подробно рассказывала, как они вместе писали «Песнь торжествующей любви»»⁸.

Существует, разумеется, французский перевод «Песни», записанный рукою г-жи Виардо, но Чайковский не его имеет в виду («Они вместе писали “Песнь торжествующей любви”»). Таким образом, речь идёт о соавторстве: она открыла ему своё сердце, он – воссоздал образ «двойной любви» женщины, любви, принявшей под его пером фантастическую и таинственную форму.

Где двое, там и третий. В последней повести Тургенева «Клара Милич» («После смерти») главным героем становится Альфред де Мюссе, названный Аратовым (анаграмма имени Виардо). Мы отмечаем сегодня двухсотлетие со дня его рождения и чествуем одного из величайших поэтов-романтиков Франции, которого Бальзак ставил выше Гюго и Ламартина. Тургенев ценил его. Стихотворение в прозе «Двойник» навеяно «Декабрьской ночью» Мюссе. В юности он увлекался театром Мюссе, в частности, его комедией «Каприз». Он даже перевел на русский язык песню Фортунии из комедии «Подсвечник». В его письмах нет высказываний о Мюссе-человеке, который в конце жизни становится своего рода козлом отпущения.

Тургеневу были также известны стихи, посвященные Мюссе Полине Виардо в пору, когда он был одновременно влюблен в неё и в трагическую актрису Рашель. Хвалебная статья «Концерт м-ль Гарсиа» и последовавшие за ней сонет и стихотворение «На дебют Рашели и Полины Гарсиа» свидетельствуют о его увлечении обеими женщинами. Ему удастся вскоре соблазнить первую и натолкнуться на очевидное безразличие второй.

Эти тексты найдут отражение в рукописи повести: *«Мы ещё не знаем хорошенько: Рашель она или Виардо?.. потому что она и поэт превосходно, и декламирует, и играет... Талант <...> первоклассный!»* (Соч.-2, 10, 73). Внешний облик Клары соединяет в себе черты Полины и Рашели: *«Лицо смуглое, не то еврейского, не то цыганского типа <...>, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями»* (Соч.-2, 10, 75).

Но этого было мало. Как в случае с дневником Елены или с портретом святой Цецилии, Тургеневу не доставало убедительной детали, которая сделала бы достоверным фантастический рассказ о человеке, влюбившемся в мертвую. Он должен был обратиться к лицу сочувствующему, которое на этот раз не могло предоставить ему никаких изображений документального характера, с ней связанных, - она не решилась показать ему серию шаржей Мюссе на историю её замужества. Между тем, как мы знаем, Тургенев работал, опираясь на документы: ей надо было выполнять заказ.

В поразительном письме с шифром «PV», приобретённом музеем Тургенева в 2007 году, Полина признаётся в любви Альфреду де Мюссе; она готова принадлежать ему, если он изменит свой характер и не возобновит прискорбной связи с Жорж Санд. И она назначает ему свидание назавтра, около 3-х часов.

Прочтя этот недатированный автограф, написанный крупным почерком и опубликованный в №25 Тургеневского бюллетеня, один из моих коллег высказал мнение, что письмо не могло быть адресовано Альфреду де Мюссе, и что ко времени его написания г-жа Санд уже давно умерла. Стало быть, Полина писала покойнику, который сошёл в могилу 19-ю годами раньше своей бывшей возлюбленной! Почерк Полины изменился с 1857 года, когда умер Мюссе, он похож, если не ошибаюсь, на почерк французской рукописи «Песни торжествующей любви» 1881 года. Можно думать, что речь идёт всего лишь о подготовительных материалах к будущему произведению, о письме, придуманном Полиной для литературных замыслов Ивана.

Однако писатель взял лишь внешние приметы письма: крупный, неровный почерк, отсутствие подписи. Свидание Полины с Мюссе назначено на следующий день, около 3-х часов, встреча Клары с Аратовым должна состояться назавтра около 5 часов пополудни, ибо действие происходит в России. Поэтому педантичный Тургенев исправил в рукописи «Клары Милич» цифру 3 на 5.

Что же касается содержания, писатель воспользовался им, чтобы нарисовать сцену единственного свидания Аратова с Klarой, воплощённую по предоставленному Полиной образцу и основанную на недоразумении. Актриса досадует на то, что человек, которому она написала любовную записку, не понимает истинной причины назначенной ею встречи: она влюблена в него. Признаюсь, тонкости женской психологии сбивают с толку читателя, особенно, если он знает, что г-жа Виардо была замечательной актрисой. Следует перечесть начало и конец её любовной записки: *«Но, дорогой друг, у меня затекла рука, протянутая вам, пока я вас ожидала! Вы не пришли, чтобы взять эту руку, со всей преданностью протянутую к вам, и почему же?!><...> Если это письмо застанет вас, приходите завтра, к трём часам, рука моя всё в том же положении».*

Это материальное свидетельство участия Полины Виардо в работе над последним созданием Тургенева является уникальным примером в огромном творческом арсенале романиста, которого исследователи не устают открывать.

Нам кажется, мы выступили здесь в гармонии с этим «женским голосом в мире искусств Европы» - титул нашей конференции, весьма удачно предложенный Мишель Фриан⁹; он пришёлся бы по

вкусу самому Тургеневу, ибо голос Полины Виардо, запечатленный пером, красками или резцом, голос поющий – все они сливаются в одно: «*Чувство, которое я испытываю к вам, есть нечто новое, чего никогда не бывало и что никогда не повторится.*»

Примечания

1. Статья на французском языке опубликована в сборнике докладов конференции «Полина Виардо – женский голос в мире искусств Европы» («*Pauline Viardot, une voix féminine dans l'Europe des Arts*»), Paris. 2010. С.39-43. *Перевод и примечания Л.А.Бальковой.*
2. Эркман и Шатриан – французские романисты-соавторы Эмиль Эркман (1822-1899) и Александр Шатриан (1826-1890).
3. Эльза – Эльза Триоле (1896-1970), французская писательница, жена Луи Арагона.
4. Палладий – Паладио Андреа (Palladio Andrea; 1508-1580), итальянский архитектор, один из основоположников классицизма. Его последователи составили традицию в архитектуре, получившую название «палладианство».
5. Барбье Патрик (Patrick Barbier), французский искусствовед, профессор Католического университета в г.Анжере, автор биографии П.Виардо (2009).
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 12 т. 2-е изд. Соч. Т.10. М.: Наука, 1982. С.66. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии, тома и страницы арабскими цифрами.
7. Письмо Полины Виардо Юлиусу Рицу от 21 января 1859 года (Примечание автора).
8. Письмо П.И.Чайковского Н.Ф. фон Мекк от 28 июня 1886 года.
9. Фриан Мишель (Michèle Friang), историк, искусствовед, автор книги «Полина Виардо в зеркале её переписки» («*Pauline Viardot au miroir de sa correspondance*»), 2008.

Л.М.Александрова

«... И С ТОСКОЮ О РОДИНЕ ВСПОМНИЛ СВОЕЙ, ОБ ОТЧИЗНЕ Я ВСПОМНИЛ ДАЛЁКОЙ» (И.С.Тургенев и К.Р.)

К.Р. – Великий князь Константин Константинович Романов (1858-1915), поэт, президент Академии наук, сын Великого князя Константина Николаевича, внук императора Николая I – один из ярчайших представителей династии Романовых. Его отец, Великий князь Константин Николаевич, занимал видные государственные посты, управлял русским флотом и морским ведомством. Начальные жизненные впечатления Константина – Петербург с его аристо-

кратической и духовно-элитарной средой, Царское Село, помнившее А.С.Пушкина и лицейстов первого выпуска. Среди преподавателей Великого князя были такие маститые знатоки русской истории, как С.М.Соловьёв и К.Н.Бестужев-Рюмин. Теорию музыки вёл известный музыкальный критик Г.А.Ларош. Для собеседования по истории и законоведению приглашался Ф.М.Достоевский.

Семья не чуждалась литературных интересов. Отец, будучи руководителем морского ведомства, содействовал появлению и изданию журнала «Морской сборник» (1848-1917), в котором печатались И.А.Гончаров, А.Н.Островский, Д.В.Григорович, А.Ф.Писемский, К.М.Станюкович, В.И.Даль.

Юный Великий князь неоднократно приглашал Ф.М.Достоевского в Мраморный дворец, где устраивались литературные вечера и где писатель читал главы из романа «Братья Карамазовы».

По свидетельству А.Г.Достоевской, «<...> юноша поразил моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному и родной литературе. <...>. Фёдор Михайлович Достоевский провидел в <...> Великом князе истинный поэтический дар»¹.

В русскую поэзию Великий князь навсегда вошёл под инициалами «К.Р.» как поэт романтической задушевности, восторженный и одновременно трагический лирик. Многие его стихотворения были положены на музыку П.И.Чайковским. Самый известный из этих романсов – «Растворил я окно»:

*Растворил я окно.
Стало грустно невмочь –
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.
А вдали где-то чудно
Так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей,
Об отчизне я вспомнил далёкой.*

13 мая 1885 года

Мейнинген.

Это произведение, положенное на музыку, стало своеобразным символом ностальгии по родине поколения русских изгнанников XX века.

Вехи судьбы К.К.Романова кажутся причудливым смешением биографий разных выдающихся людей. Мичман на фрегате «Светлана» в период Русско-турецких войны. Командир Преображенского полка. Главный начальник военно-учебных заведений России, заботливый попечитель кадетов, которые так его любили, что, когда

он приезжал с проверкой в то или иное училище, его порывались носить на руках.

Четверть века Великий князь возглавлял Императорскую Академию наук. При его поддержке были организованы легендарные арктические экспедиции, в их числе – для поисков Земли Санникова. Константин Романов стал учредителем в Академии наук разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина в ознаменование столетнего юбилея А.С.Пушкина.

Великий князь был и литературным критиком, драматургом, актёром (играл Гамлета на сцене Эрмитажного театра), художником, талантливым музыкантом – написал романсы на стихи В.Гюго, А.К.Толстого, А.Майкова. Умер в 1915 году, как бы предчувствуя огромные, непереносимые для родительского сердца испытания: три сына К.Р. (у него и его жены Елизаветы было восемь детей – шесть сыновей и две дочери), Иоанн (р.1886), Константин (р.1890) и Игорь (р.1894) в 1918 году были сброшены в шурф шахты в Алапаевске вместе с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной Романовой.

И.С.Тургенев оказал известное влияние на формирование личности юного Великого князя. В 1880 году, приехав в Санкт-Петербург из Парижа, Тургенев побывал в Мраморном дворце, где все были рады его видеть, кроме матери Великого князя, Великой княгини Александры Иосифовны, считавшей писателя «красным». После встречи с Тургеневым Великий князь написал в своём дневнике: «<...> вчерашний вечер с Тургеневым расстроился, он несколько раз подвергался подозрениям в революционном направлении <...>. Эти предположения вовсе не основательны»². Для Великого князя писатель был непререкаемым авторитетом в области искусства. Это подтверждает история, которая произошла с картиной А.Куинджи «Ночь на Днепре». По свидетельству Я.П.Полонского, И.С.Тургенев, одним из первых увидевший только что законченное полотно в мастерской художника, пришел в восторг.

14 марта 1880 года Великий князь пишет в дневнике, что на вечере у графини А.Комаровской Тургенев рассказывал собравшимся о последней работе Куинджи: «<...> он так художественно её описал, что мне захотелось непременно самому сличить рассказ с оригиналом. Вчера мы <...> поехали отыскивать мастерскую Куинджи. <...> Я как бы замер на месте. <...> Захватывает дух, не можешь оторваться от ослепляющей волшебной картины, душа тоскует <...>. Я сказал Куинджи, что покупаю его дивное произведение <...>. Весь день потом, когда я закрывал глаза, мне виделась эта картина»³. Великий князь купил у художника его прекрасное полотно и, даже отправляясь в кругосветное, почти двухгодичное плавание на фрегате «Герцог Эдинбургский», не смог с ним расстаться. Это вызвало тревогу

у ценителей русского искусства, в том числе и у И.С.Тургенева. Осенью 1880 года в качестве секретаря Общества русских художников в Париже писатель добивался, чтобы картина «Ночь на Днепре» была представлена на выставке в Парижском салоне.

В письме к Д.В.Григоровичу 25 января (6 февраля) 1881 года Тургенев писал: «Вам известно, что Великий князь Константин Константинович взял её с собою в кругосветное плавание. Нет никакого сомнения, что она вернётся оттуда совершенно погубленной благодаря солёным испарениям. Свидевшись с ним в Париже – и уговорив его прислать картину из Шербурга (где она находится на фрегате) хоть на десять дней, я имел тайную надежду, что он согласится её оставить здесь для Выставки, что бы спасло картину и принесло бы много пользы и славы живописцу; Орлов (посол России во Франции – Л.А.) также разделял эту надежду..., но Великий князь оказал великое упорство – и картина, простояв здесь у первого здешнего торговца картинами Зейдельмейера в прекрасной галерее и при отличном освещении, отправилась обратно на фрегат. Все французы, видевшие её, были поражены удивлением... Осталась бы картина в Париже – попала бы на Выставку («Salon» – лучший зал) и грому было бы много – и медаль бы Куинджи получил»⁴.

Письма И.С.Тургенева к Великому князю К.К.Романову неизвестны.

Примечания.

1. *Чернышова-Мельник*. Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008. С.60.
2. Там же. С.61.
3. Там же. С.61-62.
4. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. XIII. Кн.1. Л., 1968. С.48.

Е.В.Проц

СУДЬБА ДВУХ АКТРИС В ПИСЬМАХ И ТВОРЧЕСТВЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

На излёте жизни Тургенев проявил интерес к полным драматизма судьбам двух русских актрис во Франции и России. История одной отозвалась в его кратком психологическом этюде в письме к М.Г.Савиной; соприкосновение с фактами жизни другой привело к рождению художественного произведения.

Частная жизнь первой из них – Юлии Николаевны Фейгиной, посредственной артистки – после её самоубийства стала достояни-

ем европейской и русской прессы. Жизнь актрисы не изобиловала событиями: рассорившись с отцом, Фейгина уехала из России в Брюссель, потом в Париж, где познакомилась с Александром Дюма-сыном, который признал в ней необыкновенный драматический талант. При его помощи она получила возможность дебютировать на сцене Comédie Française в зимний сезон 1882/1883 годов в пьесе Альфреда де Мюссе «Quenouille de Barberine» в роли невольницы.

Дебют оказался неудачным. Не принесла счастья Фейгиной и её любовная связь с герцогом де Морни, племянником Наполеона III, который поступил с актрисой крайне недостойно. Как писал обозреватель «Отечественных записок» в «Хронике парижской жизни»: «напрасно Александр Дюма-сын самолично заставил её повторять роль Сары Бернар в “Etrangère” (“Иностранка” – пьеса Дюма-сына. – Е.П.), несчастная поняла, что её ведут к новому и окончательному фиаско <...> Перед ней открывалась двойная пропасть: погибшая артистическая будущность и несчастная любовь в настоящем»¹. К тому же, возможно, до неё дошла фраза, оброненная А.Дюма-сыном: «Какая жалость, что эта прелестная Фейгина, вторая Круазет, так весело идёт навстречу проституции»².

28 августа (10 сентября) 1882 года Фейгина покончила жизнь самоубийством. Последние её слова, которые зафиксировал полицейский протокол, были: «Мне надоело жить»³.

Тургенев не был знаком с Фейгиной и, очевидно, узнал о случившемся из французских газет. Когда П.В. Анненков в одном из писем разразился негодованием против мерзостей жизни и раздраженно упомянул о поступке артистки: «Люблю крупные мерзости: они, как электрические маяки, отлично освещают местность и всё, что в ней происходит <...> Вот, например, выстрел, пущенный нашей госпожой Фейгин себе в грудь и притом за спиной любовника, садившегося в ванну. Разве это не фальшфейер, освещающий крушение смысла и ума?»⁴, Тургенев лишь заметил: «надеюсь, что вскорости никакого следа <...> не останется, так же как и от Арби, национальной египетской партии, этой бедной дурочки Фейгин»⁵.

Но несколько позднее, отвечая на письмо Савиной, проявившей интерес к этой истории, писатель воспроизвёл кратко, но с художественной силой произошедшее с незадачливой актрисой: «В самоубийстве Фейгиной нет ничего неожиданного. Она принадлежала к числу тех самолюбивых и энергических натур, притязания которых далеко ниже их даровитости. Этого они вынести не могут – особенно если неуспех происходит при *такой* шумной обстановке. К тому же она, вероятно, была темперамента холодного – и гордость её тем более была возмущена мыслью, что она – Фейгина! – добровольно

побежала по дорожке, по которой бегают пошлые кокетки, неизмеримо выше которых она себя воображала, да и имела право воображать. Ко всему этому присоединилась легкость, с которой русские люди решаются на самоубийство. Мне её всё-таки очень жаль. Она и не предчувствовала, в какой омут она попала, со всеми этими рекламками в «Фигаро» и т.д. Убить себя для такой глупой гадины, *roug un gommeux roug un sève* (из-за такого пошляка, такого хлыща (франц.) – Тургенев так называет герцога Морни – *Е.П.*), ниже этого уж точно спуститься нельзя... т.е. нет, *отдаться* такой гадине, да ещё из-за денег, – низко, самоубийство представляется единственным выходом – если не искуплением»⁶.

В этом своеобразном этюде Тургенев вновь коснулся темы, которая тревожила его давно: легкость русских людей, с какой они решались расстаться с жизнью. Ещё в 1871 году в рассказе «Стук... стук... стук!» писатель создал образ «фатального» героя Теглева, в котором были «... и обожание Наполеона; вера в судьбу, в звезду, в силу характера, поза и фраза – и тоска пустоты»⁷, что привело его, в конце концов, к самоубийству.

Когда в 1874 году А.П.Философова сочла рассказ «Стук... стук... стук!» нелепым, Тургенев резко с этим не согласился: «Как-то неловко защищать свои вещи – но вообразите Вы себе, что я никак не могу согласиться, что даже «Стук, стук» нелепость.» Что же оно такое?» – спросите Вы... А вот что: посильная студия русского самоубийства, которое редко представляет что-либо поэтическое или патетическое – а, напротив, почти всегда совершается вследствие самолюбия, ограниченности с примесью мистицизма и фатализма»⁸.

Через год писатель с горечью откликнулся на событие, которое произвело на него гнетущее впечатление, напрямую связанное с темой, волновавшей его. В письме к П.В.Анненкову от 15(27) декабря 1875 года Тургенев сообщил ему: «... новость печальную и странную: дочь Герцена и Огаревой – Лиза, дней десять тому назад во Флоренции отравилась хлороформом – после ссоры с матерью и чтобы досадить ей. Это был умный, злой и исковерканный ребёнок (17 лет всего!) <...> Удивительное дело, как наша молодёжь легко расстаётся с жизнью; не выдержал экзамена – или с кем-нибудь поссорился – или просто скучно стало – ну и пулю в лоб или яду стакан!»⁹.

Он ещё более развил эту тему в письме 4(16) января 1877 года к С.К.Брюлловой: «Вы говорите о разных моих незначительных безделках, упоминаете, между прочим, о «Стук... стук!». Представьте, что я считаю эту вещь не то чтоб удавшейся – исполнение, быть может, недостаточно и слабо – но одной из самых серьёзных, которые я когда-либо написал. Это – студия самоубийства, именно русского,

современного, самолюбивого, тупого, суеверного – и нелепого, фразистого самоубийства – и составляло предмет столь же интересный, столь же важный, сколь может быть важным любой общественный, социальный и т.д. вопрос. <...> Не забудьте, что русский самоубийца несколько не похож на европейского или азиатского; и указать это различие верным, художественным образом – вещь дельная, потому что она прибавляет один документ к разработке человеческой физиономии – а, в сущности, вся поэзия, начиная с эпопеи и кончая водевилем, другого предмета не имеет»¹⁰. Этюд Тургенева о самоубийстве Фейгиной в письме к Савиной – это документ, в котором с художественной силой проявилась «человеческая физиономия», правда, представшая не в эпопее или в водевиле, но в мелодраме с жестоким концом.

Более серьёзный интерес проявил писатель к истории самоубийства певицы и драматической актрисы Евлалии Павловны Кадминой. Она училась в Московской консерватории в классе А.Д.Александровой-Кочетовой, а также в классе декламации и сценического искусства, который вел артист Малого театра И.В.Самарин. Кадмина окончила консерваторию в 1873 году и тогда же поступила в труппу Большого театра.

В сезоне 1875/1876 годов пела на сцене Мариинского театра в Петербурге, где совершенствовалась в вокальном мастерстве и выступала на сценах оперных театров в Милане, Флоренции, Турине и Неаполе. Позднее Кадмина работала в оперных антрепризах И.Я.Сетова в Киеве и П.М.Медведева в Харькове. Большой талант певицы отметил в своё время П.И.Чайковский, посвятивший ей романс «Страшная минута» на собственный текст.

Кадмина с успехом исполняла оперные партии Морозовой в «Опричнике» П.И.Чайковского, Вани в «Жизни за царя» («Иван Сусанин»), Ратмира в «Руслане и Людмиле» М.И.Глинки, Азучены в «Трубадуре», Амнерис в «Аиде» Дж.Верди и др.

19 декабря 1880 года она дебютировала как драматическая актриса в роли Офелии в трагедии У.Шекспира «Гамлет» на сцене Харьковского драматического театра, выказав незаурядное дарование. Особенно ей были близки трагические роли. В репертуаре актрисы, кроме Офелии, были: Катерина в «Грозе» А.Н.Островского, Василиса Мелентьева в одноимённой драме А.Н.Островского и С.А.Гедеонова, Маргарита Готье в «Даме с камелиями» А.Дюма-сына, Адриенна Лекуврер в одноимённой пьесе Э.Скриба и Э.Легуве.

4 ноября 1881 года Кадмина приняла яд в антракте во время спектакля «Василиса Мелентьева», шедшего в тот вечер на сцене Харьковского драматического театра, и через шесть дней скончалась.

Впрочем, в этом случае Тургенева не только привлекала история самоубийства Кадминой, но и посмертная влюблённость в неё магистра зоологии Петербургского университета В.Д.Аленицына. На первых порах он не произвёл особого впечатления на писателя, который лишь заметил в письме к Н.Ф.Нелидовой 11(23) апреля 1880 года: «<...>Аленицына я как-то видел у Полонского: очень он мне показался *пылен*»¹¹. В письме к Ж.А.Полонской 20 октября (1 ноября) 1881 года он между прочим, с иронией спрашивал: «И что делает великий Аленицын?»¹². Но уже через два месяца Тургенева чрезвычайно заинтересовало то, что сообщила ему Полонская: «Презамечательный психологический факт – сообщённая Вами посмертная влюблённость Аленицына! Из этого можно бы сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По. Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене, когда она ещё была оперной певицей; у ней было очень выразительное лицо»¹³. Несколько ниже в том же письме, упомянув о другом событии, не менее печальном, полном драматизма, Тургенев заключил: «Как подумаешь: куда ни ступи, куда ни повернись – в жизни драма... а есть ещё господа писатели, которые жалуются, что сюжеты все исчерпаны!»¹⁴.

Постепенно эта история всё более занимала Тургенева, пробуждая фантазию писателя, став исходной для его нового произведения. Сначала как бы начиная осознавать, а затем, всё более увлекаясь, Тургенев полностью погрузился в работу.

В письмах М.Г.Савиной, Д.В.Григоровичу в конце 1881 – начале 1882 года встречаются лишь легкие намёки на начало работы над повестью. М.Г.Савиной: «О себе доложу Вам, что я здоров – и не то что хандрю – а как-то застыл... а впрочем, кое-что работаю»¹⁵. Д.В.Григоровичу: «Живётся мне здесь не худо; помаленечку принимаюсь за работу»¹⁶. Но уже в это время он уверенно писал В.Рольстону: «... повесть ещё не написана, будет закончена в течение будущего года»¹⁷. То есть Тургенев достаточно ясно видел своё будущее произведение.

А уже 14(26) августа 1882 года он писал М.М.Стасюлевичу: «Хотя состояние моего здоровья – или моей болезни – изменяется мало – однако вследствие ли единственного достигнутого результата – спокойных ночей – или по другой причине – но на меня нашел давно небывалый стих: несколько дней тому назад я принял за повесть (ту самую, которую назначал было «Ниве») да с тех пор так ретиво пишу, что настрочил уже половину (а во всей повести будет листа три печатных) – и если так продолжится, то к Вашему приезду сюда (в конце будущей недели?) вся шутка будет готова – и, если окажется годной, можно будет пустить её в январской книжке («Вестника Европы» - *Е.П.*). *Che ne dite?* (Что вы об этом скажете? (итал.))»¹⁸.

Вдохновение не оставило Тургенева, и 22 августа (3 сентября) 1882 года он сообщил П.В.Анненкову: «Сверх того имею сообщить

Вам новость: на меня вдруг нашел «стих» – и я в течение последних двух недель написал повесть (в 3 листа печатных) довольно странного свойства»¹⁹.

Тургенев первоначально назвал повесть «После смерти». Было упущением считать историю Клары Милич (Екатерины Миловидовой) калькой жизни, характера и таланта Кадминой. Все современники, которые обсуждали повесть и писали о ней, часто допускали ошибку, занимаясь поиском сходства актрисы в повести с реальной артисткой. Конечно, в тургеневской героине, несомненно, есть нечто, напоминающее облик Кадминой, запомнившееся писателю, видевшего её на сцене: черты лица, трагические брови и глаза, а главное, что сблизжает Клару с прототипом – необычайная сила страсти, присущая обеим. Иное дело – это несовершенство вокала и актёрского мастерства Клары, далеко не только от искусства П.Виардо, Э.Рашель, с которыми её сравнивает восторженный поклонник, но артистизма Кадминой.

И всё же в игре Клары в Москве, а позднее и в Казани были мгновения подлинного чувства, потрясающие зрителей. Тургенев что-то угадал в характере Кадминой, что отозвалось в образе Клары Милич. Он дал психологически точный портрет героини: «Она была вся – огонь, вся страсть и вся – противоречие: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; верила в судьбу – и не верила в бога <...>; любила всё красивое, а сама о своей красоте не заботилась <...>, боялась смерти и сама себя убивала!»²⁰. Всё это сходно с тем, как отозвался на смерть Кадминой знавший её П.И.Чайковский в письме к Н.Ф. фон Мекк: «Я хорошо знал эту странную, беспокойную, болезненно самолюбивую натуру, и мне всегда казалось, что она не добром кончит»²¹.

Но не это было основной задачей писателя. В данном случае Тургенева хотя и занимали причины, приведшие Клару Милич к трагическому концу, он с поразительной тонкостью и фантазией дал намёк на свершившееся, главное – воссоздал с необычайной силой прозрение Аратова после смерти актрисы, передал его ощущение вины перед ней и покаянную посмертную влюблённость героя в Клару Милич, граничащую с психическим расстройством. Для писателя прежде всего была важна посмертная влюблённость Аратова, овладевшая им после осознания своей вины перед ушедшей из жизни актрисой Klarой Милич. Герой пытался вызвать образ Клары из небытия, находясь в обострённом нервном состоянии, когда какое-то мельчайшее движение в созданной им замкнутой сфере воспринималось им как некий знак прощения.

Анненков с восхищением писал: «Последние страницы с видениями Аратова – суть шедевры этого рода описаний. Сама искренняя вера в реальность галлюцинаций Аратова не покидает читателя, между тем

как под ними он чувствует всё время невидимую струю натурального объяснения дела. Это и составляет премудрость художника!»²².

При этом Тургенев признавался Л.Б.Бертенсону: «История Кадминой (лично с которой, т.е. с Кадминой, я знаком не был) послужила мне только толчком к написанию моей повести. Биография Клары мною вымышлена, а также и отношения её к Аратову, типу, сохранившемуся в моей памяти ещё со времён молодости»²³.

О том, как воспринял Аленицын повесть, писала Тургеневу Ж.А.Полонская: «Аленицын пробежал ваш рассказ, узнал Кадмину и остался недоволен – нашел, что Вы её не поняли и не могли понять и что, кроме его никто не только не поймёт, но и не вправе её понять, сам же он пишет драму «Актриса», где он её выставил будто так, как следует <...> досадует на меня, - зачем я Вам писала о Кадминой, так как Кадмина его собственность»²⁴.

Аленицын слишком самонадеянно счёл художественную фантазию Тургенева за конкретное изложение фактов истории самоубийства актрисы и посмертного его поклонения, но ему не стоило сопоставлять свое психическое состояние со сложным душевным состоянием Аратова. Аленицын уже довольно скоро, через несколько месяцев, излечился от своей страсти. В его жизни появилось новое увлечение, о котором 28 января (9 февраля) 1882 года Тургенев писал Ж.А.Полонской: «Предмет Аленицына (вот не ожидал!) находится теперь в Ментоне; здоровье её, кажется, поправляется <...> девушка она хорошая»²⁵. Очень точно о решении творческой задачи Тургенева сказал Анненков в письме к нему: «Перечёл “Клару Милич”, ещё раз облизался и остаюсь при прежнем мнении. Дело совсем не в разительном сходстве портрета с несчастной Кадминой, чем, кажется, всего более занята публика, а в психическом процессе, вызванном её страстью у человека, не распознавшего её при жизни»²⁶. Он же негодовал на М.М.Стасюлевича, не стесняясь в выражениях, за изменение заглавия на имя героини: «Глупее этого ничего сделать нельзя. Не подумал, осёл, что *именные* заглавия выражают намерения автора представить тот или другой *тип*, а тут не в типе дело, а в редком и замечательном психическом явлении»²⁷.

Так полная драматизма житейская история под пером Тургенева обрела высокий отзвук в литературе.

Через двадцать с лишним лет Ин.Анненский, размышляя о повести, писал: «Тургенев провёл счастливую жизнь – как Гёте, он был и красив, и гениален, и любим, и сам умел любить, – и всё же на 65 году жизни он создал Klarу Милич, т.е. воспроизвёл ощущение непознанного, только манившего и так дерзко отвергнутого»²⁸.

Примечания

1. «Отечественные записки», 1882, октябрь. С.215-216.
2. Там же. С.216.
3. Там же. С.217.
4. ИРЛИ. Ф.7. Ед.хр. 13. Лл.79-80.
5. *Тургенев И.С.* ПССиП (1). Письма. Т.13(2). С.28.
6. Там же. С.44.
7. *Тургенев И.С.* ПССиП (2). Соч. Т.8. С.228.
8. Там же. Письма. Т.13. С.167.
9. Там же. Письма. Т.14. С.203-204.
10. *Тургенев И.С.* ПССиП (1). Письма. Т.12(1). С.58.
11. Там же. Письма. Т.12(2). С.232.
12. Там же. Письма. Т.13(1). С.140.
13. Там же. Письма. Т.13(1). С.168.
14. Там же. С.168.
15. Там же. С.173.
16. Там же. С.194.
17. Там же. С.365.
18. Там же. С.335.
19. Там же. Письма. Т.13(2). С.13.
20. *Тургенев И.С.* ПССиП (2). Соч. Т.10. С.98.
21. *Чайковский П.И.* Переписка с Н.Ф. фон Мекк. 1879-1881. М., 1935. С.579.
22. Переписка И.С.Тургенева в 2-х томах. Т.1. М., 1986. С.591.
23. *Тургенев И.С.* ПССиП (1). Письма. Т.13(2). С.157.
24. Звенья. Т.8. С.277.
25. *Тургенев И.С.* ПССиП (1). Письма. Т.13(1). С.190.
26. ИРЛИ. Ф.7. №13. Л.95-96.
27. Там же. Л.89 об.
28. *Анненский И.Ф.* Избранные произведения. Л., 1988. С.419.

В.А.Лукина
С.-Петербург

ТУРГЕНЕВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СОБРАНИИ П.Я.ДАШКОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Поступление в 1919 году в Рукописный отдел Пушкинского Дома знаменитой коллекции рукописей Павла Яковлевича Дашкова (1849–1910) стало настоящим событием¹. Особо значимым оно явилось для исследователей жизни и творчества И.С.Тургенева, поскольку среди рукописных материалов крупных писателей XIX века, входящих в коллекцию Дашкова, собрание тургеневских автографов занимает значительное место, насчитывая в общей слож-

ности свыше пятидесяти единиц. Представленные в нем материалы чрезвычайно разнообразны по своему составу, а по временному охвату освещают весь жизненный и творческий путь писателя².

Центральную и наиболее изученную на сегодняшний день часть собрания составляют, безусловно, автографы художественных произведений писателя. Следует отметить, что по количеству их (10) собрание Дашкова в Пушкинском Доме уступает только фонду М.М.Стасюлевича, куда вошли рукописи (как правило, наборные или корректурные листы в гранках) большинства произведений, публиковавшихся в «Вестнике Европы», с которым Тургенев сотрудничал с момента его образования (1866) до самой смерти, последовавшей в 1883 году³.

Дашковское собрание включает в себя беловые и черновые автографы как произведений, публиковавшихся при жизни писателя, так и произведений, остававшихся до его смерти неизвестными или незавершенными. При этом по объему наибольшую часть собрания составляют беловые автографы, относящиеся к пяти произведениям Тургенева.

БЕЛОВЫЕ АВТОГРАФЫ

Наиболее ранний из них датируется приблизительно летом 1856 года и представляет собой **воспоминания о Николае Владимировиче Станкевиче** (Ф.93. Оп.3. №1262), которые были написаны, как принято считать, по просьбе П.В.Анненкова, в качестве подсобного материала для его статьи «Н.В.Станкевич. Биографический очерк», опубликованной впервые в «Русском вестнике» в 1857 году⁴. Не будучи лично знакомым со Станкевичем, Анненков при составлении биографии опирался на переписку и рассказы его друзей, в том числе и на данные воспоминания Тургенева, позаимствовав из них целый ряд крупных и мелких фрагментов. Впервые «<Воспоминания о Н.В.Станкевиче>» были опубликованы в «Вестнике Европы» уже после смерти Тургенева, в 1899 году⁵ Леонидом Николаевичем Майковым по беловому автографу, извлеченному из бумаг П.В.Анненкова и впоследствии попавшему в собрание П.Я.Дашкова.

Еще один беловой автограф, связанный с именем П.В.Анненкова, – это юбилейная **речь о Шекспире** (Ф.93. Оп.3. №1265), написанная Тургеневым по просьбе Литературного фонда, который намеревался широко отпраздновать 300-летие со дня рождения великого английского драматурга в Петербурге 23 ст.ст. апреля 1864 года. Еще в марте того же года Анненков выслал Тургеневу обширную программу предполагавшегося юбилейного торжества, в которой под вторым

номером – после известного марша Мендельсона из «Сна в летнюю ночь» с «хорами и Рубинштейном» (по словам Анненкова) – значилось: «Из чтения статьи Тургенева о Шекспире». Очевидно, составлению этой программы предшествовала предварительная договоренность с писателем, документальных свидетельств которой, однако, обнаружить пока не удалось. Как следует из дальнейшей переписки с Анненковым, вскоре по получении письма писатель приступил к работе над речью, которая была окончена им вчерне 8 апреля н.ст. и немедленно выслана в Петербург. «Речь о Шекспире весьма прилична, - сообщал в ответ Анненков, - и могла бы превосходно открыть торжество, если бы торжество состоялось, но в том-то и штука, что юбилей наш все чахнет и, вероятно, <...> сойдет на литературное чтение, где и речь получит надлежащее ей место»⁶.

Несмотря на то что «шекспировский праздник» прошел в Петербурге в более сокращенном (по сравнению с изначально задуманным) виде, речь Тургенева, в которую Анненков внес ряд изменений, была зачитана академиком П.П.Пекарским и впоследствии опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях». Высланная Тургеневым Анненкову рукопись с поправками последнего ныне хранится в собрании Дашкова. Яркое представление о характере внесенных Анненковым поправок дает одна из последних работ, посвященных проблеме «Тургенев и Шекспир». «В юбилейной речи о Шекспире, – замечает исследовательница, – Тургенев дерзнул даже поставить русское понимание образа Гамлета выше не только понимания его французами, но и англичанами: “Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем французам, – скажем более, – чем англичанам?”. Характерно, что ближайшему другу П.В.Анненкову <...> это место показалось слишком сильным и было смягчено: “Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем многим нациям, французам например”»⁷.

Чрезвычайно любопытна еще одна беловая рукопись из собрания Дашкова, озаглавленная самим Тургеневым как «Отрывок из романа: “Отцы и дети”». Глава двенадцатая» (Ф.93. Оп.3. №1264) и включающая в себя на самом деле 12-ю и 13-ю главы печатного текста романа⁸. Интересна предыстория ее появления, восстанавливаемая по письмам Е.М.Феоктистова к Тургеневу, опубликованным недавно в «Ежегодниках Рукописного Отдела Пушкинского Дома» (на 1998-1999 и на 2002 годы). Как известно, вернувшись из-за границы в 1858 году, Феоктистов первоначально намеревался прочно связать свое будущее с «Русским вестником», в котором появляется целый ряд его статей. От имени М.Н.Каткова он обратился к Тургеневу с просьбой о встрече и попытался добиться от него согласия предо-

ставить журналу какое-либо из его произведений, в чем преуспел. Однако уже в июле 1860 года произошел разрыв Феоктистова и ряда сотрудников «Русского вестника» с редакцией, окончившийся созданием графиней Е.В.Салиас газеты «Русская речь», в которой Феоктистову было предложено «место секретаря». Поддержав возникновение новой газеты, Тургенев пообещал в скором времени прислать для нее свою статью «Русские в Париже»⁹, однако, будучи занят напряженной работой над романом «Отцы и дети», предназначенным «Русскому вестнику», затянул, как это часто случалось, с исполнением своего обещания.

Между тем на страницах московской периодической печати разгорелась ожесточенная полемика между Е.В.Салиас и Катковым, который усмотрел в «Русской речи» противостояние своему журналу и обвинил графиню фактически в фальсификации списка постоянных сотрудников газеты (многие из которых сотрудничали и в «Русском вестнике») в погоне за подписчиками. В ходе крайне острого публичного выяснения отношений было задето и имя Тургенева. «Что касается до И.С.Тургенева, чье популярное имя стало непременно принадлежностью всякого рода программ, - ядовито замечал Катков, - то он недавно писал нам из Парижа, где теперь находится, об обширном предпринятом им труде, который надеется скоро окончить и выслать в редакцию «Русского вестника» <...>»¹⁰. В ответ на эту шпильку Каткова графиня Салиас заявила, что в «Русской речи» принято правило «не гоняться только за именами» и в силу этого имя Тургенева было включено в число сотрудников только потому, что «один из его трудов появится в следующем году на страницах» газеты¹¹.

После этого заявления Феоктистов начал, выражаясь его словами, «мучить»¹² Тургенева просьбами ускорить высылку обещанной статьи и тем самым оказать газете содействие «в критическую минуту». С этой же просьбой к писателю обратилась и сама графиня Салиас. Будучи не в силах устоять перед двойным напором, Тургенев предложил редакции «Русской речи» компромиссный вариант: опубликовать вместо обещанной, но еще не начатой статьи отдельную главу из романа «Отцы и дети», которая, по его словам, «представляет нечто вроде самостоятельного целого»¹³.

Уже предлагая этот компромисс, сам писатель предвидел определенные трудности, связанные с его осуществлением. «Загвоздка» заключалась в том, что на публикацию отрывка из романа необходимо было, по его представлениям, получить согласие Каткова, с которым никто из редакции «Русской речи» не желал вступать ни в какие сношения. Понимая это, Тургенев вызвался сам вести с ним переговоры.

Взяв на себя этот труд, он обратился к Каткову с письмом и вскоре получил его принципиальное согласие на публикацию главы из «Отцов и детей» в «Русской речи», но с рядом условий: текст отрывка следовало выслать сначала лично Каткову, который в свою очередь, по просьбе графини Салиас, должен был передать ее в редакцию «Русской речи», снабдив предварительно редакционным примечанием о том, что весь роман написан для «Русского вестника»¹⁴.

Первоначально предложение Тургенева выслать главу из нового романа было встречено редакцией «Русской речи» «с восторгом», о чем Феокистов не преминул сообщить писателю, выразив, однако, в недвусмысленных выражениях сомнение в необходимости разрешения Каткова¹⁵. Однако, узнав об условиях последнего, графиня Салиас в сложившейся ситуации (на фоне распускавшихся Катковым слухов о «великодушии» «Русского вестника») вынуждена была отказать от публикации, о чем заявила сотруднику редакции «Русского вестника» М.Н.Капустину, доставившему ей рукопись Тургенева. В письме к Тургеневу Феокистов следующим образом передал содержание их беседы: «...графиня сказала, что не желает иметь дел подобного рода с Катковым, что не хочет, ради милости, из его рук принимать что-нибудь, что она желала и желает иметь дело прямо с Вами и не понимает, почему тут являются посредниками люди, от которых она ничего не просила и которые ей неприятны»¹⁶.

Таким образом, рукопись из Дашковского собрания представляет собой тот самый отрывок с редакционным примечанием рукой Каткова на первой странице¹⁷, который был отвергнут графиней Салиас.

Рукопись представляет собой промежуточный вариант между черновым автографом, хранящимся ныне в Пушкинском Доме, и белой, так называемой «парижской» рукописью, находящейся в Национальной библиотеке Франции. При этом следует подчеркнуть, что, переписывая отрывок для «Русской речи», Тургенев пользовался еще черновой рукописью романа (и в дальнейшем продолжил работу над романом в целом и над этими двумя главами в частности). Таким образом, текст белой рукописи 12-й и 13-й глав из Дашковского собрания близок к окончательному слою правки черного автографа. Вместе с тем при переписывании писатель, как это было ему свойственно, не прекращал работу над шлифовкой текста, внося в него в общем счете свыше 30 изменений разного плана. В большей своей части это небольшие исправления преимущественно стилистического характера¹⁸, однако ряд изменений затронул и содержательную сторону. Самое значительное из них — это обширная вставка в разговор Кукшиной и Базарова на полях л.5 о ее намерении поехать за границу, еще более выпукло обрисовывающая новый

тип «эманципированной женщины»: от слов «Я думаю съездить за границу...» и заканчивая упоминанием о некоем Ригге Сапожникове, который обещал ее туда проводить. В черновой рукописи этот эпизод отсутствует, в то время как в белой – он уже включен в общую канву повествования (с рядом последующих изменений). Таким образом, благодаря наличию трех автографов одного произведения у текстолога появляется уникальная возможность на примере двух глав проследить за ювелирной работой художника.

Среди автографов тургеневских произведений в собрании Дашкова настоящей жемужиной является беловой автограф, служивший наборной рукописью, пятидесяти **«Стихотворений в прозе»** (Ф.93. Оп.2. №260). Рукопись представляет собой переплетенную (очевидно, М.М.Стасюлевичем) тетрадь (в 55 л.) с автографическим заголовком «Senilia» и с подзаголовком «40 стихотворений в прозе» на первом листе. Впоследствии цифра «40» была переправлена Стасюлевичем на «50». Здесь же ниже рукой М.М.Стасюлевича вписано: «Париж» и проставлена дата: «3/15 сент<ября> 1882».

Как известно, пятьдесят «Стихотворений в прозе» появились в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1882 год благодаря настойчивым просьбам редактора журнала, навестившего писателя в Буживале 12 августа н.ст. 1882 года по пути на морские купания в Динар¹⁹. Во время этого посещения Тургенев прочел ему несколько, по его собственным словам, «эскизов» или «этюдов с натуры», настолько поразивших Стасюлевича, что он уговорил колебавшегося до той поры писателя не держать их под спудом, а напечатать хотя бы выборочно, исключив произведения «слишком личного и интимного характера». О грандиозном впечатлении, произведенном на Стасюлевича «стихотворениями в прозе», или «зигзагами» Тургенева, как окрестил их сам редактор «Вестника Европы», он сообщил сразу же после чтения П.В.Анненкову, которому до этого момента они оставались неизвестны. Анненков немедленно откликнулся сочувственными письмами от 6(18) и 18(30) августа: «Зигзаги Тургенева меня чрезвычайно интересуют, кроме прелестной формы, на что он такой мастер, они должны заключать автобиографический смысл, а у такого ума и таланта повесть ощущений и представлений в высшей степени поучительна»²⁰.

По свидетельству самого Стасюлевича, 12 августа «споры с Тургеневым кончились тем, что он согласился печатать только собственноручно переписанное им»²¹. Вскоре писатель, по-видимому, переписал и выслал Стасюлевичу в Динар сорок стихотворений (каждое на отдельном листе), снабдив их перечнем, а также обращением «К читателю» (опущенным при первой публикации) тоже на отдель-

ных листах (письмо не сохранилось). Несколько дней спустя (17 августа) Тургенев передал Стасюлевичу с Г.О.Гинцбургом рукопись еще 10 стихотворений «для укомплектования полсотни» с просьбой «всё это опять перечесть и осмотреть *объективным* взглядом», а при повторном свидании решить вопросы: «печатать ли? как печатать (с подписью или без)? — и когда?»²².

Этим обстоятельством объясняется несоответствие фактического количества стихотворений в дашковской рукописи (50) числу 40, первоначально указанному Тургеневым в подзаголовке на титульном листе. Впоследствии все листы были подклеены и переплетены в отдельную тетрадь в том порядке, в каком они напечатаны в «Вестнике Европы». Исключение составляет автограф «Порога» (л.24), располагающийся в тетради между «Последним свиданием» и «Посещением». Это «стихотворение» было изъято Тургеневым из публикации в корректуре по цензурным соображениям и заменено другим произведением — «Житейское правило», которое, однако, было помещено в «Вестнике Европы» уже не на месте «Порога», а между стихотворениями «Довольный человек» и «Конец света (Сон)»²³.

Вскоре по получении дополнительных 10 произведений Стасюлевич писал А.Н.Пышину (25 августа н.ст.): «Это — листки, наброски, зигзаги, силуэты и т.п., накопившиеся у Тургенева в течение последних пяти-шести лет, вследствие его привычки описывать новую мысль или чувство в самую минуту их зарождения <...>. Сам Тургенев называет это — «Стихотворения в прозе» и, действительно, недостает только метра и рифмы, чтобы вполне оправдать такое название; но в сущности это — чистая и иногда высокая поэзия. Во всяком случае, это — задушевные мысли, думы и мечты великого писателя, как они пролетели мимо его, были им в ту же минуту изловлены и положены на бумагу. Числом их всего пятьдесят, от одной печатной страницы до пяти строк объемом». И добавлял далее: «И все-таки я вам не дал полного понятия об этих “зигзагах”, которые коротки, как молния, и, как молния, внезапно освещают перед вами громадные перспективы. Это — Тургенев в беседах с самим собою. Для знатока и любителя этому цены нет; для Бурениных — сюжет для зубоскальства, для “кота” — нередко случай покачать головой и выпустить когти»²⁴.

Следующая встреча Тургенева со Стасюлевичем состоялась 15 сентября н.ст. в Буживале, именно эта дата занесена Стасюлевичем на титульном листе рукописи. В ходе встречи обсуждался ряд вопросов, касающихся публикации стихотворений в «Вестнике Европы», в том числе вопрос о названии, о предисловии и т.п. В результате

этой заключительной беседы Стасюлевич отвез в Петербург рукопись 50 стихотворений с неизменным условием, чтобы по окончании набора, доставить одну из корректур Анненкову, неизменному литературному советнику Тургенева в последние годы жизни, для замечаний, а другую – самому писателю. Это обещание было выполнено. Корректурные листы с правкой Тургенева, внесенной по получении замечаний Анненкова, сохранились. Гранки на папиросной бумаге наклеены на чистые листы тетради вслед за наборной рукописью (с нумераций л.56–106; 25 л.) и позволяют проследить, каким изменениям подвергся текст стихотворений.

Кроме того, в собрании Дашкова находится также беловой автограф некролога **Николая Ивановича Тургенева** (Ф.93. Оп.3. №1266) с авторской пометой: «Париж, 17/29 ноября 1871», указывающей на время, когда писатель завершил переписку черновика. Опубликован в «Вестнике Европы» (1871. №12. С.913–920).

ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ

Что касается черновых автографов из собрания Дашкова, то состав их чрезвычайно интересен и во многих отношениях уникален. Уникален, поскольку именно здесь находятся самые ранние из известных рукописей Тургенева, относящиеся ко времени его обучения в Петербургском университете, т.е. к 1834–1835 годам Речь идет прежде всего о тетради, озаглавленной самим Тургеневым **«Молитвенник»** (Ф.93. Оп.3. №1252), которая целиком исписана и изрисована карандашом и пером его рукой.

Тетрадь состоит из 7 сложенных и сшитых листков плотной бумаги в 8-ю долю листа, образующих 14 полулистов (ныне расшитых). В ней записаны 8 стихотворений, принадлежащих Тургеневу и при жизни не публиковавшихся. Среди них «Загадка» («Я быстрой молнией лечу...»); ода, посвященная открытию Александровской колонны на Дворцовой площади «Сей памятник огромный горделивый...»; стихотворения «Тебе, мой друг, я посвящаю...», «Портрет» («Губки твои розы алее...») и др. Помимо оригинальных произведений, тетрадь содержит ряд других записей: первые четыре строки из стихотворения Ф.Маттисона «Das Grabmal»²⁵; зашифрованные тайнописью 6 строк из оды Ломоносова «О ты, что в горести напрасно...», четверостишие Державина «Пчелка золотая» и первая часть стихотворения И.И.Козлова «Моя молитва». Здесь же находится перевод с латинского на немецкий отрывка из Тацита (предположительно), сделанный Тургеневым в 1834 году по заданию Ф.И.Вальтера, у которого он брал частные уроки древних языков, перевод латинских

вокабул на немецкий, а также большое количество рисунков пером и карандашом (например, шарманщик, ведущий лису с ружьем и собаку на л.2 об.), даты, отдельные слова и фамилии.

Впервые достаточно подробное описание этой тетради было дано М.К.Клеманом²⁶. Тесно к «Молитвеннику» примыкает незаконченный набросок **автобиографической записки**, датируемой 1835 годом (Ф.93. Оп.3. №1253), а также ряд документов, имеющих скорее биографическое значение и представляющих собой, как правило, исторические записи на различных иностранных и на русском языках, сделанные в период обучения у частных учителей.

Сохранились также черновые автографы еще трех стихотворений «Я всходил на холм зеленый...», «Ты помнишь ли, Ефремыч благодатный...» и «На Альбанских горах — что за дьявол такой?..», относящиеся ко времени пребывания писателя в Риме весной 1840 года (Ф.93. Оп.3. №1256).

Среди черновых рукописей произведений из собрания Дашкова особого внимания заслуживает также автограф повести «**Переписка**» (Ф.93. Оп.3. №1261), представляющий собой 2 тетради (в 14 и 6 листов соответственно). Это единственный из сохранившихся автографов повести, впервые появившейся в печати, как известно, в первом номере «Отечественных записок» за 1856 год. Рукопись позволяет более точно установить начало и конец работы Тургенева над повестью (на первом листе второй тетради сохранилась традиционная для писателя помета: «Переписка. Кончена 8-го декабря 1854. — (начата в 1844!!!)»), — а также восстановить творческую историю «Переписки» и обозначить хронологические границы отдельных этапов работы над ней, растянувшейся на десять лет. Кроме того, на рукописи сохранились пометы, имеющие отношение к другим произведениям писателя этого периода (напр., «Муму»), а также различные автографические заметки и зарисовки. Автограф содержит большое количество исправлений. Несмотря на то, что их «общая характеристика» дана в преамбуле к повести в первом академическом издании сочинений Тургенева²⁷, ее нельзя признать исчерпывающей. Остается только сожалеть, что на сегодняшний день обнародованы только важнейшие варианты автографа²⁸ и рукопись, по сути, остается неизвестной исследователям.

Еще один бесценный автограф в коллекции Дашкова представляет собой черновик на 2 листах начала рассказа «**Три встречи**» (Ф.93. Оп.3. №1260) — это единственная сохранившаяся рукопись рассказа, зафиксировавшая, в частности, вариант первоначального заглавия — «Старая усадьба» — и изобилующая исправлениями. Их сводка приведена в пятом томе первого академического издания²⁹,

однако, к сожалению, здесь не дано даже общего анализа характера внесенных Тургеневым изменений. Можно сказать, что черновые рукописи этих произведений еще ждут своего исследователя.

Помимо автографов художественных произведений, собрание Дашкова включает также ряд других важнейших документов.

Прежде всего следует отметить целый блок, связанный с обучением Тургенева в Берлинском университете в период с 1838 по 1840 годы – наименее изученный период в биографии писателя. Это преимущественно записи лекций на немецком языке по истории греческой литературы А.Бёка, по римской истории, римским древностям К.Цумпта, по философии К.Вердера. По этим старательно записанным очень мелким почерком конспектам лекций, которые иногда прямо озаглавлены «Aufgabe», можно судить о степени усердия и трудолюбия Тургенева-студента. К сожалению, все эти материалы лишь в незначительной степени введены в научный оборот и остаются по большей части неопубликованными. Между тем их значение для выяснения мировоззрения Тургенева, а также для уточнения отдельных эпизодов его биографии сложно переоценить.

В состав Дашковского собрания входит ряд значимых биографических документов, среди которых записанный рукой Тургенева Проект условия Д.В.Григоровича, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого и А.Н.Островского с редакцией журнала «Современник» (1856; Ф.93. Оп.3. №1263)³⁰; выданная И.С.Тургеневу 31 августа 1842 года тульским Дворянским депутатским собранием копия Свидетельства о дворянстве рода Тургеневых (Там же. №1288); выданная Н.С.Тургеневу 29 января 1854 года тульским Дворянским депутатским собранием копия Указа Герольдии Сената о внесении рода Тургеневых в шестую часть дворянской родословной книги (Там же. №1289), Свидетельство орловской Духовной консистории на имя Н.А.Щепкина, повенного Тургенева, о записи в метрическую книгу за 1818 год орловского Борисоглебского собора о рождении И.С.Тургенева, выданное 17 февраля 1879 года (Там же. №1290), а также Свидетельство о рождении Н.С.Тургенева (Там же. №1291) и Свидетельства о рождении и смерти С.С.Тургенева (Там же. №1292) и др.

Существенную часть Дашковского собрания составляют также письма:

- 1) самого Тургенева к 10 адресатам, русским³¹ и иностранным³²;
- 2) письма к Тургеневу, среди которых письмо барона Д.Г.Розена, отправившегося с Тургеньевым за границу в 1838 году (Ф.93. Оп.3. №1271)³³, неопубликованное письмо Т.Н.Грановского от 17 июня 1839 года (Там же. №1269), неопубликованное письмо Е. фон Ольберга от 27 октября (8 ноября) 1840 года, содержащее перевод сти-

хотворения Лермонтова «Молитва» на немецкий язык, выполненный, по всей видимости, по совету Тургенева (Там же. №1270), а также неопубликованное письмо Ю.Шмидта от 14 июля 1881 года (Там же. №1272).

3) письма других лиц, среди которых, например, письмо В.П.Тургеневой к А.Я.Шварц от 17 мая 1841 года (Там же. №1287).

Особую ценность представляют сохранившиеся в собрании Дашкова письма отца писателя – Сергея Николаевича Тургенева к сыновьям. Большая часть из них адресована старшему сыну и брату И.С.Тургенева – Николаю, некоторые обращены ко всем трем братьям Тургеневым или зачастую содержат приписки, обращенные непосредственно к Ивану Сергеевичу. При крайне скудном количестве документальных сведений о С.Н.Тургеневе эти письма, до сих пор известные лишь частично и крайне мало востребованные, имеют неограниченное значение, существенно корректируя портрет отца писателя, ассоциирующийся зачастую в обывательском сознании (а также в ряде научных работ) с образом, запечатленным самим Тургеневым в «Первой любви». В настоящее время публикация этих писем готовится в четвертом выпуске сборника «И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы», издаваемого Пушкинским Домом.

Таким образом, автографы Тургенева, сохранившиеся в богатейшем собрании П.Я.Дашкова, не только являются частью уникальной коллекции, но и во многом еще ждут своего исследователя, который, несомненно, отдаст должное заслугам Павла Яковлевича перед русской культурой.

Примечания

1. О поступлении коллекции Дашкова в Пушкинский Дом см.: *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб., 2006. С.76-79, а также материалы, опубликованные к 100-летию П.Я.Дашкова в журнале «Русская литература» (2011. №3). Важно отметить, что тургеневские материалы из коллекции Дашковых поступили в Пушкинский Дом не сразу. Это было вызвано тем, что они в течение длительного времени находились у С.А.Венгерова, широко использовавшего их в своей исследовательской работе. После смерти Венгерова материалы из собрания Дашковых в составе архива Венгерова попали по завещанию в Институт книговедения, и Пушкинскому Дому пришлось предпринять дополнительные усилия, чтобы их вернуть. Тургеневские материалы из архива Венгерова были переданы только 25 мая 1925 г. См. об этом: *Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. С.78.
2. Большая часть «тургеневских» материалов из Дашковского собрания включена в посвященный Тургеневу 4-й выпуск серии «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома» (М.; Л.,

1958. Составители И.Е.Грудинина, Л.М.Добровольский, А.Н.Степанов, Г.В.Степанова, Н.Н.Фонякова и А.П.Холина), однако некоторые документы оказались неучтенными, например беловая рукопись воспоминаний Н.В.Берга о Тургеневе (Ф.93. Оп.3. №102. 8 л.), с авторской датой: «Варшава. 29 сентября 1883». С этой рукописи воспоминания набирались для публикации в «Историческом вестнике» (1883. №11. С.366-377), о чем свидетельствуют карандашные редакторские пометы (замена первоначального заглавия «Мои воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе» на «Воспоминания об И. С. Тургеневе» и др.). Не вошли в описание и письма русского посланника в Париже барона А. Ф. Будберга к начальнику III Отделения князю В. А. Долгорукову, в которых он выступил с ходатайством за Тургенева в связи с «Делом 32-х» (Ф.93. Оп.3. №1531), и некоторые другие материалы.
3. «Бригадир» (наборная рукопись), «Часы» (наборная рукопись), «После смерти» (корректурные листы), «Песнь торжествующей любви» (наборная рукопись), «Отчаянный» (наборная рукопись и корректурные листы), «Крбкет в Виндзоре» (беловой автограф), перевод «Легенды о Юлиане Милостивом» Флобера (наборная рукопись), автобиографии 1875 г. и др.
 4. Русский вестник. №2. Кн.1. С.441-490; Кн. 2. С. 695-738; №4. Кн.1. С.357-398.
 5. Вестник Европы. 1899. №1. С.10-16.
 6. Анненков П. В. Письма к И.С.Тургеневу: В 2 кн. /Изд. подготовили Н.Н.Мостовская, Н.Г.Жекулин. СПб., 2005. Кн.1. С.151 (Лит. памятники).
 7. См.: Генералова Н.П. Об одной шекспировской цитате у И.С.Тургенева // Тургеневский ежегодник 2008-2009 года. Орел, 2010. С.32.
 8. Главы, в которых описывается визит к Матвею Ильичу Калязину и посещение Авдотьи Никитишны Кукшиной.
 9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т.4. С.262. Письмо от 11(23) ноября 1860 г. Далее ссылки на это издание – Тургенев (2), с указанием серии, номера тома и страницы. Ссылки на первое академическое издание – Тургенев (1).
 10. <Без подписи>. Объяснение //Русский вестник. 1860. Т.29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн.2. С.431.
 11. Тур Евг. Объяснение //Московские ведомости. 1860. 19 ноября. №252. Литературный отдел. С.2000-2001. Изложение всей истории см. также в письме Феоктистова к Тургеневу от 28 ноября (10) декабря 1860 г.: Письма Е.М.Феоктистова к И.С.Тургеневу (1851-1861) Часть II /Публ. Э.Г.Гайнцева //Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 149-150. «Подписка на наш журнал открылась, – сообщал в нем Феоктистов, – и – даже против наших собственных ожиданий – идет весьма порядочно. Быть может, многим мы обязаны «Русскому вестнику», который по поводу нашего будущего журнала произвел скандал, принесший нам только пользу» (Там же. С.149).
 12. Там же. С.153. Письмо от 26 января (7 февраля) 1861 г. «Вы понимаете, – писал Феоктистов далее в этом письме, – между тем, как было бы важно для нас иметь Ваше имя на страницах нашей газеты. Не забудьте, что

- дело идет о судьбе нашего журнала, а, следовательно, и о нашей судьбе, ибо на издание это положено весьма много» (Там же).
13. *Тургенев*. Письма. Т.4. С.291. Письмо от 1(13) февраля 1861 г.
 14. Об этом Тургенев сообщил Феокистову 8(20) марта 1861 г.: Там же. С.301.
 15. «Всё зависит, – выражал свои опасения Феокистов, – следственно, от одного – не сделает ли каких препятствий Катков. В сущности, мы не понимаем, почему Вам нужно его разрешение. Вероятно, Вы не заключали с ним никаких условий, а просто обещали ему свой роман, – почему же, без его согласия, Вы не можете распорядиться *одною* главою этого романа?» (Письма Е. М. Феокистова к И.С.Тургеневу. Ч.II. С.155). Письмо от 15(27) февраля 1861 г.
 16. Там же. С.158. Письмо от 8(20) апреля 1861 г.
 17. На первой странице рукописи в верхнем правом углу, на полях, чернилами рукой Каткова записано: «Этот отрывок составляет одну из глав нового романа, который оканчивается И.С.Тургеневым для “Русского вестника”. Автор печатает предварительно эту отдельную главу с согласия редакции означенного журнала» (Ф.93. Оп.3. №1264. Л.1).
 18. Эти поправки зафиксировали, каким образом проходил поиск писателем наиболее точного и выразительного слова («в это время» → «в это мгновенье», «подхватил Ситников» → «запищал Ситников» и др.), в ряде случаев писатель перебирает 3, 4 или даже 5 вариантов для одного слова, прежде чем окончательно выбрать наиболее точное и емкое.
 19. *Стасюлевич М.М.* Из воспоминаний о последних днях И. С.Тургенева // Вестник Европы. 1883. №10. С.849-850.
 20. М.М.Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. /Под ред. М.К.Лемке. СПб., 1912. Т.3. С.404. А 18 августа, узнав от Стасюлевича о том, что Тургенев читал ему свои «стихотворения в прозе», Анненков писал: «А вещь, по всей вероятности, прелестна, ибо и вообще вся его проза одно сплошное стихотворение и всегда поразительное своей красотой. Как же не отличаться ею и статье, специально названной «стихотворением»» (Там же. С.402-403).
 21. *Стасюлевич М.М.* Из воспоминаний о последних днях И.С.Тургенева. С.850.
 22. *Тургенев (1)*. Письма. Т.13. Кн.1. С.327. В эти десять стихотворений входили «Собака», «Нищий», «Услышишь суд глупца...», «Последнее свидание», «Два богача», «Корреспондент», «Стой!», «Монах», «Мы еще повоем!» и «Русский язык».
 23. См. об этом: *Тургенев (2)*. Соч. Т.10. С.453-455.
 24. Цит. по: Последний дневник Тургенева /Статья, коммент. и публ. И.С.Зильберштейна //Литературное наследство. М., 1964. Т.73. Кн.1. С.410.
 25. Подробнее об этом см.: *Егунов А.Н.* «Weile vor der Hagerose». Тургенев и Маттисон //Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева. М.; Л., 1964. Вып.1. С.229-232.
 26. *Клеман М К.* Шесть детских стихотворений Тургенева //Литературная мысль. Л., 1925. Вып.3. С.256-261. Ряд наблюдений Клемана впослед-

- ствии подвергся в дальнейшем серьезным уточнениям, см.: *Тургенев (2)*. Соч. Т.1. С.530-531.
27. См.: *Тургенев (1)*. Соч. Т.6. С.524-530; коммент. Е.И.Кийко.
 28. Они были опубликованы Е.И.Кийко: *Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева*. М.; Л., 1966. Вып. 2. С.61-70.
 29. *Тургенев (1)*. Соч. Т.5. С.481-488. Интересно отметить, что уже в черновой рукописи присутствует эпиграф, который, как было недавно установлено Н.Г.Жекулиным, представляет собой начало (первые четыре из шести стихов) одной из песен сборника «*Canti popolari toscani*» («Народные тосканские песни»). Единственным изданием этих популярных песен, которое вышло до появления рассказа Тургенева, был сборник Н.Томмасео «*Canti toscani, raccolti e illustrati*». Первое издание появилось в 1841 году, второе – в 1848 году.
 30. Опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым: *Неудавшаяся коалиция. Из истории «Современника» 1850-х годов // Литературное наследство*. М., 1936. Т.25-26. С.359-361.
 31. Л.Н.Вакслю, П.И.Вейнбергу, И.Ф.Горбунову, крестьянам Спаского села, неизвестному князю, А.А.Тимковской, Н.С.Тургеневу и А.Я.Тургеневой (урожд. Шварц). Все письма опубликованы в составе первого Полного собрания сочинений и писем писателя.
 32. По одному письму к Беттине фон Арним (черновик), Дезире Арто, барону А.К.Мейендорфу (?).
 33. Письмо за 8(20) ноября 1838 года опубликовано: *Клеман М.К. Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы) // Посев: Литературно-критический и научно-художественный альманах*. Одесса, 1921. С.87-89.

В.Г. Ветрова

«ВЛАСТИТЕЛЬ СЕРДЕЦ» И.С. ТУРГЕНЕВ В ВОСПРИЯТИИ ЮРИЯ СОФИЕВА (по архивным материалам)

В современном литературоведении проявляется неослабевающий научный интерес к литературно-художественному наследию поэта русского зарубежья Юрия Борисовича Софиева (1899-1976), который являлся председателем Союза молодых поэтов и писателей Франции, автором книг стихотворений «Годы и камни» (1937), «Парус» (1975, издан в 2003) и биографических заметок «Разрозненные страницы» (1994). При этом проблема литературных связей с предшественниками и современниками в творчестве писателя «незамеченного поколения» остается малоизученной.

В литературно-критических статьях первой половины XX века (Ю.Терапиано, Ю.Иваск, В.Яновский, Г.Струве) поэзия Ю.Софиева связывалась с традициями акмеизма. Так, Ю.Иваск отмечал: «Юрий Софиев принадлежал с самого начала к так называемой “гумилев-

ской школе” в эмиграции. Его привлекала ясность и конкретность акмеизма, четкость образов, продуманное отношение к эпитетам и отсутствие “потусторонних туманностей” и разговоров о “несказанном”, которыми грешили символисты и нарождавшееся в то время в Париже “неоклассическое” направление. По его собственному признанию, еще во время Гражданской войны Ю.Софиев был большим поклонником Гумилева»¹. В дневниковых записях сам поэт выделял творческие истоки, уходящие в XIX столетие: «В последующие студенческие мои годы Баратынский поглубже овладеет моей душой и сыграет немалую роль в развитии и моей стихотворной культуры и художественного вкуса»². Современные исследователи (С.Сучков, С.В.Ананьева, Н.Н.Честнейшина, О.Е.Денисова и др.) расширяют спектр литературных связей поэта-реэмигранта. В частности, казахстанский литературовед С.Ананьева отмечала: «<...> Юрий Софиев продолжает и традиции русской классической поэзии – Лермонтова, Тютчева, Фета»³. Однако это утверждение требует конкретизации и обстоятельной аргументации. В настоящей статье предпринята попытка на архивном материале раскрыть отдельные грани творческих связей Ю.Б.Софиева с выдающимся писателем XIX века – И.С.Тургеневым. Используемые нами материалы являются не опубликованными и впервые вводятся в научный оборот.

Многие русские писатели-эмигранты, рассеянные по всему миру, выступали продолжателями традиций отечественной классической литературы. Ю.Б.Софиев, представитель «незамеченного поколения», обращался к наследию И.С.Тургенева на протяжении всей жизни: классику-реалисту посвящены стихотворные строки и отдельные дневниковые записи.

Дневники Ю.Б.Софиева 1920-х и 1950-60-х годов свидетельствуют о том, что произведения И.С.Тургенева оказали огромное влияние на писателей нескольких поколений. Мемуарист, неоднократно подчеркивая художественную значимость произведений выдающегося предшественника, указывал на сходство своих жизненных принципов со взглядами писателя XIX века. В многочисленных рассуждениях о способности человека любить поэт-реэмигрант приходит к выводу, что одним из существенных нравственных качеств является сострадание, распространяющееся не только на человека, но и на природу. Значимой является рукописная запись Ю.Б.Софиева, содержащая раздумья об особенностях своего характера и факторах, способствующих его формированию. Считая восприимчивость важной чертой своего темперамента, поэт подчеркивал влияние произведений Н.В.Гоголя и И.С.Тургенева (в дневнике цитируются строки из стихотворения Ю.Б.Софиева «Жалость»): «Вероятно, по многим причинам – по свойствам моей с детства очень впечатлительной натуры, по воспитанию и влиянию матери:

*...Оттого, что я плакал в детстве
Над «Шинелью» и над «Муму»,
Может быть, как раз потому
Жалость сделалась нищим наследством.*

Причем слово «жалость» здесь может ввести в заблуждение. Само по себе это имеет какой-то «жалостливый» «умалительный» привкус.

Однако в русском народном лексиконе глагол жалеть, несомненно, соответствует глаголу любить. Она его пожалела = она его полюбила. Или точнее этот глагол соответствует какой-то первичной стадии любви-встрече⁴. О сущности этого чувства поэт упоминает и в воспоминаниях периода эвакуации в Галлиполи: «Здесь понятие жалости является синонимом человечности»⁵.

Сопоставление двух записей (раннего и зрелого периода) позволяет выявить смысл образа «жалость», в котором акцент перенесен с традиционных толкований значения как «сострадание» и «сожаление» (см. С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова «Толковый словарь русского языка»: «жалость – 1. сострадание, соболезнование; 2. печаль, сожаление»; Д.Н.Ушаков «Толковый словарь русского языка»: «жалость – сострадание, соболезнование. // Сожаление, грусть, печальное чувство») на значения со-чувствия и любви. Такое представление о жалости как любви-жертвенности, участия, несомненно, может быть связано не только с народными представлениями, на которые указывает сам автор, но и с влиянием на поэта-реэмигранта этических воззрений И.С.Тургенева.

Роль одного из известных рассказов И.С.Тургенева 1852 года в становлении личности Софиева раскрывается в другой дневниковой заметке: «Как много определило в моей жизни его “Муму”, прочитанное в детстве»⁶. Произведение писателя-классика, несущее идею любви ко всему живому, воспринимается как «золотые крупинки» XIX века, «которые хорошо бы не выбрасывать за борт и при дальнейшем плавании по морям истории»⁷. Таким образом, детское знакомство с произведениями И.С.Тургенева оказалось для Ю.Б.Софиева одним из истоков сострадательного и участливого отношения ко всему живому, этот жизненный принцип он сохранил на протяжении всей жизни.

В дневниках поэт-реэмигрант обращался к нравственным вопросам, затронутым И.С.Тургеневым в автобиографических произведениях. Сохранились ретроспективные записи литературных споров 1928-1930-х годов с Валерианом Дряхловым об отдельных фактах биографии писателя-классика (в частности, о событиях, изображённых в рассказе «Пожар на море»⁸).

Следует отметить, что большая часть машинописных записей-размышлений Ю.Б. Софиева относится к поэтическому наследию

Тургенева. Так, поэт-реэмигрант неоднократно обращался к известному стихотворению И.С.Тургенева из триптиха «Вариации» «Утро туманное, утро седое...». Первое упоминание об этом произведении, написанном в 1843 году, относится к 1920-м годам, когда Юрий Софиев, участник Белого движения, оказался в составе Добровольческой армии в эмиграции. Поэт описывал, как реалии суровой солдатской службы были скрашены обращением к музыке и литературе:

«На ступеньки рядом со мной часто садился мой приятель Миха Былинский, иногда подходил к нам из соседнего отделения нашего барака полк<овник> Игнатов и упрасивал нас под сурдинку спеть ему несколько старинных сентиментальных романсов <...>

Вторым номером обычно было:

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица давно позабытые.*

Может быть, я и не знал еще в те годы, что это стихи И.С.Тургенева»⁹.

В дневниковых записях Ю.Софиев неоднократно размышлял о вопросах узнаваемости и актуальности творческого наследия И.С.Тургенева. Примечательно, что пессимистичное наблюдение о забвении стихотворений писателя-классика, сделанное в 1960-х годах, приводит мемуариста к мысли о плодотворности соединения поэзии и музыки в жанре романса:

«Но ведь и Тургенев писал стихи.

“Утро туманное, утро седое...” <...>

А что осталось?

И если бы из этого “туманного утра” и “печальных нив, покрытых снегом» не сделали сердцещипательного романса – дошли ли бы они до нас?”¹⁰.

В воспоминаниях Ю.Б.Софиев отмечал востребованность и популярность на протяжении полувека стихотворения, ставшего песней: «В мою юность «Утро туманное, утро седое...» исполняла Вера Панина – цыганка. Я очень любил эту граммофонную пластинку, т.к. живую Панину никогда не слышал <...> “Утро туманное” был очень популярным романсом, и постоянно звучал в русских гостиных, но я не ошибусь, если скажу, что почти никто из слушающих не знал, чьи это стихи.

Я сам неоднократно проводил этот опрос из любопытства, почти с неизменным результатом – “не знаю!”

Сейчас из отдаленнейших углов нашей страны часто летит просьба в отдел “По просьбе слушателей” радио исполнить, или прочесть “Дорогу” Тургенева»¹¹.

В дневниковых записях Ю.Б.Софиев приходит к выводу о глубоком вневременном характере произведений Тургенева: «А ведь какое счастье, что Тургенев продолжает воздействовать на молодые сердца».

Когда-то он мог быть “властителем дум”, но гораздо глубже оказалось его влияние на “сердца”.

Как много определило в моей жизни его “Муму”, прочитанное в детстве.

“Властители дум” обычно связаны с эпохой, это преходяще, устаревают гораздо быстрее, чем “властители сердец” – это вне времени.

Вероятно, потому, что этические понятия эволюционируют гораздо медленнее, чем техника, цивилизация, общественное устройство и т.д.

Да и черт ее знает – эволюционируют ли?»¹².

Образ писателя-классика вошел в литературно-художественное творчество Ю.Б.Софиева. В архиве Надежды Михайловны Черновой¹³ (Казахстан, Алматы) сохранилось стихотворение с ономим в заглавии – «Тургенев».¹⁴ Поэтический текст, написанный от руки, не имеет датировки и не вошел в прижизненную книгу стихотворений «Годы и камни» и посмертный сборник «Парус». Удивительна «переключка» судеб писателей. Стихотворение поэта первой волны эмиграции, покинувшего родину в 1920 году и прожившего более двадцати лет в Париже, посвящено И.С.Тургеневу, значительная часть жизни которого связана с Францией. Слова Б.К.Зайцева об авторе «Дворянского гнезда»: «Вот уж подлинно – из отдаления лучше он ощутил родину и посозерцал ее»,¹⁵ – можно отнести и к эмигранту XX века – Софиеву.

В стихотворении «Тургенев» выделяются образы родины и чужбины. Своеобразие (красота и богатство) родного края представлено разнообразными (многоаспектными) характеристиками. Изображение природы строится на соотносении хронотопов. Орловские просторы – распахнутое и безграничное пространство, выраженное образом «приволье». Художественное время охватывает разные времена года (осень, зима). Пейзажные картины среднерусской полосы наполнены узнаваемыми приметами растительного и животного мира: деревья, кусты, поля, разнотравье, скирды ржи, перепела. При этом поэт обращается к цветописю («Осень, осень синевой прощает», «желтеет рожь»), отдельные образы («перелески, пашни и луга») несут имплицитно выраженную цветовую окраску.

Особую роль в создании эвфонии (благозвучия) и целостности художественного текста играет звуковая урегулированность. Отдельные фрагменты текста насыщены повторами согласных звуков (аллитерация): «оРлОвСКОе ПРиВоЛье! ПеРеЛеСКи, Пашни и Луга». Звуковым лейтмотивом, пронизывающим почти всю первую строфу, является ассонанс – повтор ударного [О], ср.:

1. Вот он О, орловское приволье!
3. До восторга хорошо, до боли!
4. А зимой глубокие снега.

При изображении инонациональной действительности (Буживаль) поэт сохраняет временные характеристики (осень, вечер). Художественное пространство постепенно расширяется: «домик», река («Сена»), «зелень садов», «Иль де франса голубые дали». Однако этот ряд природных образов заканчивается (ограничивается, обрывается) именем возлюбленной (последняя строка четвертого катрена): «Голос и улыбка Виардо».

В стихотворении Ю.Б.Софиева описание природы связано с душевными переживаниями человека. Радость возвращения писателя-классика на родину передают восклицательные конструкции (1-я и 3-я строки); при этом захватывающее чувство счастья выражено соединением противоположных состояний (оксюморон): «До восторга хорошо, до боли!». На привольной земле человек чувствует себя свободным. Природа не только щедро наделяет его своими дарами («В ягдташе лежат перепела»), но и радуется его приезду («наоборотная» метафора-олицетворение):

Каждый куст приветит: – Снова с нами!

– Снова ностальгия привела!

Из зарубежья Россия воспринимается писателем, героем стихотворения, ретроспективно:

В тихий вечер, может быть, невольно

Дальний образ в памяти возник.

Поэт стремится представить портретное описание Тургенева, включающее черты внешности («роста богатырского старик») и душевные качества («умный, милый»). Сложность отношений и переживаний героя характеризует эпитет «слабовольный». Однако притяжение к родной земле («ностальгия») является неизбывным. Здесь источник духовных и творческих сил:

И большое сердце твердо знает:

От родных просторов не уйдешь!

Таковы особенности восприятия поэтом-реэмигрантом творческого наследия И.С.Тургенева и попытка художественного осмысления его жизни.

Юрий Софиев

Тургенев

*Вот оно, орловское приволье!
Перелески, пашни и луга.
До восторга хорошо, до боли!
А зимой глубокие снега.*

*Ты идешь вечерними полями,
В ягдташе лежат перепела.
Каждый куст приветит: - Снова с нами!
- Снова ностальгия привела!*

*Умный, милый, очень слабовольный,
Роста богатырского старик.
В тихий вечер, может быть, невольно
Дальний образ в памяти возник.*

*Тоже осень. Домик в Буживале,
Что над Сеной в зелени садов.
Иль де франса голубые дали,
Голос и улыбка Виардо.*

*Осень, осень синевой прощает.
В скирды сложена – желтеет рожь.
И большое сердце твердо знает:
От родных просторов не уйдешь!*

Подготовка к печати и публикация В.Г. Ветровой

Примечания.

1. *Иваск Ю.* «Юрий Бек-Софиев» //Простор. 2003. № 2.
2. *Софиев Ю.* Тетрадь I. Эвакуация. Галлиполи (из летописи моих эмигрантских дней). Рукопись. С.83.
3. *Ананьева С.* «Баловень неволи и свободы...» (книга о Ю.Софиеве /Поэт – История – Жизнь – Творчество) //Наука и высшая школа Казахстана, 2004.
4. *Софиев Ю.* Дневник II. 1959. Июнь-сентябрь. Алма-Ата. Рукопись. С.19.
5. *Софиев Ю.* Тетрадь I. Эвакуация. Галлиполи. (из летописи моих эмигрантских дней). Рукопись. С.33.
6. *Софиев Ю.* Дневник. 1962. Октябрь. Алма-Ата. Рукопись.
7. *Софиев Ю.* Вечный юноша. Дневники. 1958-1966 гг. Тетрадь XI. Ноябрь-январь 1963-1964 гг. Машинописная рукопись. С.121.
8. *Софиев Ю.* Дневник II. 1959. Июнь-сентябрь. Алма-Ата. Рукопись. С.2.
9. *Софиев Ю.* Тетрадь I. Эвакуация. Галлиполи (из летописи моих эмигрантских дней). Рукопись. С.83.
10. *Софиев Ю.* Дневник. 1962. Октябрь. Алма-Ата. Рукопись.
11. *Софиев Ю.* Вечный юноша. Дневники. 1958-1966 гг. Тетрадь XVII. Сентябрь, октябрь-январь 1966г. Машинописная рукопись. С.185.
12. *Софиев Ю.* Дневник. 1962. Октябрь. Алма-Ата. Рукопись.
13. Надежда Михайловна Чернова – русская поэтесса республики Казахстан, публицист, переводчик, литературный критик, член Союза писателей Казахстана, заведующая отделом поэзии журнала «Простор», жена Игоря Юрьевича Софиева, сына русских поэтовЮрия Софиева и Ирины Кнорринг, хранительница семейного архива Кноррингов-Софиевых.
14. *Софиев Ю.* Тургенев. Рукопись.
15. *Зайцев Б.* Жизнь Тургенева. Париж: YMCA-PRESS, 1949.

III.

*По Стурганевским
местам*

Вилла И.С. Тургенева в Баден-Бадене. Фото 2012 г.

Церковь Богоявления в с. Верхососенье Покровского района. Фото 1942 г.

ШКОЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ И.С.ТУРГЕНЕВА»

В школе с углубленным изучением предметов эстетического профиля №38 г.Орла планомерно ведется работа над повышением качества обучения и развитием творческих способностей учащихся. Усилия учителей-предметников направлены также на усиление мотивации школьников к освоению учебного материала.

Наиболее эффективно этого можно достичь, на наш взгляд, используя современные образовательные технологии и методы. В этой связи особую значимость приобретает метод проектов.

Метод проектов предусматривает овладение разнообразными умениями и навыками, он основан на развитии самостоятельности учащихся, учёте их индивидуальных интересов и способностей.

В течение двух лет со старшеклассниками нашей школы ведётся работа над проектом, посвящённым жизни и творчеству великого писателя, нашего земляка, И.С.Тургенева, который прожил в Германии в общей сложности около десяти лет. Идея приступить к разработке проекта возникла стихийно на одном из уроков немецкого языка. Говоря о достопримечательностях Берлина, столицы Германии, учитель упомянул о том, что в университете этого города на философском факультете учился И.С.Тургенев. Это оказалось совершенно неизвестным фактом для школьников. У учащихся появились сначала вопросы, а затем идеи, как можно было бы углубить и расширить свои знания о жизни писателя в этот период времени, который был им практически неизвестен. Будущая работа представлялась очень увлекательной. Так, было предложено больше узнать о самом университете, профессорах и друзьях Тургенева в годы учёбы, о его посещениях других городов, о жизни в Баден-Бадене, о произведениях, которые были написаны во время его пребывания в Германии и о многом другом.

Обсудив примерный план работы над темами, который каждый участник выбрал для себя, учащиеся приступили к изучению материала. Через несколько месяцев работы материала накопилось столько, что стало возможным отобрать из него наиболее существенную и яркую информацию.

Учащиеся изучали маршруты поездок И.С.Тургенева по Германии, познакомились с рядом известных в то время личностей, с которыми он встречался и состоял в оживлённой переписке на немецком

языке. В ходе работы над проектом выяснилось, что И.С.Тургенев был замечательным переводчиком на русский язык некоторых произведений Гёте и других немецких литераторов. Особый интерес вызвал тот факт, что Тургенев увлекался игрой в шахматы, слыл сильным мастером и был избран вице-президентом Первого международного шахматного турнира, проводившегося в 1870 году в Баден-Бадене. Великолепную галерею образов в разные годы жизни И.С.Тургенева можно составить на основе портретов писателя, написанных как русскими, так и немецкими художниками, а также появившихся тогда первых фотографий. Перед учащимися предстал неизвестный им до той поры И.С.Тургенев – философ, писатель, публицист, переводчик, критик, шахматист, охотник, глубоко понимающий и чувствующий природу. Это был человек со своими слабостями, противоречиями и сомнениями, свойственными любому другому, а не памятник, каким его можно себе представить по учебникам.

Материал был настолько интересен, что появилась идея не только подготовить презентацию для узкого круга заинтересованных лиц, а выступить с ней перед сверстниками и продемонстрировать им результаты своей плодотворной работы.

Первое выступление состоялось в музее Тургенева и было высоко оценено сотрудниками музея – Л.А.Бальковой (в то время заведующей литературным музеем), старшим научным сотрудником музея Е.В.Процем, а также А.М.Кокиным, членом Тургеневского общества в Орле, доцентом кафедры немецкого языка ОГУ. Второе выступление было решено провести на факультете иностранных языков Орловского государственного университета – ведь презентация была подготовлена и на немецком языке. После представления учащиеся услышали много благодарственных слов от заведующей кафедрой немецкого языка Т.С.Власовой, преподавателей и студентов.

Учащиеся, которые были окрылены признанием их труда, высказали пожелание увидеть собственными глазами те места, которые были связаны с пребыванием И.С.Тургенева в Германии.

Эта поездка долго готовилась и осуществилась во время весенних каникул. Учащиеся посетили несколько немецких городов, связанных с жизнью и творчеством И.С.Тургенева, а именно: Берлин, Лейпциг, Веймар, Франкфурт-на-Майне. В немецкой столице школьники своими глазами увидели здание университета, в котором будущий писатель учился в 1838-1840-х годах, оперный театр, в котором успешно выступала Полина Виардо, голосом и драматическим талантом которой Тургенев восхищался в течение всей своей жизни. Они посетили Пергамский музей, экспонаты которого Иван

Сергеевич осматривал в 1880 году, когда ещё не было настоящей экспозиции. Он бродил по деревянным мостикам между разложенными на полу кусками скульптур, которые произвели на него неизгладимое впечатление. Впоследствии Тургенев опубликовал статью об этом. Школьники сфотографировались у Бранденбургских ворот и прошли по знаменитой улице Унтер ден Линден, представляя себе, что Тургенев тоже часто здесь прогуливался, снимая квартиру поблизости.

В Лейпциге Тургенев находился очень короткое время, но он непременно хотел увидеть город, в котором учился в университете глубоко почитаемый им И.В.Гёте.

Небольшой, но уютный Веймар понравился всем своим весенним видом. Повсюду цвели нарциссы и зеленела травка. Тургенев жил в Веймаре зимой 1869 года несколько месяцев в связи с готовящейся постановкой в театре оперетты «Последний колдун» по его либретто, музыку к которому сочинила П.Виардо. «Мне очень понравился этот небольшой городок. <...> На каждом шагу возникают воспоминания», – заметил Тургенев в своей статье «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре» (Соч. Т.10. С.293-302). Школьники осмотрели во время экскурсии здание национального театра с возвышающимся перед ним памятником Гёте и Шиллеру Эрнста Ритчеля, известном им по иллюстрациям в школьных учебниках немецкого языка, и которым так восхищался Тургенев. Наше внимание привлекли также летний домик Гёте, в котором он часто работал, и мемориальное кладбище, где похоронены оба великих немецких классика.

Во Франкфурте школьники посетили дом, в котором Гёте провёл свои детские и юношеские годы и который Тургенев осмотрел во время одного из визитов в этот город.

Наш маршрут привёл нас также, конечно, и в Баден-Баден, где писатель прожил семь незабываемых лет, чтобы возложить цветы к бюсту писателя на Лихтентальской аллее. На скамейке этой аллеи под «русским деревом» частенько сживал сам Тургенев, пристально наблюдая за происходящим, людьми и размышляя о героях своих будущих произведений. Визит в Баден-Баден стал для юных орловцев незабываемым событием.

Выступление в Германии проходило на немецком языке, оно произвело большое впечатление на присутствующих и вызвало бурную овацию зала, где собралось около ста зрителей. На нашем представлении присутствовала и председатель Тургеневского общества из Баден-Бадена госпожа Ренате Эфферн, которая высказала пожелание, чтобы школьники продолжили работу над этим интересным

и полезным проектом. Впечатления, переполнявшие школьников после визита в Германию, отражены в нескольких статьях, опубликованных в местной прессе. Руководству города и школы были направлены благодарственные письма.

Эта поездка стала великолепным итогом работы над проектом, который объединил разных по характеру и знаниям учащихся в единое целое. Каждый из них внёс свою посильную лепту в осуществление проекта. Школьный проект «Малоизвестные страницы из жизни И.С.Тургенева в Германии» может послужить источником дополнительной информации для расширения кругозора школьников, знакомящихся с творчеством И.С.Тургенева, и представлять интерес для всех тех, кто увлекается краеведением. Расширяет текстовый материал презентация проекта на русском и немецком языках в Power Point.

В 2011 году нами была подана заявка для участия в конкурсе исследовательских и творческих работ учащихся под названием «Портфолио» издательского дома «Первое сентября». Школьники и руководители получили дипломы за успешное представление проектной деятельности.

И.Л.Золотарёв

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ ТУРГЕНЕВА

Книге «Родине поклонитесь» Людмилы Николаевны Ивановой исполняется двадцать лет. Этот юбилей счастливо совпадает со 160-летием «Записок охотника» И.С.Тургенева. Книга писателя-современника посвящена потомкам тургеневских героев, она остаётся актуальной и востребованной, интересной людям всех возрастов, в том числе и молодым. Это книга о нашей Родине, о нашем великом соотечественнике И.С.Тургеневе, о людях, которые жили и живут в Спасском-Лутовинове и окрест. Книга представляет большую ценность благодаря богатому материалу, представленному в ней, документам, относящимся к отмене крепостного права в России.

В 2011 году общественность отмечала это событие. В Париже А.Я.Звигильский проводил в Сорбонне международную конференцию, посвящённую реформе, вклад в которую И.С.Тургенева общеизвестен. Рецензируемая книга может быть достойным экспонатом, иллюстрирующим ту эпоху с позиции нашего времени. И.С.Тургенев не только описывал крестьян в своих произведениях, он принимал непосредственное участие в их жизни, помогал в обустройстве по-

сле отмены крепостного права, потому что сам закон был только анонсом, а проведение его в жизнь требовало сил и времени. Безграмотные крестьяне нуждались и в совете, и в помощи, и в защите. Архивные документы, опубликованные в книге, подтверждают участие и заинтересованность писателя в улучшении жизни крестьян. Он сообщал С.А.Венгерову, что отпустил всех дворовых на волю, других крестьян перевел на оброк¹. Это произошло ещё в 1850 году, когда скончалась его мать. Тургенев лично обращался во все инстанции во время затяжного конфликта крестьян с кулаком Жикиным, тяжба из-за земли тянулась годы². Тургенев, разуверившись в справедливости чиновников, даже узнав о хорошем исходе дела, всё ещё сомневался, что удалось победить эту «бестию». Влияние писателей И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого на крестьян, благодаря их гуманному отношению к ним, было огромным. Крестьяне знали и терпели все капризы жестоких хозяев, но они общались и с просвещёнными, высоконравственными личностями, с писателями-гуманистами, от которых получали настоящие уроки нравственности. В документах Л.Н.Толстого есть упоминания о том, что он неоднократно бывал в деревне Губаревке, где спасал крестьян от голодной смерти. Он открыл десять столовых на пятьсот человек, прибавил ещё двести человек, и люди в неурожайный год были спасены.

Услышав историю о спасении крестьян, жительница этой деревни Екатерина Андреевна Тарасова-Овсянникова сказала: «И про наши Губаревки тоже, значить, написал <...>. Да, всё правда: голодные деревни-то эти всегда были...»³. «Крепостными» по сути, крестьяне перестали быть в шестидесятые годы XX века, когда получили паспорта и поехали в город за лучшей жизнью. Тогда и начался исход сельских жителей в города. Это процесс общемировой, о чём веком раньше Мопассан писал в своих новеллах («В полях» и др.). Деревни пропадают у нас и по сей день, в этом году снова немало их исчезло с карты Орловщины. Но можно думать, что начался, наконец, процесс формирования фермерства, которому тоже понадобятся десятки лет. Вокруг фермерских центров с необходимой инфраструктурой может появиться новый тип деревень, скорее городков, куда будут вести дороги, где будут нормальные условия для жизни, куда поедут и молодые, где могут возникнуть дачные посёлки, фермеры смогут снабжать людей необходимыми продуктами. А пока нам остаётся только с жалостью вспоминать утраченные «райские» уголки, особенно во Мценском районе (жемчужине Орловщины).

В книге писатель ведёт нас по местам вокруг Спасского-Лутовинова, дорогого сердцу русского человека, особенно уроженца Орловской области. Мы видим родные пейзажи с холмами и переле-

сками, речками и прудами, лугами и косогородами. То, о чём и как пишет автор, заложено в нашей генетической памяти. Герои очерков из книги «Родине поклонитесь» – это русские люди, потомки крестьян, живших на мценской земле. Автор пишет о деревне Голоплёки и её обитателях. В основном деревню населяли однодворцы, свободные крестьяне, отличавшиеся от крепостных. Большое внимание уделяется семье однодворцев Овсяниковых, чей предок был героем одного из рассказов И.С.Тургенева. Ещё Тургенев заметил у главы рода Овсяниковых степенность, чувство собственного достоинства, трудолюбие, справедливость. Петр Овсянников не побоялся даже подать в суд на помещика, захватившего часть его земли. Однодворец понимал, что у него практически не было шансов выиграть, но он обращается в суд, чтобы защитить свои права на землю, своё человеческое достоинство.

В одном из домов деревни автор встретила Авенира Ивановича Овсянникова и сразу подумала о персонаже Тургенева, учителе с таким же именем. Разговорившись, Людмила Николаевна узнала, что он окончил педучилище, что отец его был тоже учителем, который «страстно любил и хорошо понимал Тургенева, многие из произведений его знал наизусть, до конца дней своих преклонялся перед гением этого великого таланта <...> мечтал он, чтобы сын его стал учителем, как он сам и, стало быть, как тот тургеневский Авенир»⁴. Даже один этот пример наглядно показывает нам и традиции семьи, и связь поколений, и семейные черты характера, передаваемые по наследству.

Очерк «Баба Груня» – это гимн человеческому духу, русской песне, сила и радость которой помогают жить. Когда Людмила Николаевна встретила бабу Груню, той уже было за восемьдесят. Она из Голоплёк, но живет в посёлке и уже не может дойти до своей деревни. У неё ещё замечательная память (человек жив, пока у него есть память), она без усталости поёт, ей это в радость. Она говорит о себе: «А-а, дочка, егово у меня сколь хошь. В деревне-то своей я всегда первая была, задира, запевала... Нигде без меня-то не обходилось, что вечерка, что свадьба»⁵.

Конечно, жизнь людей преклонного возраста в деревнях, забытых Богом, – это большая проблема. И хорошо, что автор её ставит. Людмила Николаевна пыталась и сама помочь тургеневским женщинам в прямом смысле этого слова. В очерке о сёстрах Фёдоровых она пишет, что обратилась за помощью к одной молодой начальнице, а та ей ответила, что они, дескать, лодыри. Одной из сестёр было в то время девяносто, а другой сестре чуть меньше. В другой раз, когда автор посетила бабу Груню в холодное время года, она нашла старушку в помещении без дров, без продуктов. А ведь баба Груня

была не в пустыне, в посёлке есть люди. Все женщины, о которых мы читаем в книге, с трудными судьбами, они видели войну, пережили послевоенную разруху. Вынесли всё на своих плечах, их держала родная земля, любовь к родному краю. Вот как говорит о своей деревне Ольга Петровна Борзёнокова: «Краше всех были наши две: Борзёнки да Шаламово. Да ещё Голоплёки были ничего... Но наши-то, как игрушки! Все в садах, дома каменные, крепкие, народ чистый, красивай...»⁶

А вот рассказ о своей жизни ещё одной тургеневской женщины, крестьянки из деревни Губарево, Екатерины Андреевны Тарасовой-Овсянниковой. «Мы детство свое провели плохое. <...> Детей было четверо: я старшая. Учиться мне, считай, не пришлось... Война ещё была. <...> Две зимы жили в землянке... Побиралися. <...> Что пережили, никто не поверить. А строиться, наверное, стали в 45 году. Когда разбирали окопы и на себе брёвна носили с мамой, с братом. А построил какой-то мужчина, мама отдала ему тёплую одеялку. А сени строили сами с Виктором. Избу построили четыре на четыре. Какие мы на себе брёвна носили! 15 и 17 лет, а таскали большие. <...> На быках пахали, сеяли вручную кое-как. Косили сами крюками, чем рожь-то косюте. И не евши, руки – ну что мясо становилися, дрожали. <...> Жили всегда трудно: работа да работа, дома да в колхозе»⁷. Сколько надо было иметь мужества, какую силу духа, чтобы вынести всё, выжить, дожить до глубокой старости. Это же подвиг русских женщин, тургеневских женщин. Спасибо автору этой книги, что она показала нам всё это. В этом же очерке «Рассказ крестьянки» Людмила Николаевна пишет, как ей нравится речь крестьян, в частности, как говорят Тарасовы: «Слушать то, как говорят Тарасовы, одно удовольствие. Сегодня этого с абсолютной точностью не смог бы воспроизвести ни один из ныне навещающих родные места уроженцев Голоплёк или другой деревни, расположенной по соседству, разве только баба Груня... Хотя родом Тарасовы всего лишь из соседней деревни Губарево.

Сколько раз, слушая их, я с глубоким сожалением и грустью думала о том, что когда-нибудь да уйдёт из жизни и наше поколение. И никогда больше не услышат люди этого мягкого и душевного, словно песня, исходящая из самого сердца, доверительного и удивительно складного, колоритного, изобретённого лишь этими людьми и только в их родной стороне, такого необычайного и неповторимого сельского орловско-тульского говора...»⁸. Как видим, испокон и до наших дней нашим классикам было на что опираться, у кого учиться народной речи, чтобы обогащать наш великий и могучий, родной русский язык.

Интересны наблюдения писателя, сделанные в результате общения с людьми, а также подтверждённые документами, о различии потомков крепостных крестьян и потомков «исконных однодворческих деревень с их традиционной культурой»⁹. Однодворцы, по словам автора, более сдержанны, осторожны в общении с незнакомыми людьми, более вдумчивы. Потомки крепостных крестьян – более открытые, охотно общаются с каждым новым человеком, гостеприимны, с готовностью рассказывают о себе, но в дом пригласить стесняются, сетуя на то, что у них не больно хорошо.

И.С.Тургенев любил крестьян и увековечил память о них, сделав их героями своих произведений. К однодворцам у него было особое отношение и большое уважение, он считал их степенными, дельными. До последних дней И.С.Тургенев, будучи больным, понимая, что он больше не приедет на родину, интересовался делами крестьян, переживал, что лето 1882 года выдалось очень жарким. Град сильно повредил поля каленских крестьян. Он сетовал, что со стихией невозможно бороться. У Тургенева были особенные отношения с каленскими крестьянами, он помог им выиграть процесс у кулака Жикина. Во время реформы Тургенев сделал всё, чтобы облегчить крестьянам вступление в новую жизнь. И крестьяне платили ему тем же. Узнав о смерти своего великого земляка, они послали в журнал «Вестник Европы», с которым И.С.Тургенев был связан долгие годы, телеграмму о том, что спасские и каленские крестьяне отслужили заупокойную обедню и панихиду. С Н.А.Щепкиным они отправили в Петербург «венки в сто рублей». 27 сентября 1883 года петербуржцы и 200 делегаций со всех уголков России шли к Волкову кладбищу, провожая в последний путь великого русского писателя. За гробом несли множество венков, первым из которых был от земляков – спасских и каленских крестьян.

В год юбилея книги «Родине поклонитесь» хочется снова представить её читателям. В ней много интересной информации, она написана хорошим русским языком, это книга-память о нашем великом писателе И.С.Тургеневе, о людях, которые здесь жили и живут. Книга написана с любовью, с верой в человека, в его будущее, которое будет лучше, мы сумеем сделать его лучше, ведь, как писал Тургенев, «мы – народ юный и сильный, который верит и имеет право верить в своё будущее».

Примечания

1. В статье сохранены лексика и орфография персонажей из книги *Л.Н.Ивановой «Родине поклонитесь»*. М., 1993.
2. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Т.Ч. М.-Л., 1965. С.256-257.

3. См.: *Иванова Л.Н.* Тургенев и жикинское дело //И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С.202-216. Материалы «жикинского» дела легли в основу пьесы Л.Н.Ивановой «Однажды раннею весной», опубликованной в настоящем издании за 2008-2009 г.г.
4. *Иванова Л.Н.* Родине поклонитесь. М., 1993. С.25.
5. Там же. С.32.
6. Там же. С.53.
7. Там же. С.81.
8. Там же. С.66.
9. Там же. С.58.
10. Там же. С.83.

Л.Н. Иванова (Преснова)

БАБА ГРУНЯ

*Было время, что я с ума сходил
от народных песен.*

Из письма И.С.Тургенева
Н.А.Некрасову

Чтобы познакомиться и побеседовать с самой старшей из ныне здравствующих уроженцев Голоплёк бабой Груней – так любовно в округе называют ровесницу века Аграфену Афанасьевну Коптеву – мне пришлось отправиться в посёлок Жизнь, что на центральной усадьбе колхоза «Родина». Деревянный домик старушки в Голоплёках всё чаще пустует. А в это лето в первый раз в своей жизни она ни разу не пришла в родную деревню. Не смогла...

Пройдя километра три от Голоплёк на север и оставив слева деревню Кальну, я вышла к реке, по новому широкому мосту перешла на другой берег, по наезженной грунтовой дороге поднялась на крутой холм, застроенный новыми коттеджами для колхозников. Обернулась назад, постояла.

День вставал солнечный и обещал быть теплым. Под обрывом спокойно текла Снежедь. Здесь, десятью километрами ниже Бежина луга, она особенно заметно петляет. А несколько её хорошо обозначенных старых рукавов свидетельствуют о том, что за многие века существования русло своё речка меняла не раз. Отсюда, с холма, деревня Кальна видна вся, до последнего домика.

Жилище Аграфены Афанасьевны Коптевой я нашла сразу. Коттедж стоит рядом с колхозным медпунктом и разделён на две половины: одну занимает семья колхозников, а в трёх комнатах другой

живут три старушки: она, баба Груня, Ольга Петровна Борзенкова и Прасковья Петровна Овсянникова. Последние две помоложе Аграфены Афанасьевны и летом обычно живут в своих родных деревнях: Ольга Петровна – в Борзенках, а Прасковья Петровна – в Голоплёках. И только баба Груня не осилила в это лето дорогу на родину, осталась «на посёлке». Здесь всё рядом: и магазин, и медпункт, и вода в доме.

Я долго стучала: сначала в дверь, а затем в окна. Когда совсем уже потеряла надежду на встречу с ней и решила зайти в медпункт с тем, чтобы справиться об Аграфене Афанасьевне, дверь вдруг растворилась настежь, и в проёме показалась старушка – босая, в шерстяном зелёном платье и чёрном платочке на голове. Узнав, что я из Голоплёк и шла к ней, она усадила меня в прихожей на диван и, примостившись рядом, первым делом спросила:

– Что жа, деточка, стоять Голоплёки-то?

– Стоят – и вас ждут, – ответила я.

– Ой, детка, да мне ведь восемьдесят третий годочик... Счас вот одна, сижу тут... А какая Голоплёки-то были вясёлыя!.. Дочка, веселитесь, не горюйте, жисть она как дальше, то горше... Уж и попелася я, и наплясалася...

*Голоплеки на припеке,
Там обшито кумачом,
Кабы не было зазнобы
Не пошла бы нипочем! –*

вдруг весело, задорно «заговорила» старушка.

– Вот нядавно умярла здеся, значить, Дуня Голоплёцкая. А выходила она замуж то ли в Овсянниковой, то ли ещё куда... Дуня... большая такая, Евдокия Павловна, муж ея погиб... Ой! – спохватилась она вдруг, что говорит не о том. – Совсем я никуда стала, хошь бы помереть... Пойду в Голоплёки-то, пойду... плохая я стала, ужась плохая – и глухая, и слепая... Так-то у меня всё собрато, и деньги на книжке лежать, – путано, неожиданно переходя с одной мысли на другую, то ли тихо жаловалась, то ли просто рассуждала сама с собой старушка.

– Баба Груня, говорите, умирать пора, а сами только сейчас пели, – удивляюсь я.

– А-а, дочка, етово у меня сколь хошь. В деревне-то своей я всягда первая была, задира, запявала... Нигде без меня-то не обходилось, что вечерка, что свадьба...

- А про свою деревню вы что ещё пели?
– Про свою-то?.. А-а вот хошь бы и ету:

*Голоплецкая деревня –
Не хвалю и не корю,
Завяду себе синпатию
На самом на краю!*

- Вот ещё, – говорит она, помолчав:

*Мой муж пьяница,
Не вялит румяниться,
А я его не боюсь,
Нарумянюсь, напляшусь!*

*Я, бывало, запою:
Не сдавалась соловью!
А теперь отпелася,
Куда веселья делася?!*

– Ух, и попела я! – заключает старушка. А я, глядя на неё, с удивлением отмечаю, что никакая она вовсе и не старушка, ей никак нельзя дать её лет: глаза весело блестят, на щеках выступил легкий темноватый румянец, и даже морщины, кажется, разгладились. А может, их вовсе не было?

– А родители-то ваши, Аграфена Афанасьевна, тоже такие же весёлые были, как вы? – опять пытаюсь навести её на воспоминания.

– Нет, дочка, иде уж там... я с пятого года, Коптева-то – голоплецкая фамилия моя, батюшкова, Афанасия Ивановичева... Бросил, сукин сын, уехал... мене было... счас скажу... пять, нет, шесть али семь... а-а, девятый годок ишол. А он поехал, смылся, скрылся. Троя остался у мамочки, я теперь уж одна остался... – И заплакала: – Мы бедные были, отца-то не было... – И запела:

*Наша деревня горем убитая,
Мамынька родная, сердце разбитая:
Милай не хочеть любить.*

*Я полюбила яго недастойнага
Чистой открытай душой,
А он измянил, мне сердце разбил,
Стал он другую любить...*

*Брось, моя дитынька, брось ненаглядная,
Время придеть, ты полюбишь другова,
Шаслива будешь с ним жить...*

– Ето всё мамочка пела... и я тожа... потом...

– А вы из однодворцев будете или из крестьян? – снова обращаюсь я к ней.

– Не-а, у нас все были однодворцы... Наша-то деревня хорошая была, чистая. А ухажеры какия! Помню, у меня барзенкай был, Петр Палыч, Пятюшка Федин... ну-у. Пал Фёдоров сын... ха-а-рошай был, кра-асивай... и другия...

– Что же вы, не пошли за них ни за кого?

– Не-е... оне не сваталися за меня... я бедная, а оне богатые. Рази можна?... а всяля-то што была!... Бывало, оженять их, ухажёров-то, а оне так за мною и ходють...

*Я любила, не грубила,
Он любить меня не стал,
Я другова полюбила,
Он опять ко мне пристал!*

– Вот так-то. – Помолчала:

*Девочки, красуйтеся,
Ребят любить не суйтеся,
У них холодные сердца,
Оне не любяць до конца!...*

– Фамилия-то моя пишутся Ширияева. Ох, милья, выходила-то я за вдавца, у ево ребёнак был. Два года пожила – и к чёртовой матери! Выходила-то я в Бобыли... А потом вышла за холостого, во двор приняли... А потом ево на войну взяли, он и погиб... Жили-то хорошо, дружно жили-то. Вот проводила мужа-то, плакала, и он плакал... Виктор Васильич Ширияев... любил меня, я всяёлая была. Бывалоча, величать, и за столом, и так...

– А как за столом?

– Ну, вот:

*Всяля и наша горенка-а...
Дорогая наша гостья
Да-а Анна Ивановна-а...*

– Кого величала? Да всех девок. Без меня, бывало, ни-ни, ни вечерки, ни свадьбы... всё равно найдут, идолы. Уеду во Мценск, а они найдут... Ух и пела!

*Милай мой, а я твая,
Брось жану, возьми меня,
Брось жану законною,
Возьми меня знакомаю!*

*Учарася я разбила
Два стакана чайнава,
А севодни получила
Два письма печальнава...*

*Мене милай изменил,
Я упала перед ним
Что ж я, дура, падаю
Перд такою гадаю?! –*

звонко, без передышки частила баба Груня. Над последней частушкой мы обе долго, весело и дружно смеемся.

– Со мною нахохочесся, – отдышавшись, говорит старушка.

*Весяла я, весяла,
Весяла девчоночка,
Только тем не весяла –
Гуляю без миленачка...*

*Весяла я, весяла,
Рюмку выпила вина:
Это милага измена
Пить заставила меня!*

*Весяла я, весяла,
И веселая расту:
Маю тихаю падругу
Удавили на куту!..*

И мы вновь смеемся, понимающе, заговорщически глядя друг на друга.

– Ну, хватить, а то животики-то порвём. Тебе, может, надоест? Помолчали. Я спросила:

– А вы, Аграфена Афанасьевна, в колхозе много работали?

– Как жаж!.. Был в Голоплёках колхоз-то. Кто у нас председателем-то спярва был?... А-а, Сергей Васильевич был, Овсянников, наш, голоплёчкой... Потом Андрей Фомич был... бригадиром. Анатоль Андреич-то, ево сынок, счас директором школы на посёлке... А потом война. Я всё голодная... работала. Бедная была, а всё, бывало, пела. После войны-то горше было: одна осталася, деток-то про его не знаю. Мужа жалею...

Сидит баба Груня, опёршись локтем о колено. На руку голову положила, горюет:

*Эх, прошли золоты денёчки,
А моладасть, где жа ты, где?
Прохладныя страшные ночи...
Остались одне лишь мечты.*

*Сухой бы корочкой питалась,
Тобой бы, мой милай, наслаждалась
И тем довольная была.*

*Сымитя мне комнату сыруя,
Я буду жить у ней одна,
Приди ко мне, милай, поскорее,
А то мне скушно без тебя...*

*Кари глазки, где вы скрылись?
Мне вас больше не видать.
Где вы скрылись – запропали?
Навек заставили страдать...*

– Тебя я, милай, не позабуду, буду плакать и любить... Эх, Витя-Витя, што жа ты наделал, зачем ты меня бросил?.. Бывало, бежить-бежить с работи, грит, не чаю, как кончить... Карточки? А у меня ей нету. Нету, ей-богу, нету. А пенсьию я получаю не колхозною, за погибшаго мужа, пятьдесят рублей... Всю жисть у колхозе, как начался колхоз и до...

*У колхозе я родилась,
У колхозе мая мать,*

*У колхозе научилась
Сирбияначку плясать!*

– Попелася я, попелася... Идолы, всё равно найдуть, приедуть, – так совсем неожиданно подытожила старушка свои воспоминания о 30-40-х годах. – Ну, ладна, счас хорошенькую выбяру, отдохнёшь, – обращается она ко мне, – какую жа мне, ету?... А «Вечер вечерее» знаешь?

Я отрицательно качаю головой, и она запекает:

*А вечер вечерее, колышется трава,
Нейдеть-нейдеть мой милай,
Пойду к няму сама.*

*Иду, а ветер воет, едва ль на свет гляжу,
А сердце болить-ноет, я што ему скажу...*

*Зашла я на крылечко и стала у дверей,
А бедная сердечко забилася сильней.*

*Дрожащею рукою звонок я подала,
Прислуга выходила, мне двери отперла.*

*Зашла я в ету комнату и вижу пред собой,
Мой милай друг-изменицик цалуется с другой...*

*Изменицик ты коварнай, што сделал ты со мной?
Ты клялся и божился, што не гулял с другой!*

*Сегодня понедельник, а милай не пришёл,
Наверно, рассердился, гулять с другой пошёл...*

– Что же вы, Аграфена Афанасьевна, в Голоплёки-то пойдёте? Я могу взять вас с собой, вместе потихоньку и дойдём... А то можно попросить кого-нибудь, чтобы довезли вас, – предлагаю я ей.

– Ну ево к чёрту! Я пяшой люблю. Так-то, колтых-колтых, и приду в свою деревню.

*Я ишла, ишла, ишла,
Ишла, торопилася,
Если б знала, ево нету,
Назад воротилася!*

Затем задумалась опять, пожаловалась:

– Как хочется в Голоплёки-то! Домик-то мой, деревянненькай, возле Анатоль Андреевича, знаешь? У меня са-ад... Завтра приду! – вдруг решительно заявила старушка.

– Точно придёте? Я ждать буду.

– Приду, как же не приду... Я ведь там родилась! – И вдруг спросила: – Кто там теперь новые-то?

И я подробно рассказываю ей о том, как и кто теперь живёт в Голоплёках. Услышав знакомую фамилию, сообщила:

– Эти из Губаревки, хамы, из крестьян. – Затем, понизив голос: Рóги носили! А говорят как? Кто, а у нас: кто. Далёко, а у нас: далеко. У них: каго-чаго. У нас етого нет. У нас по-другому было. Платица носили. Мы с ими не занимались.

– Баба Груня, да вы ведь сами из бедноты, неужели ещё различали, кто из однодворцев, а кто из крестьян?

– А как же! Мало ли чево, а ето первая дело! Чистые-то деревни были наша, Борзенки, Шаламовка, Русина ещё... Кальна – хамы, Ветрова – хамы. Счас-то они вон как ходють, а были хамы, крестьянския... Да-а, наши Голоплёки хорошия были... Были и богатые... А ето, штоб на ково работать – ни-ни!.. Ну да, мы бедные были, ходили в лапоточках. Оне, как ни говори, с отцами жили, а меня отец бросил. Всю жисть всё сама:

*Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милава любила,
Сама буду целовать... вот!*

Мы прощались с Аграфеной Афанасьевной «до завтра». Я сложила в сумку письменные принадлежности, мы с ней расцеловались. А она неожиданно опять зачестила:

*А што ето за садочик,
За зелёнькай такой,
А што ето за парнишка
Развесёленькай такой?*

Я уселась на диван, вынула блокнот, авторучку и записала эту частушку. Затем снова поднялась и снова стала прощаться. А она, развеселившаяся, помолодевшая, с хитринкой в лукавых глазах, никак не унималась:

*Он любить меня не любить,
Только славушку кладеть,
Палажил мой милай славу,
На всю улицу позор.*

*Девчонóчке стыдно стало,
Стала плакать и рыдать,
А мальчонке жалко стало,
Стал он ея уваймать:*

*Не плачь, девка, не плачь красна,
Будешь вечная моя,
Как надумаю жаниться,
Возьму замуж за себя.*

*А мамашечка сердито будет день и ночь ругать.
Вынимает дед с кармана свой же розовый платок,
Утирает девке слёзы и румяная лицо.*

Я лихорадочно записываю и эту песню, стараясь не упустить ни слова.

Наконец, окончательно распрощавшись со старушкой, схожу по ступеням крыльца. Но блокнот и перо держу всё же наготове. И не зря:

*Песни пела, грудь болела
Сердце волновалася,
По тебе, милёнак мой,
Я истосковалася! –*

летит вслед за мной её голос. Весёлый, задорный, молодой!

Ещё немного, и, того гляди, старушка пустится в пляс! Я уж и на ноги её босые поглядываю, так как и они не спокойны: вроде бы стоят на месте, на досках крыльца, а каждая жилочка на них дышит, волнуется, трепещет. Вот-вот они сорвутся с места:

*Через речку быстраю
Я мосточек выстраю:
Хади, милай, хади мой,
Хади летам и зимой!*

*Топ-топ галошами,
Ни корове, ни лошади!
Ни гогочеть, ни ревѣть,
Меня горе не берѣть!...*

– До завтра, баба Груня! – кричу я ей, стоя уже за калиткой палисадника. До завтра... если хватит у тебя сил добрести до родной деревни, хранительница уходящей нашей песни русской!

1986 год, Голоплеки

IV.

*Из собрания
Орловского объединённого
государственного
литературного музея
И. С. Тургенева*

И.М. Митрофанов.
Портрет монахини. (Великая княгиня Елизавета Фёдоровна). 1919 г.

СПАССКИЙ ГАРПАГОН (По материалам Описи имущества И.И.Лутовинова)

Среди тургеневских мест срединной России Спасскому, бесспорно, принадлежит главное место. В.П.Тургенева в своем дневнике так характеризует свои чувства по отношению к родному лутовиновскому гнезду: «Когда нынче утром увидела я на горизонте через стекла моего экипажа колокольню спасской церкви... Ах! И тогда показалось, что могила моя раскрывается, что я дышу полной грудью живительным воздухом родины, который меня воскрешает»¹.

Через много лет Тургенев опишет схожее ощущение: «Когда я подъезжаю к Спасскому, меня на каждый приезд охватывает странное волнение, да и не мудрено – я провел здесь лучшие годы своей жизни»².

Несомненно, что это чувство родного дома восходит к первым детским впечатлениям. Каким же было Спасское в пору детства Тургенева? На этот вопрос мы находим ответ в письмах В.П.Тургеневой, в воспоминаниях её приемной дочери В.Н.Житовой, в немногочисленных воспоминаниях современников и, наконец, в письмах и сочинениях самого И.С.Тургенева. Может быть, наиболее детально спасская усадьба представлена в описи имущества покойного И.И.Лутовинова, составленной в декабре 1813 года. Опись хранится в фондах Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева. С этим документом связана своего рода мистическая история. Он был приобретен в августе 1925 года от мценского кружка «Мировед», по акту от 15 января 1946 года считался пропавшим, но в июле 1962 года был обнаружен в подвале Дома Галаховых. Несколько лет назад документ был отреставрирован.

В нынешнем году Опись наконец была расшифрована и прочитана полностью. Теперь исследователи получили возможность работать с ней. До сих пор документ использовался лишь частично. В разные годы к нему обращались Б.В.Богданов³, Е.В.Проц⁴, Н.М.Чернов⁵. Однако сведения, заключенные в Описи, далеко не исчерпаны и содержат значительный материал для воссоздания истории усадьбы и характеристики личности её легендарного основателя.

Усадьба, основанная И.И.Лутовиновым в начале XIX века, сохранила свои очертания до наших дней – она расположена в тех же границах, что и во времена своего первого хозяина. С одной стороны она ограничена прудом, с другой стороны – плотиной; при въезде в усадьбу можно видеть построенную Иваном Ивановичем церковь Спаса

Преображения и остатки старого кладбища с мавзолеем над склепом, где покоится «старый барин». От бывших четырех «плодовитых садов» осталось два, но уцелели и стали подлинным украшением усадьбы липовые аллеи, высаженные в форме римской цифры XIX.

Увы, большая часть строений одного из богатейших имений Орловской губернии была истреблена временем. А при жизни основателя это было типичное помещичье хозяйство с тремя каменными парниками и деревянной оранжереей, с двумя мельницами, ветряной и водяной, с многочисленными службами, расположенными в специальных «флигелях».

«Экипажный двор» впечатляет своими размерами и поражает количеством и разнообразием экипажей. Среди карет два «дормеза» – «старый двухместный темно-зеленый» и «новый четвероместный темно-шоколадовой краски». Напомним, что «дормез» – это карета со спальными местами, предназначенная для дальних поездок; может быть, в четвероместном дормезе Тургеневы ездили за границу в 1822 году. Кроме карет, на экипажном дворе находились коляски, линейки, брички, «гаратайка или маленькая колясочка, обита кожей»; дрожки, немало послужившие Тургеневу в его охотничьих странствиях, телеги...

Для современного человека этот экипажный двор представил бы собой настоящий музей. Чего стоят, например, «сани двухместные, убранные белою тесьмою и алым трипом («трип» – это шерстяная ворсистая ткань вроде бархата) с таковою же подушкою и одеялом на медвежьем меху». Может быть, эти сани вспоминал Тургенев, когда в повести «Несчастливая» (1869) писал: «Тетушка подарила мне широкие генеральские сани с медвежьей полостью и пару откормленных вятков»⁶.

Иван Иванович мог по праву гордиться своими конюшнями, которых было целых три: «парадная о двадцати двух стойлах», «заводская о двенадцати стойлах» и «ямская о восьми стойлах», где можно было видеть породистых лошадей: «жеребец половый (т.е. бледно-желтый) английский», «жеребец бурый турецкий», «гнедой (т.е. темно-рыжий, с черным хвостом и гривой) допель» («допель» – лошадь эзельской или обвинской породы); меринов серых цуговых, т.е. предназначавшихся для упряжки цугом, что позволялось лишь знатным дворянам, целых восемь. Это для них на экипажном дворе хранились «восемь новых цуговых хомутов с кисточками». Как следует из писем В.П.Тургеневой к сыну, конный завод сохранялся в Спасском до начала 40-х годов. Понятно особенное отношение Тургенева к лошадям, сказавшееся в его детских письмах, да и в творчестве. Трогательно письмо двенадцатилетнего Тургенева к дяде, где

он описывает лошадь, которую хотел бы иметь: «Привези, пожалуйста, верховые лошади; моя была бы росту среднего, как Федорова лошадь; гнедая, вороненькая или рыжая, а если хочешь, серая, чтобы скоро бежала и не слишком борза. Вот какую я люблю»⁷.

Примечательной деталью быта тех времен является наличие вблизи экипажного двора двух палаток: «одна парусинная с полами красными полосами», «другая теплая – домик – стороны парусиновые белые, а изнутри подшита зеленым сукном». «К ним столик и пять стульев складные». Палатки были необходимой частью путешествий той поры; напомним, что имения Ивана Ивановича находились в разных губерниях и время от времени он их объезжал. Палатки разбивались также во время различных праздников и гуляний. Между прочим, в одном из последних своих рассказов – «Отчаянный» (1882) – Тургенев упоминает о палатке, разбитой героем – Мишей Полтевым: «<...> заезжайте-ка вечером в Сокольники. Там у меня палатка разбита <...>. А на палатке выппел, а на выппеле ба-альшими буквами написано: “Хор полтевских цыган”. Змеем выппел-то вьется, буквы золотые, всякому прочесть лестно»⁸.

Были при усадьбе, разумеется, и «скотный двор», и «птичий двор». На птичьем дворе среди простой птицы: кур, уток, гусей и индеек – находились птицы экзотические: павлин и три павы, «племенные и молодые», хотя в саду для них была выстроена специальная «павлинья горница», которая на момент составления описи была «пустопорожней». Что и понятно: зима в России суровая, и нарядная «павлинья горница» не спасала от морозов южных птиц.

Центром этого усадебного мира являлся господский дом, который был связан двумя «каменными полуциркульными галереями» с двумя «деревянными строениями», в правом строении было 11 комнат, в левом – 7.

Перед домом располагался цветник и плодовые деревья разных сортов. Парадная фасадная часть двора была отделена от остальной усадьбы железной кованой решеткой с двумя большими створчатыми воротами. Дом был большим и поместительным. Внизу было 12 комнат, в мезонине – 9. Однако ко времени смерти владельца он всё ещё казался необжитым: на первом этаже 3 комнаты были пустыми, а из 9 покоев, заполненных вещами, только в кабинете, диванной, гостиной и столовой были гардины на окнах.

Самое ценное находилось в спальне хозяина, как будто он постоянно боялся за своё добро. Например, сундук с серебром, которое весило 70 фунтов (28 кг). Среди прочего здесь можно было видеть 18 свечильников, из которых 4 шандала, т.е. крупных тяжелых подсвечника, 8 «одинаких», т.е. простых несложных подсвечников и 6 маленьких

подсвечников «аплике». В данном случае речь идет о подсвечниках из простого металла, покрытого тончайшим листком серебра.

Несомненно, Тургенев видел в детстве эти вещицы и, возможно, запечатлел их в своих произведениях. Вспомним, как старый слуга Антон в романе «Дворянское гнездо» (1858) поставил перед прибором «почерневшую солонку аплике о трех ножках»⁹ или как Эмилия в «Истории лейтенанта Егурнова» (1868), перечисляя якобы украденные у них с теткой вещи, причитала: «<...> и две ложки аншликэ»¹⁰.

В этой же спальне находились вещи, которыми Иван Иванович пользовался постоянно и которыми, вероятно, дорожил более других, как например, «табатерка старинная черепаховая с портретом покойного, с оправой золотой». Создавая галерею портретов людей XVIII века, Тургенев делает «табатерку» почти неизменным их атрибутом. Причем у Тургенева это слово также употребляется в архаическом начертании, свойственном XVIII веку. Вспомним хотя бы Ивана Матвеевича Колтовского из повести «Несчастная» (1869), который «сидит, с важностью озираясь кругом и медленно перебирая шепотку испанского табаку в золотой круглой табатерке с вензелем императрицы Екатерины»¹¹.

В спальне же хранилась фарфоровая посуда, бывшая в обиходе. Интересно, что среди обычных тарелок были «двадцать четыре раковины и одно блюдо для них». Поясним, «раковина» - это чаша или блюдце в форме раковины. Впрочем, посуда находилась и во многих других помещениях и кладовых: фаянс, фарфор (саксонский и китайский), английское серебро, бесконечные чашки, кофейники, сахарницы, соусники, «черный хрустальный графин с вензелем Ивана Лутовинова». В этом доме, кажется, ничего не выбрасывалось! Среди описи посуды мы встречаем «лотков семь, из коих три поврежденных», «салатников худых четыре» и т.д. Обратим внимание на такой предмет старинной кухни, как «маленькая игот зеленой меди с пестиком». Чтобы узнать, что это такое, пришлось воспользоваться словарем Даля. «Игот» - ступка; у Даля же мы нашли значение слов «длинный котел-передача». Это всего-навсего кухонная лохань.

Предметы одежды, упомянутые в Описи, позволяют представить нашего героя в разные периоды жизни и в разных житейских обстоятельствах. Вот парадная «представительская одежда»: «фрак вигоновый темно-синий новый» («вигонина» – животное козьей породы, близкое к ламе, «вигонь» – ткань из шерсти и пуха его), или «сертук с песцовым мехом, крыт темно-синим сукном». Вот два охотничьих кафтана: один – «с золотыми кистями, петлицами, пуговицами и зеленою подкладкою», другой – «зеленый с серебряными пуговицами и шнурками». Об охотничьих забавах прежних лет напоминают и ру-

жья, отмеченные в Описи, их 16. Тургенев, тоже страстный охотник, возможно, видел это охотничье великолепие, не случайно он назвал деда «степным Сарданапалом»:

*Вчера в лесу пришлось мне
Увидеть призрак деда...
Сидел он на лихом коне
И восклицал: победа!*

<...>

*Кругом – соседи-степняки,
Одетые забавно,
Толпились молча, бедняки!
И радовался явно*

*Мой дед, степной Сарданапал,
Такому многолюдью...
И как-то весело дышал
Своей широкой грудью.*

*Он за трубу держал лису,
Показывал соседу...
Вчера, перед зарёй, в лесу,
Я подивился деду.¹²*

Среди одежды – кафтаны, камзолы, фуфайки, жилеты, шейные платки, шлафроки, маскарадные платья («маскарадных платьев венецианов черных два, один подбит розовым атласом, а другой белую тавтою»), а также сапоги, башмаки и «пряжки башмачные», «золотые и серебряные с бусинами и с стразами».

В Описи представлена и зимняя одежда: «картуз бобровый с бархатным верхом зеленый», «собольи рукавицы», «сапоги на медвежьем меху», «муфта волчья, большая белая», «винчура волчья ветхая». М.И.Пыляев, рассказывая о жизни Петербурга в конце XVIII – начале XIX веков, писал: «В руках щеголя того времени непременно должна была быть <...> белая муфта, называемая “манька”. Эти муфты составляли необходимую принадлежность во время прогулок пешком, и всякий, имея их в руке, входил даже в гостиные». У Пыляева же мы узнали, что такое «винчура». «Винчуры носили богатые бары, потому что они делались из дорогих мехов; особенно славилась драгоценная меха волков туруханских. У графа А.М.Мамонова была такая шуба, стоящая ему 15 000 рублей»¹³.

Среди мундиров, ветхих и новых, военных и гражданских, в Описи значатся мундир «орловский» и три мундира «тульских», сохранившихся с тех времен, когда Иван Иванович в 1789-1790 годах был

предводителем мценской дворянской опеки, а в 1796-1798 годах – предводителем чернской дворянской опеки.

Лутовинов хранил и два «старых пажеских зеленого сукна» мундира, которые носил во времена своей юности, когда находился в Пажеском корпусе при дворе Екатерины II. Может быть, они были дороги ему как воспоминание о молодости, но скорее всего здесь проявилась его редкостная скупость.

Кстати сказать, среди одежды довольно много «ветхих женских платьев» из старинных тканей. Например, «платье обьяринное, шитое, лиловое, с белою ж обьяринною юбкою» («обьярь» – старинная плотная шелковая ткань с золотыми и серебряными узорами). Ещё одна загадка! Как известно, Иван Иванович был холост, к чему бы хранить ему женскую одежду и откуда она взялась?

На известном портрете И.И.Лутовинов изображён в парадном виде «в чёрном камзоле с белыми пуговицами и кружевным жабо»¹⁴. Ещё один портрет И.И.Лутовинова Тургенев «списал» для «Собственной господской конторы» (1859): «Прямо против господского бюро висел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане со стразовыми пуговицами, известного в своё время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила своё имя и которого поставила себе в образец»¹⁵. Любопытная деталь: в нашей Описи есть упоминание о 25 «больших стразовых пуговицах», снятых с кафтана, рядом указаны 25 «маленьких стразовых пуговиц». Известно, что И.И.Лутовинов был достаточно просвещенным человеком: в его кабинете стояли три шкафа с книгами, в «музыкальном» флигеле хранились инструменты крепостного оркестра, в доме находилось большое количество живописных полотен – картин и портретов – числом около пятидесяти. Эти картины и портреты оставались в доме и после смерти Ивана Ивановича и, вероятно, запечатлелись в памяти Тургенева. Не случайно в одной из его первых повестей присутствуют три старинных портрета. На одном из них «был представлен человек лет тридцати, в зеленом мундире екатерининского времени <...>. Одной рукой опирался он на трость с золотым набалдашником»¹⁶. В нашей Описи нашлась «трость с золотым набалдашником», а рядом ещё одна – «трость старинная под чёрным лаком с серебряным набалдашником и наконечником».

Что касается картин, можно думать, что Тургенев описал этот живописный ряд в своей поздней повести «Старые портреты» (1881): «Но пуще всего поражало в первый раз приехавшего гостя великое количество картин, развешанных по стенам, большей частью работы так называемых итальянских мастеров: всё какие-то старинные пейзажи, да мифологические и религиозные сюжеты»¹⁷. Возможно,

что часть полотен появилась в доме Ивана Ивановича, как и многое другое, в качестве залога или процентов. Как известно, он давал деньги в рост, о чём свидетельствуют и заемные письма на сумму 203 555 рублей, упомянутые в Описи. Но это отдельная тема. Новый век уже не признавал вкусов прежнего времени. В.Н.Житова вспоминает, что В.П.Тургенева употребила эти картины в Малой гостиной вместо обоев¹⁸.

В Описи значится такой по-настоящему редкий предмет, как «органчик» или «серинетка» – инструмент для обучения пению певчих птиц. И хотя клеток с птицами в Описи не числится, но мода на них в то время была большая, позднее и Варвара Петровна, и её сын Иван страстно любили птиц и имели их в доме во множестве. 21 марта (2 апреля) 1839 года Варвара Петровна писала из Спасского сыну в Берлин: «Птиц полная клетка – 2 снегиря, 2 щегла, 3 чижа – горихвостка, овсянка. – Синица летает по воле. – Соловей и жаворонки свещут в образной»¹⁹. А в творчестве Тургенева птицам, как известно, отведено почётное место.

Теперь спустимся в «каменный подвал, что под домом господским». В этом подвале мы нашли 276 бутылок разного вина. Большею частью это были французские вина, на современный взгляд, редких марок. Что может, например, современный человек сказать о вине марки «бишоф»? Нам удалось выяснить, что речь идёт о виноградном вине, настоянном на померанцах.

Но мы так и не узнали, что такое «византийское вино», ни один словарь не дал нам определения вина «губерзан», которого было 5 бутылок. Скорее всего составители Описи не совсем правильно прочли этикетку на бутылке французского вина, назвал же герой «Старых портретов» красное французское вино «Понтэ-Кане» «понтаком»²⁰. В подвале имелось и «марго старое», бордосское вино высшего качества, и «шатормарго» (Ле Шато Марго – бордосское крепленое красное вино), и любимый В.П.Тургеневой «рейнвейн». Было в подвале и португальское вино (4 бутылки), и венгерское (20 бутылок), сразу же вспоминается рассказ Тургенева, как «лет четырех он чуть-чуть не умер» и что «воскресило» его «старое венгерское вино»²¹.

И.И.Лувовину удалось многократно умножить состояние, доставшееся ему от отца. Видимо, это и было главной целью его жизни. Накопительство, надо думать, стало своего рода манией основателя Спасской усадьбы. Но доставило ли ему радость это богатство? Кажется всё же, что к нему применимы слова немецкого философа: «Сначала человек очень занят тем, чтобы собрать средства к жизни, а когда собрал, не знает сам, что с собою делать. И в первую половину жизни мучится, и во вторую тоже»²².

Примечания.

1. Жидкова С.Л. Спасское в письмах В.П.Тургеневой к И.С.Тургеневу /Пер. с фр. Л.А.Бальковой //Мир и музей. №1-2 (7). Тула, 2002. С.51.
2. Афонин Л., Мищенко А. На родине Тургенева. Тула, 1983. С.40.
3. Богданов Б.В. Предки Тургенева //Тургеневский сборник. Вып.V. Л., 1969. С.349-350.
4. Проц Е.В. Театральные затеи в Спасском //И.С.Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С.167-168.
5. Чернов Н.М. И.И.Лутовинов, его дом и хозяйство //Спасский вестник. Вып.2. Орёл, 1993. С.35-44.
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т.т. Соч. Т.8. М.: Наука, 1981. С.62. Далее ссылки на это издание: ППС и П(2), с указанием номера тома и страницы.
7. ППС и П(2). Письма. Т.1. С.169.
8. ППС и П(2). Соч. Т.10. С.30.
9. ППС и П(2). Соч. Т.6. С.63.
10. ППС и П(2). Соч. Т.8. С.9.
11. ППС и П(2). Соч. Т.8. С.91.
12. ППС и П(2). Соч. Т.1. С.60-61.
13. Пыляев М.И. Старый Петербург. Спб., 1889. С.452.
14. Каталог выставки 1909. С.88.
15. ППС и П(2). Соч. Т.5. С.7-8.
16. ППС и П(2). Соч. Т.4. С.83.
17. ППС и П(2). Соч. Т.10. С.8.
18. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Красноярск, 1986. С.44.
19. ОР РНБ. Ф.795. №92. Л.10-11 об.
20. ППС и П(2). Соч. Т.10. С.12.
21. ППС и П(2). Соч. Т.1. С.401.
22. Фет и его литературное окружение //ЛН. Т.123. Кн.2. М., 2011. С.504.

Е.М.Шинкова

ИСТОРИЯ «ПОРТРЕТА МОНАХИНИ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОГЛМТ

В середине 1970-х годов в Орёл приехал на постоянное место жительства Иван Михайлович Митрофанов, художник, всю жизнь отдавший педагогической деятельности. В те годы он был уже очень стар, очень болен и совершенно одинок. В Орёл – город, с которым была связана его творческая молодость, Митрофанов решил перебраться, когда старческие немощи сделали совершенно невозможным для него пребывание в родной деревне Баранья Гора Кали-

нинской области, где он прожил многие годы. Тогда он обратился к одному из бывших своих учеников – Игорю Ароновичу Круглому, орловскому искусствоведу и художнику. Игорь Аронович горячо откликнулся на просьбу о помощи и при содействии дирекции Орловского художественного училища перевёз Ивана Михайловича с его немудрящим скарбом в наш город.

Разместившись в мастерской Круглого, Митрофанов стал заново знакомиться с Орлом, который не видел несколько десятилетий. Несмотря на почтенный возраст, этот человек не только не утратил интереса к окружающему, но искал новых впечатлений, общения с людьми, мечтал о продолжении творческой работы. И он, действительно, много работал, писал пейзажи, охотно дарил их музею, изредка музей покупал какой-либо орловский пейзаж за чисто символическую сумму.

В музей И.С.Тургенева привёл Митрофанова Игорь Аронович, и тот сразу сделался постоянным посетителем музейных мероприятий, активным читателем музейной библиотеки. Оказалось, что Иван Михайлович – прекрасный рассказчик, живой, эмоциональный. Для сотрудников музея он скоро стал интересным и доброжелательным собеседником, который с увлечением вспоминал о годах молодости, о занятиях живописью, о встречах с художниками, о становлении Орловского художественного училища, куда в 1932 году был приглашён на работу, где преподавал историю искусства, начертательную геометрию, черчение, технику и технологию живописи, а в 1933 году возглавил училище и в качестве директора работал до 1948 года с трёхлетним перерывом, вызванным участием в Великой Отечественной войне.

Иван Михайлович прожил долгую, насыщенную событиями жизнь. Он происходил из крестьянской семьи, но его отец постарался дать детям образование. Один из старших братьев Ивана Михайловича преподавал литературу в Московском учительском институте, другой – занимался математикой, был профессором Московского университета. По их инициативе младший брат переехал из деревни в столицу, поступил в Московское реальное училище, затем прошел обучение в Художественной студии К.Ф.Юона и И.О.Дудина, и наконец – ВХУТЕМАС¹. Однако самое яркое воспоминание молодости, о котором Митрофанов рассказывал с неизменным восторгом и энтузиазмом, – это учёба у Константина Фёдоровича Юона. Связь со знаменитым художником не прервалась с окончанием обучения; учителя и ученика связала многолетняя дружба. Иван Михайлович как величайшую святыню хранил живописную кисть Юона, с которой после долгих колебаний решил

расстаться и подарил её музею И.С.Тургенева. Примерно в это же время Иван Михайлович рассказал сотрудникам музея, что у него в мастерской находится портрет монахини, который был им написан много лет назад и у которого удивительная история. Митрофанов говорил, что хотел бы при жизни передать портрет в музей, но на просьбу принести его и показать на заседании Фондово-закупочной комиссии музея ответил отказом, ссылаясь на большие размеры работы. Он пригласил придти и взглянуть на портрет, который имел название не иначе как «моя Лиза», что озадачивало и заинтриговывало тургеньцев. Надо сказать, что чего-либо интересного, а тем более неожиданного от этого посещения работники музея не ожидали. Они знали, что Митрофанов больших произведений не писал, кроме того, не был он и портретистом, основным предметом его живописи был натуральный пейзажный этюд. Однако не в правилах музейщиков обижать отказом владельца предлагаемого в коллекцию предмета без серьезного обсуждения и обоснованных аргументов.

Визит состоялся. И как только гости вошли в комнату, перед ними оказался большой, почти во всю стену мастерской, написанный в рост портрет молодой женщины в монашеской одежде. Мало сказать, что портрет привлекал внимание, сотрудникам музея И.С.Тургенева сразу стало понятно, почему автор называл его «Лиза»: тонкое, одухотворённое, невыразимо трогательное лицо прекрасной женщины, отрешившейся от земных страстей и суеты. Им, хорошо знающим творчество Тургенева, немедленно вспомнился эпилог самого орловского романа писателя – «Дворянское гнездо»: «<...> Лаврецкий посетил тот отдалённый монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел её. Перебираясь с клироса на клирос, она торопливо прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращённого к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только ещё ниже наклонила она своё худалое лицо – и пальцы рук, перевитые чётками, ещё крепче прижались друг к другу»².

Двух мнений не было: портрет, разумеется, следовало приобрести. Но возникал естественный вопрос: «Кого писал Митрофанов в 1919 году? (Дата указана художником на полотне). Какова судьба этой женщины?» Иван Михайлович охотно рассказал историю, которая, к сожалению, впоследствии в полной мере не подтвердилась. Человеческая память – несовершенный инструмент, много неточностей было в рассказе художника. По его словам, в годы его ученичества в мастерской К.Ф.Юона к мастеру обратилась жена московского генерал-губернатора, которая по ряду личных обстоятельств ушла в монастырь, и заказала свой портрет, создавать который он должен был по фотографии, т.к. из-за занятости монахиня не могла позировать,

правда, один-два сеанса все-таки обещала. У Юона тоже было мало свободного времени, поэтому он, занятый другими заказами, поручил написание портрета любимому ученику Ивану Михайловичу Митрофанову. Задание было выполнено, Юон одобрил и даже внёс свою лепту: доработал (или полностью переработал) цветы – лилии в левом нижнем углу портрета. Но работа осталась неоплаченной, т.к. заказчица эмигрировала из России после революционных событий. Таким образом, портрет оказался в собственности автора. Митрофанов рассказал, что портретом дорожил, не расставался с ним, куда бы его судьба не забрасывала. Уходя на фронт, не зная, останется ли жив, вернётся ли, старательно упаковал холст и спрятал, закопал в землю. Был счастлив, когда после войны нашёл тайник, и оказалось, что живопись сохранилась почти без повреждений. Сохранил он портрет и в период драматических событий в личной судьбе: в 1948 году Митрофанов был репрессирован, сослан на поселение в Нижний Тагил за то, что открыто выступил на собрании в Художественном училище в защиту фронтовика, который в первый год войны попал в плен, бежал, воевал с фашистами, имел боевые награды, а после войны подвергся преследованиям со стороны известных органов. После двух лет ссылки Ивану Михайловичу удалось с помощью друзей вернуться, но без права проживания в больших городах. Тогда он поселился на многие десятилетия в деревне Баранья Гора и занялся преподаванием рисования и живописи. Теперь, понимая, что жизнь приближается к концу, хотел бы, чтобы дорогой его сердцу портрет нашёл достойное место, был принят в коллекцию музея И.С. Тургенева. Так в музейной коллекции появился новый предмет, занесённый в Книгу поступлений под названием «Портрет монахини». Он сразу же начал экспонироваться на музейных выставках и всегда вызывал у посетителей ассоциации с орловским Дворянским гнездом и тургеневской героиней – Лизой Калитиной.

Но на этом история не закончилась.

Лидия Валентиновна Иванова³, перебирая в музейной библиотеке старые журналы за 1913 год, увидела фотографию Великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой. Сомнений быть не могло: на портрете Митрофанова изображена именно она – у музейного предмета появилось настоящее, а не условное имя.

Но и на этом открытия не прекратились.

В начале 1990-х годов в связи с работой над памятником И.А.Бунину⁴ в Орёл приехал скульптор Сергей Михайлович Клыков. За несколько лет до указанных событий он создал скульптурный портрет Великой княгини⁵ для возрождённой в Москве Марфо-Мариинской обители, которая была ею основана в 1909 году⁶. Узнав о картине И.М.Митрофанова, Клыков пришёл в отдел фон-

дов ОГЛМТ. Он подтвердил, что на портрете, безусловно, изображена Елизавета Фёдоровна, но категорически отверг предположение, что Юон, получив от Великой княгини заказ на портрет, мог перепоручить его своему ученику, даже если и был весьма занят, а ученик талантлив. Это совершенно исключалось, если вспомнить, какое место в русском обществе занимала Великая княгиня Елизавета Фёдоровна Романова, каким вниманием, любовью и почитанием она пользовалась. Уйдя от мира, Елизавета Фёдоровна выбрала особую форму подвижничества – благотворение. Все свои средства она отдала на устройство и обустройство обители, которую возглавила, в которой собрала и объединила подвижниц, вместе с нею творивших добрые дела в духе христианской любви, заботы о бедных и больных. Её неустанная, бескорыстная помощь людям из беднейших слоёв общества сделали Великую княгиню известной на всю Россию. Моральный авторитет этой замечательной женщины был настолько велик, что бывали случаи, когда в Москве за её каретой бежала толпа с криками: «Святая!»⁷. Да и дата, указанная Митрофановым на холсте – 1919 год – настораживает, поскольку после октябрьского переворота Марфо-Мариинская обитель переживала такие потрясения, что вряд ли имела возможность заказывать парадный портрет настоятельницы. Скорее всего, предположил Клыков, Юон дал ученику творческое учебное задание: по многочисленным опубликованным фотографиям написать портрет известной личности. С таким предположением трудно было не согласиться.

Однако история портрета и на этом не завершилась.

В 1997 году он экспонировался в столице на выставке, посвящённой 850-летию Москвы. Вскоре в музей пришло письмо от московского искусствоведа Людмилы Борисовны Максимовой. Она настоятельно советовала проверить авторство Митрофанова, для чего, по её мнению, следовало обратиться к высоко профессиональным экспертам. Что же дало ей повод усомниться в авторстве? Оказывается, в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им.А.Щусева (Москва) хранятся фотографии интерьеров кабинетов и залов Московской Елисаветинской гимназии⁸, сделанные около 1912 года фотографом П.В.Орловым. В большом зале на центральной стене – портрет Елизаветы Фёдоровны. Как выяснилось, этот парадный портрет в 1912 году исполнил К.Ф.Юон, а в 1917 году портрет был из гимназии изъят, возвращён автору и помещён им в собственную творческую мастерскую. Л.Б.Максимова предположила, что каким-то образом работа Юона оказалась у И.М.Митрофанова.

Сотрудники музея И.С.Тургенева испытали настоящее потрясение, когда увидели присланную копию фотографии Орлова: перед ними был хорошо им известный портрет работы И.М.Митрофанова.

Провели исследование, насколько позволяла копия: действительно, никаких расхождений. Стало ясно, что без научной экспертизы не обойтись. Музей И.С.Тургенева обратился во Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр им. академика И.Э.Грабаря и получил официальное экспертное заключение, в котором указано, что автором представленной работы («Портрет монахини», коллекция ОГЛМТ), бесспорно, является И.М.Митрофанов. К сожалению, эксперты затруднились определить, принимал ли какое-либо участие в работе К.Ф.Юон. В экспертном заключении сказано, что предположение об участии К.Ф.Юона в создании представленной на экспертизу картины на данный момент «не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто».

И тогда возникла последняя, и пока окончательная версия: И.М.Митрофанов копировал портрет, находившийся в мастерской Юона. Увы, уточнить уже не у кого. Иван Михайлович скончался в Орле в 1987 году. Но если данную версию принять, то становятся понятными его настоятельные уверения, что Юон принимал личное участие в работе: конечно же, Константин Фёдорович мог править и даже частично дописывать работу своего ученика, тем более, что тот копировал его творение. Можно логически объяснить и дату на холсте – «1919», ранее вызывавшую недоумённые вопросы⁹: это дата копирования, а не написания портрета-первоисточника.

Но пока всё ещё без ответа остаётся основной вопрос: где же находится в настоящее время портрет Великой княгини работы К.Ф.Юона? К сожалению, до сих пор поиски исследователей в этом направлении не дали положительных результатов. Не найдены документы, проливающие свет на его дальнейшую судьбу, нет упоминаний о нём и в воспоминаниях современников, друзей художника. Но поиски продолжаются. Искусствоведов, историков ждут новые открытия, а картина И.М.Митрофанова, имеющая несомненное музейное значение как художественный документ эпохи, приближает нас к великой женщине, которая, будучи немкой и англичанкой по крови¹⁰, называла и ощущала себя русской по духу, всеми силами искренне и самоотверженно служила России и приняла мученическую кончину, не предав высоких идеалов православия, в последние минуты земной жизни призывая Высший суд не карать своих палачей: «Прости им, Господи, не ведают бо, что творят».

Примечания.

1. ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) – московское учебное заведение, созданное в 1920г. в Москве путём объединения первых и вторых Государственных свободных художественных мастерских (образованных ранее на основе Строгановского художе-

- ственно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества).
2. *Тургенев И.С.* Дворянское гнездо. ПСС и писем: в 30 т. Сочинения. Т.6. С.158.
 3. Иванова Л.В. – сотрудник ОГЛМТ с 1971г. по наст. время.
 4. Памятник И.А.Бунину в Орле открыт в 1995г.
 5. Памятник Великой княгини Е.Ф.Романовой открыт в Марфо-Мариинской обители (Москва) в 1990г.
 6. Марфа-Мариинская московская женская обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909г.
 7. В 1992г. Архиерейским собором Русской православной церкви Великая княгиня Елизавета и её келейница, монахиня Варвара причислены к лику святых новомучеников Российских (ранее, в 1981г. они были канонизированы Русской православной церковью за границей).
 8. В 1880г. в Москве, в доме №11 (сейчас это дом №10) по улице Маросейке был основан Дом воспитания для детей-сирот воинов, погибших в русско-турецкой войне. При нем в 1884г. для девочек, лишившихся отцов, в старинном особняке Екатерининских времен была образована гимназия-пансион. В 1897г. она получила название Елисаветинской женской гимназии по имени Великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой – «высочайшей» попечительницы гимназии. Гимназия прекратила существование в 1917г.
 9. 7 мая 1918г. Е.Ф.Романова была арестована и выслана с группой великих князей в Екатеринбург, откуда их отправили в Алапаевск, где 18 июля 1918г. живыми сбросили в шахту и забросали гранатами.
 10. Елизавета Фёдоровна Романова родилась в семье немецкого великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории.

Литература.

- Круглый И.А.* Встреча с прошлым. Орёл, 2010.
- Миллер Л.П.* Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Фёдоровна. М., 1994.
- Маерова В.* Елизавета Фёдоровна. Биография. М., 2004.
- Православная энциклопедия. Т.18. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». С.389-399.

М.В.Алексеева

«СТИХИ НА ВЕЕРЕ, ПОДАРЕННОМ УКРАДКОЙ»

В ноябре 1918 года в провинциальном Орле были открыты одно за другим два учреждения: Пролетарский университет им.В.И.Ленина и Музей-библиотека им.И.С.Тургенева. Первое из них просуще-

ствовало совсем недолго, пережив преобразование из университета в Высший педагогический институт, переведенный в 1922 году в Воронеж. Ректором был Н.И.Конрад, выдающийся ученый - востоковед, академик, профессор, руководитель серии «Литературные памятники». Об орловском периоде деятельности Конрада и его дальнейших связях с Орлом достаточно подробно изложено в исследовании А.Ю.Сарана. Правда, автором было высказано одно сомнение: «В жизни каждого человека, дожившего до преклонных лет, сохраняются воспоминания юности. Иногда они становятся самым дорогим, что остается у человека. Сложно сказать, так ли было у академика Конрада с орловскими воспоминаниями»¹.

Орловский государственный университет был тесно связан и поддерживал деятельность второго учреждения – музея И.С.Тургенева, Николай Иосифович Конрад был дружен с его первым хранителем М.В.Португаловым, состоял, как и его студенты, членом учрежденного 14 мая 1922 года при музее Тургеневского научно-литературного общества. Именно по этой причине при подготовке к 50-летию Тургеневского музея к Конраду обратился письмом от 17 апреля 1965 года директор Л.Н.Афонин: «...В настоящее время сотрудники музея заняты сбором материалов к истории музея... Не располагаете ли Вы какими-либо материалами на интересующую наш музей тему?.. Мне очень приятно обратиться к Вам не только как к большому советскому ученому, но и человеку, так много и плодотворно поработавшему для развития культуры в Орле... Орловцы никогда не забудут этого»².

«Незабывтый орловцами» академик в ответном письме от 14 мая написал: «Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за те добрые слова, в которых Вы вспомнили о моей прошлой деятельности в Вашем городе. Никак не ожидал, что в Орле есть еще кто-то... кто помнит или знает об этом. А то – когда я года два-три тому назад осенью был в Орле и – после долгих колебаний – рискнул зайти в Педагогический Институт, я увидел на лицах его руководителей такое искреннее недоумение, что поспешил тут же ретироваться. А я думал, что мне покажут нынешний институт – хотя бы для того, чтобы я мог порадоваться тому, что у него – прекрасное новое здание, не могущее идти ни в какое сравнение с той маленькой «Алексеевской гимназией», в которой с моим участием и началась история вузовского образования в Орле»³.

И далее сообщил: «К сожалению, помочь вам в оборудовании мемориального раздела музея не могу. То небольшое, что у меня было, погибло во время блокады Ленинграда. Ведь москвичом я стал только после войны...»⁴. Причина хотя и была указана, но сообщена не

вполне достоверно. В словаре «Писатели Орловского края» (1981) этот факт из биографии Н.И.Конрада был обойден молчанием, хотя его вдова Н.И.Фельдман-Конрад в биографической справке указала: «30 июля 1938 года был арестован и в ноябре 1939 года осужден на 5 лет ссылки в г.Канск, но уже осенью 1940 года был возвращен на Лубянку в Москву и в октябре 1941 года освобожден с полной реабилитацией... С осени 1941 года – в Москве – профессор Московского Ин-та Востоковедения»⁵.

Николай Иосифович не мог даже представить, что буквально через две недели после его письма о погибшем личном архиве в Ленинграде, в Тургеневский музей поступит часть того, что могло храниться у него до ареста. В начале июня 1965 года главный хранитель А.И.Понятовский получил бандероль из Москвы от Л.А.Матвеевой с сопроводительным письмом: «По договоренности с вами, высылаю при этом стихи моей сестры С.А.Матвеевой. Прошу принять их на хранение в фонды, а если найдете возможным, опубликовать»⁶. Посылая акт приема на постоянное хранение, в котором значилось несколько единиц хранения, А.И.Понятовский выразил благодарность: «...Тургеневскому музею было приятно получить... материалы, связанные с творчеством вашей сестры С.А.Матвеевой. Ее творчество представляет для нас историко-литературный интерес. Чувствуется в ее произведениях сильное влияние поэтов-декадентов, которое Софья Александровна испытала, очевидно, в годы молодости»⁷. Вряд ли главный хранитель внимательно просмотрел принятые материалы, биография С.А.Матвеевой была составлена ее сестрой очень кратко: «Родилась София Александровна 28 сентября 1895 года в Орле, в семье почтового служащего... По окончании гимназии была сначала сельской учительницей, затем работала в учреждениях г.Орла. В 1920 году после смерти отца, семья переехала в Москву. Здесь С.А. продолжала работать в учреждениях в качестве служащей... Свыше 20 последних лет работала в организации “Железнодорожная книга-почтой”, в качестве инспектора-библиографа... Умерла С.А. 13 января 1958 года от рака. Ее стихи, – это в основном – “песни Сольвейг”. Песни любви и верности мечте»⁸.

Ключ к стихам был в самих стихах, при внимательном прочтении и сопоставлении можно было бы сразу понять, под чьим «сильным влиянием» были созданы эти «песни любви». Еще один ключ к этой тайне находился в руках подруги С.А.Матвеевой – Варвары Александровны Рюриковой, свояченицы писателя И.Ф.Каллиникова, именно она хлопотала о передаче стихов в музей. Ей в июле 1965 года Л.А.Матвеева написала: «Я получила ответ от Александра Ивановича (Понятовского – М.А.)... Об опубликовании – ни слова... Бу-

дут ли использованы музеем стихи, и как? Или это просто, как показатель работы музея? И стихи будут лежать и покрываться пылью? Я с Вами делюсь, – и Вы не должны принимать это, как акт неблагодарности с моей стороны... Большого Вы ведь сделать не можете... Поэтому я рада, и благодарна Вам и Александру Ивановичу и за то малое, что досталось Соне»⁹.

Папка с материалами личного фонда С.А.Матвеевой заняла свое место в музейном фондохранилище. Понятовский продолжил дружбу с сестрами Рюриковыми – Варварой, Еленой и Софьей, и после смерти последней из сестер принял семейный архив в музей. Как сказал однажды поэт: «Моим стихам как драгоценным винам, настанет свой черед». Для стихов С.А. Матвеевой черед пришел спустя полвека.

При документальной обработке фонда В.А.Рюриковой внимание привлекла тетрадь с ее поэмой любовного содержания «Песни моего сада» (1929), где главный герой «японский кавалер», «учитель, друг и брат», далее за поэмой следует приписка: «Когда эту поэму прочла моя старшая сестра (Герасимова; урожд. Н.А.Рюрикова, в 1-м браке Каллиникова – М.А.), она потребовала от меня фактов, скрывающихся за поэмой. В письме с “фактами” я начала излагать все пережитое с конца»¹⁰. Приписка относится к 1931 году, переписанная в тетрадь поэма стала прологом к воспоминаниям Варвары Александровны, которые она назвала «Белые цветы». В них много глубоко личного, они написаны с желанием «поделиться лучшим, что мне открыла и открывает жизнь, желание высказаться открыто и просто живет во мне уже много лет»¹¹.

Именно на этих страницах был обнаружен ключ к стихам С.А.Матвеевой, и пусть герой не назван, но узнать его уже не трудно: «Этот человек – молодой ученый, совершив далекое путешествие, в период полного расцвета сил, с жадной любви и творчества... приезжает в провинциальный город, где быстро выдвигается как лектор вновь рожденного пролетарского университета. Он быстро сближается с несколькими слушательницами, участниками философского семинария. Его богато одаренная натура ищет в женщине своего дополнения: к каждой... он подходит с мыслью – не она ли? И вот в силу каких-то неведомых причин и целей оказывается, что все сгруппировавшиеся около него слушательницы – есть тот единый гармоничный образ, предчувствие которого он носит в душе». И далее в тексте уточнение: «... все это происходит в 1919-1920 гг.»¹².

Как мы помним, в это время в провинциальном Орле, возвратившись в «другую» Россию после странствий по Востоку, сбежав

из голодного Петрограда, жил Николай Иосифович Конрад, летом 1920 года вел семинарий по изучению китайской философии. В фонде ИЗО хранится фотография Н.И.Конрада и М.В.Португалова, окруженных студентками, и все они в одеждах белого цвета, «белые цветы». К портрету «молодого ученого» того времени лучше всего подходят слова Д.С.Лихачева: «Самое первое, поверхностное и вместе с тем самое глубокое впечатление от Николая Иосифовича было в том, что это был очень красивый человек, – красивый не только чертами лица, внешним обликом, но и полным соответствием этой прекрасной внешности своему внутреннему душевному состоянию» («Слово об академике Н.И.Конраде», 1972). Как указано в исследовании А.Сарана: «Орловский период творчества Конрада исследователи отличают от последующих». Сам Н.И.Конрад также отличал его, сделав признание в 1966 году в коротком письме к Л.Н.Афонину в связи с поздравлением по случаю его 75-летия: «... с Орлом, и, в частности с Тургеневским музеем, у меня связаны воспоминания чуть ли не о самой яркой полосе моей жизни. Как давно это было и как мы все были тогда молоды!»¹³. Это был период интенсивного творчества, в Орле Николай Иосифович делает переводы двух памятников японской художественной литературы: «Записки из кельи» и «Исэ-моногатари».

«Записки из кельи» были опубликованы в единственном, ныне раритетном, издании «Записки Орловского Государственного университета» (Орел, 1921). Над переводом «Исэ-моногатари» Конрад работал в Орле, первая публикация состоялась в Петрограде в 1923 году. Эта книга состоит из 125 частей, представляющих собой сочетание прозы и стихотворений, и почти каждая часть начинается словами «В давние времена жил кавалер», и далее следуют стихи, обращенные к «даме его сердца». Во вступительной статье Конрад отмечал: «Когда кавалер... бросал даме при мимолетной встрече... коротенькое стихотворение – танка, то оно было совершенно неполно, его смысл и фактический и эмоциональный был совершенно недостаточен, если тут не подразумевать ответное стихотворение дамы, ее соответствующую эмоцию».

В Орле среди его учениц была лишь одна «дама», которая могла ответить «кавалеру» стихотворением. В своих воспоминаниях В.А.Рюрикова называет ее просто «поэтесса». «Она близка ему по интуитивному художественному прозрению в мир красоты, по тонкой художественной чуткости. Он ищет близости с ней, мечтает о совместном творчестве, заключается даже своеобразный договор»¹⁴. Имя и фамилия этой поэтессы расшифрованы В.А.Рюриковой позже, видимо в первом варианте «Воспоминаний об И.Ф.Каллиникове»

(1946 год). Это Соня Матвеева. «Мы были дружны еще в гимназии, а теперь в ун-те сблизилась еще больше. Соня писала стихи в ту пору технически далеко несовершенные, но было в них что-то свежее... Некоторые из Сониных стихов я показала Осе (И.Ф.Каллиникову – М.А.). Помнится, что в первую очередь я показала ему оду “На открытие в Орле пролетарского ун-та”. В свое время я, конечно, знала всю оду наизусть, но сейчас в памяти всплывают только отдельные строфы: “Идите пролетарии, здесь возвещают вам/ о новых лучших днях, о радостной свободе”... Что мог сказать Иосиф о таких примитивных стихах...». И далее В.А.Рюрикова приводит еще одно стихотворение, посвященное празднованию в университете 1-го Мая 1919 года, «к которому Ося отнесся уже гораздо серьезнее, в этом стихотворении уже давала себя чувствовать настоящая талантливость автора: “Ты слышишь песнь в лучистый час рассвета/ и как шумит кругом в цвету весна, и человек, стряхнув оковы сна,/ ей шлет свой гимн свободного привета”»¹⁵.

После отъезда С.Матвеевой в Москву в 1920 году подруги состояли в переписке. Сохранилось письмо к В.А.Рюриковой, которое по содержанию можно отнести к 1921-1922 годам, когда Н.И.Конрад еще жил в Орле и приезжал по служебным надобностям в Москву. Начало и окончание его отсутствуют, но главное объяснение произошедшего между «кавалером» и «поэтессой» сохранилось: «... Я надеялась и глубоко верила в тот договор, который был заключен с К. (во всех письмах сокращение фамилии Конрад – М.А.) и имела его как какое-то священное знамя и освещала им одинокие дни в Москве... Я любила К. и в то же время смеялась над ним. Помню, как я была непростительна глупа... в один ...день, оказавшийся для меня роковым... В этот день К. делал мне ясные намеки на женитьбу (теперь можно сказать об этом), а во мне сидел какой-то бес сопротивления... Я только смеялась над ним. К. не сумел тоже, вероятно, по свойственной ему стыдливости, подойти ко мне. Он не был уверен в моем к нему чувстве и ждал его проявления... Когда я вспоминаю этот день, я готова врать на себе волосы. Потом я все-таки ждала К... Но он, конечно, не пришел. Это было весною. Осенью я его вдруг встретила на улице... Мы остановились. Он звал в консерваторию слушать Бетховена... Мы немного постояли. Он был очень грустно настроен... На мой вопрос, почему он не зайдет ко мне, ответил “ведь вы уже тогда ничем себя не проявили и я боялся к вам заходить”. Еще он говорил, что много воды утекло с тех пор...”»¹⁶.

Стихи Софьи Матвеевой за 1921-1929 годы вовсе непохожи на те неумелые сочинения бывшей гимназистки, в них все полно К., «кавалером» и его рассказами о Китае, Корее и Японии, в них поэтесса

принимает образ «робкой Ли из Ямато», обращаясь к герою: «Это только к стихам виньетки,/ это Ваших рассказов фон,/ это только сирени ветки,/ это нежный, весенний сон// О, не будьте, мой Сан жестоки,/ как ушедший от мира муж,/ если этих виньеток строки/ не отдам Вам, тогда кому ж?»¹⁷. Эти стихи так созвучны «Исэ-моногатари», над переводом которой они могли работать вместе согласно заключенному «своеобразному договору». Больше встреч не было, каждый стал жить своей жизнью. В 1922 году Н.И.Конрад вернулся в Петроград, в год смерти матери (1927) женился на своей ученице Н.И.Фельдман.

Софья и Варвара продолжали, видимо, поддерживать отношения до 1929 года, далее письма отсутствуют, переписка возобновилась в 1943 году. После освобождения Орла от гитлеровских войск В.А.Рюрикова написала первая в Москву своей старинной подруге. Софья откликнулась немедленно: «Как я рада, что вы все живы и здоровы!.. Да, два года это что-нибудь да значит. Два года войны – это тяжело, но два года прожить в немецкой оккупации – можно сойти с ума. Пиши, как твоё здоровье и вообще подробно, как ты прожила это жуткое время»¹⁸.

В.А.Рюрикова с юности имела привычку писать письма в стихах, отправляла свои «поэмы» Софье Александровне, а та лишь в ответ грустно замечала: «...Целыми днями крутишься дома с разными делами... Конечно, ни о каких стихах не может быть и речи, а желание писать у меня всегда есть, но “знать, судьба моя такая”¹⁹.

В 1945-1946 годах Варвара Александровна начинает работать над «Воспоминаниями о И.Ф.Каллиникове», и, безусловно, напоминает подруге детства и юности о времени жизни в Орле в 1918-1920 годах, университете и, конечно, Н.И.Конраде. В ответном письме Матвеева делает горькое признание: «...воспоминания – это бремя лет. Я хотела бы все повторить сначала, но только по-другому... Я жонглировала чашей отмеренной мне радости, и в один печальный день она выпала из моих рук... я остановилась перед ее осколками, и сердце мое навсегда окаменело. С застывшим сердцем жить, конечно, было нельзя, я и не жила, и жизнь прошла мимо..., но все-таки твои письма возвращают меня к источнику моего былого “вдохновенья”...»²⁰.

Рюрикова обращается с просьбой использовать в воспоминаниях стихотворения Матвеевой, в том числе посвященные Конраду. И вначале получает согласие: «...мне все равно, делай, как знаешь. Только, если будешь приводить мои стихи, мне хотелось бы их от-делать, ведь они почти все как следует не доработаны»²¹. После сообщения о завершении воспоминаний Софья Александровна вы-

ражает сомнение в необходимости включения в них ее стихов. Затем из письма она узнает, что Варвара Александровна по просьбе М.И.Третьяковой, еще одной ученицы и помощницы Конрада в университете, написала Н.И.Фельдман, его жене. В ответном письме от 1 ноября 1946 года С.А.Матвеева иронически заметила: «Безусловно, он тебе ответит, интересно – в каком духе. Возможно напишет и его жена, так что ты будешь вся в “Воспоминаньях”. Только пусть моя тень в них не бродит». И совершенно неожиданно для самой себя закончила письмо стихотворением-экспромтом: «Я не хочу, чтоб в сумраке былого/ моя скользила тень,/ чтоб эхо спящее проснулось снова/ и взволновало день./ Не суждено мне было стать поэтом,/ забудь мой бледный стих,-/ он, с юных лет остался недопетым/ и медленно затих»²².

С этого времени «поэтесса» возвращается к творчеству, стихи, вызванные воспоминаниями о Н.И.Конраде, пишутся для орловской подруги. Правда, в 1947 году С.А.Матвеева категорически запрещает Рюриковой упоминать о ней и ее стихах в воспоминаниях. «Переписка наша вероятно скоро изживет себя, мы связаны прошлым, но нельзя уже все время черпать из этого источника, он уже иссякает»²³. Так практически и происходит. Письма в Орел приходят примерно раз в год накануне дня рождения В.А.Рюриковой, но почти в каждом Матвеева упоминает о своих попытках творчества. Рюрикова в свою очередь держит ее постоянно в курсе новостей о Конраде и его визитах в Орел.

В одном из писем Матвеева узнает, что ее юношеские стихи хранились Николаем Иосифовичем в Ленинграде: «...я очень рада, что они пропали у К. У меня даже настроение от этого лучше стало... Относительно встречи с ним... я очень просто смотрю на нее теперь, я и могу сказать в лицо К. самую горькую правду»²⁴.

Софья Александровна, хотя часто и досадовала в письмах к подруге по поводу К., но не могла не сознаваться самой себе, что постоянный источник ее вдохновения – «японский кавалер». Накануне Нового 1955-го года она написала В.А.Рюриковой в Орел, который не посещала ни разу после отъезда в 1920 году, очень светлое письмо: «Помнишь?.. “В давние времена жил кавалер...”, “Был месяц май...”, “Дама, доступная ощущениям тонким”... Это вспомнилось вдруг сейчас, и вот уже почувствовалось ...устремление от будничного, тусклого настроения к волнующим воспоминаниям... Пусть чувство почти заглохло, но оно в тяжелые минуты вдруг отзывается, пусть далеким эхом, и облегчает сердце – уже хорошо... И пусть забудутся все обиды и жестокости, которые невольно причинили некоторые из нас друг другу... Тех нас уж нет, кого же судить? И если получи-

лось не так, как нам мечталось, - кто же виноват? Может быть, мы сами, может быть и нет. Думать об этом теперь ни к чему. И пусть тишина и покой овеют наши поздние дороги»²⁵.

Дорога ее жизни оборвалась неожиданно. В январе 1958 года Варвара Александровна Рюрикова получила письмо из Москвы от сестры своей подруги Л.А.Матвеевой: «О последних днях Сони написать невозможно, очень тяжело. Она до последнего дня надеялась, что ее спасут... Она перенесла полную чашу страданий... Со своими надеждами на личную жизнь и счастье, а также со своим дарованием Соня простилась уже давно... жестокая судьба уготовила ей только страдания и смерть»²⁶. Еще зимой 1925 года С.А.Матвеева в одном из стихотворений, посвященных К., сделала признание самой себе: «Пусть будет – Нет,- пусть будет так,/ пусть скорбь звенит в последнем даре,/ но сердцу уж не жить впотьмах/ без звезд “Исэ-Моногатари”//...А жемчуг сказок давних дней/ так и остался без оправы.../ О, друг, кому же тяжелей/идти к последней переправе?»²⁷.

Путь к «последней переправе» её «друга и учителя» был долгим. Уже на закате жизни 30 сентября 1965 года (в месяц рождения С.А.Матвеевой, ей бы исполнилось 70 лет) Н.И.Конрад написал в Орел М.И.Третьяковой: «Лето было какое-то странное: необычайно спокойное и мирное. Имею в виду – душевное состояние... Очень много думается о прошлом – в плане какого-то просмотра всего, что делал за всю жизнь... все чаще посещают мысли – уйти в отставку и сократить до минимума связь с миром суеты...»²⁸. 30 сентября 1970 года он скончался. О его последних днях Третьяковой сообщила Н.И.Фельдман-Конрад: «Он хотел осенью приехать в Орел. Да, он собирался сделать то и то... А вместе с тем он некоторым своим друзьям говорил или писал, что ждет смерти... Мне говорили, что смерть была мгновенной – тромб мозга. Но последние сутки ему было очень тяжело...»²⁹.

В 1921 году в предисловии к своей публикации перевода «Записок из кельи» Н.И.Конрад дал объяснение основному принципу японской художественной литературы, «по-японски терминологически обозначаемой словом “Дзуйхицу”, что значит буквально “вслед за кистью”. ... как будто кисть сама бежит от строчки к строчке, – и летят вслед за нею и думы, и мысли, и чувства, и настроения». В качестве примера этого принципа привел повесть Сэй Сёнагон, известную в русских переводах под названием «Записки у изголовья». “Из под подушки” – так можно передать по-русски простое и вместе с тем незамысловатое наименование ее труда “Макура-но-соси”. То, что писалось не для других, из области может быть самых интимнейших переживаний, настолько интимных с одной стороны, и настолько необделанных... хотела сказать,

что это все ей так близко, так дорого, что может быть доверено только лишь изголовью, этому постоянному поверенному и мечтаний о счастье и стенаний о бедах, тайных и скрытых»³⁰.

Предисловие к будущей книге стихов С.А.Матвеевой можно было бы закончить ее признанием «подруге детства и юности» В.А.Рюриковой, сделанном 2 октября 1955 года в ответ на поздравление с юбилеем: «Это песня без слов, и о ней нельзя рассказать, и никто про то не знает. Я же вспоминаю о ней “только изредка, поздней порою после скудного, тяжкого дня”... Может быть, когда кончатся наши напасти, я смогу все-таки посвятить этому моменту своей жизни хорошее стихотворение – последнее»³¹.

Эпиграф к этому изданию сочинен много веков назад неизвестным автором, это один из отрывков повести «Исэ-моногатари» в переводе Н.И.Конрада: «В давние времена кавалер той даме, с которой связь порвалась не по причинам сердца.

*Краткий миг свиданья
мы вместе завязали
узлом крепким.
И пусть в разлуке мы -
потом ведь встретимся с тобою».*

Хотелось бы, чтобы в прекрасно иллюстрированном издании произошла встреча поэта, урожденной орловчанки – С.А.Матвеевой и Н.И.Конрада, всегда считавшего себя «действующим» орловцем, без которого эти стихи не смогли бы появиться на свет.

Приложение.

*Вы гуляете по Японии
И не вспомните обо мне
Как бы сердце стихами-броней
Защитить бы мне поверней?*

*По знакомым давно названиям
Я пошла бы за Вами вслед,
По зацветшим воспоминаниям
озаренных любовью лет*

*Вот кивают из древней повести
Кавалеры и дамы нам*

*И спешат рассказать все новости
Путешествующим гостям.*

*Кто в Ямато грустит по-прежнему,
Когда маком алеет клен,
Кто в Киото свирелью нежною
Все зовет улетевший сон.*

*И в каком повороте времени
Сказки светлые древних лет
Дорогим и тяжелым бременем
Неизвестный понес поэт.
1921-1923 гг.*

*Безмятежный и светлый, как греческий бог,
Вы пришли к нам, в наш маленький город.
В небесах нам сыграли чудесный пролог
Гераклит и Платон с Пифагором.*

*На земле же мелодией странной в ответ
Прозвучали японские сказки,
А потом Ваш любимый философ-поэт
Нас повел к неизбежной развязке.*

*Скорбно-плачущий, драмы трехактной герой
Вы теперь покидаете город.
В небесах провожают Вас тихой игрой
Гераклит и Платон с Пифагором.*

*На земле же, грустя о последних часах,
Вас простые друзья провожают,
И мелькает вдали на вокзальных путях
Чья-то бледная тень в черной шали.
1922 г.*

*Вьшиваю веер тонкий
Бледно-розовой каймой.
Научилась у японки
с утонченною душой.*

*Это веер Вам в подарок
Я готовлю уж давно.*

*Ах, узор его не ярок,
Но без Вас ведь так темно
1920-е годы*

*«Горы, горы меж мной и Киото,
Что туманитесь Вы пеленой».
Так давным-давно пел уже кто-то,
Истомившись о милом тоской.*

*Эту песнь я от Вас услышала,
И не знала, что станет моей.
Так сомкнулись конец и начало
В переплете тоскующих дней.
1920-е годы*

*Ну, и пусть в пустоту упало
Волшебное ожерелье.
Разве у знахарки мало
Разного зелья.*

*Ну, и пусть, что сердце так слабо
На тонкой держится нити.
Разве душа могла бы
Крикнуть «Уйдите».*

*Ну, и пусть разобьется чаша
С отчаянным звоном.
Разве на то воля не Ваша.
Пропасть бездонна.
1921-1922 г.*

*Опять будя уснувшую весну,
Даю обет одной лишь ей молиться.
Затрепетали ласково ресницы,
И взгляд лучистых глаз боязнь спугнул.*

*Весеннюю тропу не обогну,
Не дам былым ошибкам повториться.
Вновь прилетели голубые птицы
И кинули напевы в тишину.*

Когда в моем туманном небосводе
Очертит радуга чаруйный круг,
И сердце солнцем вспыхнет вдруг
И разгорится в песен хороводе,
Когда за взлетом грезы не поспеть,-
Тогда я знаю — это Ваша сеть.

12-20 октября 1923 г.

Ты стоишь, моя жизнь, предо мною —
Весь твой облик печален и строг.
Ты могла бы предстать мне иною,
И мне горек твой скрытый упрек

Ты глядишь, как с весеннего неба
Льется нежность апрельских лучей.
Что твой день никогда счастливым не был,-
Ты прости и уже не жалеи.

Для весенних раздумий мы стары,
И для нас у весны сказок нет:
На ее животворные чары
Седина наложила запрет.

15 апреля 1950 г.

Пусть медленной, докучной чередой
Безрадостные потянулись будни;
Пусть жизнь меж нами висится стеной —
Мы все равно друг друга не забудем.

Все дни весны в моем календаре
Зачеркнуты судьбою непреложной,
И мне в холодном, мгlistом октябре
О вешнем солнце только грезить можно.

Бегут часы. Ты где-то далеко.
Меня томят навязчивые мысли,
И нехотя, усталую рукой
Срываю дней моих немые числа.

январь 1956 г.

Примечания.

1. Саран А. Российские востоковеды в орловском контексте. Орел, 2005.
2. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.289. Л.51.
3. ОГЛМТ. РДФ. Ф.49. ед.хр.7964/5оф
4. То же.
5. ОГЛМТ. РДФ. Ф.158. ед.хр.16446/1оф
6. ОГЛМТ. Акты постоянного хранения за 1965г. Л.137.
7. То же. Л.138.
8. ОГЛМТ. РДФ. Ф.106. ед.хр.5529нв
9. ОГЛМТ. РДФ. Ф.106. ед.хр.44980оф
10. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44987оф
11. Там же
12. Там же
13. ОГЛМТ. РДФ. Ф.49. ед.хр.15631оф
14. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44987оф
15. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44999оф
16. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44944оф
17. ОГЛМТ. РДФ. Ф.106. ед.хр.5526нв
18. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44945оф
19. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44947оф
20. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44948оф
21. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44950оф
22. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44952оф
23. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44960оф
24. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44956оф
25. ОГЛМТ. РДФ. Ф.106. ед.хр.5523нв
26. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44981оф
27. ОГЛМТ. РДФ. Ф.106. ед.хр.5523нв
28. ОГЛМТ. РДФ. Ф.158. ед.хр.40266оф
29. ОГЛМТ. РДФ. Ф.158. ед.хр.40261оф
30. Записки Орловского Государственного университета. Вып.1. Орел, 1921.
31. ОГЛМТ. РДФ. Ф.57. ед.хр.44966оф

АВТОРСКАЯ ПОДБОРКА СТИХОВ И.А.НОВИКОВА. 1919 год¹

ЦВЕТЫ

БОРИСУ ЗАЙЦЕВУ

*Полуосенний, полuletний
Прими привет своих полей:
Чем неприметней, тем приветней,
И чем скромнее, тем милей.*

*Не так ли с детской колыбели
И до полуденных страниц
Хранит печаль твоей свирели
И сон земли, и блеск зарниц?*
6 авг. Притыкино

ПАУЧЁК

*На седоватой паучёк
На лёгкой нити раскачался:
Новорождённый старичок
Со мной по утру повстречался.*

*Что эта встреча мне сулит?
Мужицкий разум говорит:
Коль паука убить случится
До сорока грехов простится.*

*Но и другую знаю я
Сентиментальную примету!
На паутинке той паря,
Сулит он счастье поэту.*

*Какой же путь для дня избрать:
Грехов отправить в Лету рать,
Иль грешного, земного счастья
Вкусить минутное причастье?*

*Тот выбор сделан мной давно,
Когда я сам ещё спускался
Из лёгкой нити чрез окно...
Когда, решивши быть, родился.*

*За счастье, за жизнь равно
Платить судьбою суждено...
Малютку, так и быть, привечу,
А за грехи уж сам отвечу.*

Примечания.

1. ОГЛМТ, Ф.16, ед.хр. 34114оф.

АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ В БИБЛИОТЕКЕ НОВИКОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.
Можно составить верное понятие об уме и
характере человека, осмотревши его
библиотеку.

Л.Блан

Человек, книга, чтение, жизнь – эти слова тесно взаимосвязаны друг с другом. В наше время трудно себе представить образованного человека, не читающего книги, пусть даже в компьютерном виде. Но мало кто задумывается над тем, что есть люди, для которых книги могут быть единственными друзьями в жизни, не способными на предательство, скрывающими в своём молчании внутренний мир человека. Почти каждый ребёнок в детстве любит, чтобы ему читали вслух. С этого момента и начинается его вхождение в мир книг. Кем он станет, просто читателем, писателем или собирателем книги – это зависит от многих факторов, но начало всему – семья. Так было и у И.А.Новикова, нашего земляка, известного поэта и прозаика. Подтверждают это строки из воспоминаний: «Несмотря на скудные средства в доме у нас было много книг, привозимых моими старшими братьями. По вечерам часто кто-нибудь читал вслух»¹. Любовь к чтению у Новикова была огромная. Зародившаяся в детстве, она впоследствии переросла в «любимый писательский труд»². Вся жизнь Ивана Алексеевича была связана с книгой. Работая в разных издательствах, сотрудничая со множеством газет и журналов, он за долгую творческую жизнь приобрёл много друзей и знакомых. Результат всего этого – большое книжное собрание. Библиотека насчитывает более трёх тысяч изданий. Около половины из них с автографами. Ещё при жизни писатель завещал свою библиотеку музею И.С.Тургенева в Орле. Частично её передачу в музейные фонды начала приёмная дочь Ивана Алексеевича, а также его личный секретарь и библиограф, М.Н.Новикова-Принц. Впоследствии другие родственники продолжили эту работу. Счастливая судьба у собрания нашего земляка, оно не было распродано на аукционах или разделено на мелкие части и утрачено для современного исследователя (к сожалению, таких примеров очень много). Библиотека заняла достойное место среди мемориальных книжных коллекций Орловского объ-

единённого государственного литературного музея И.С.Тургенева и открыта для читателей.

Для многих писателей книга – это неотрывная часть жизни, важный этап биографии. Библиотека Новикова явное тому доказательство. Несколько сотен экземпляров книг отражают огромный кругозор писателя. Поскольку его творческий путь начинался в эпоху символизма, то неудивительно, что в его книжном собрании много изданий начала XX века, а автографы А.Блока, В.Брюсова, А.Белого, П.Кречетова, М.Цветаевой, Вяч.Иванова делают её поистине уникальной. В отдельном ряду стоят книги с автографами наших земляков: Л.Андреева, И.Бунина, Б.Зайцева, С.Булгакова, И.Каллиникова, Д.Блынского. Среди редких изданий XIX века следует отметить книгу немецкого писателя-сентименталиста, родоначальника буржуазного семейного романа Августа Лафонтена (1758-1831) «Аристокмен и Горг», вышедшую в Москве в Университетской типографии в 1803 году. Этот популярный в своё время автор, однофамилец знаменитого французского баснописца Жана де Лафонтена, впоследствии был окончательно предан забвению и не переиздавался. Исключительную библиографическую редкость имеет прижизненный двухтомник стихотворений Николая Щербины (1821-1869). Приобретена эта книга И.Новиковым в букинистическом магазине за 25 рублей, о чём свидетельствует печать на форзаце. Там же наклеен экслибрис библиотеки Лейб-гвардии Финляндского полка. В 1806 году в Стрельне был сформирован батальон Императорской милиции, в дальнейшем он был переформирован в полк и назван Финляндским. В 1812 году участвовал в сражениях под Бородино. Библиотека полка начала создаваться в 1820-х годах. К 1841 году её фонд составлял 143 тома, в 1866 – 3523. Данный томик стихотворений Н.Ф.Щербины, вышедший в свет в 1857 году, был зарегистрирован в библиотеке под №1561.

Интересен тот факт, что Н.Ф.Щербина, один из самых популярных поэтов своего времени, родился недалеко от Таганрога. Этот город на берегу Азовского моря, основанный во времена Петра I, впоследствии стал родиной великого писателя А.П.Чехова, чьи произведения так любил И.А.Новиков. В 1898 по инициативе Чехова здесь был построен городской музей. В библиотеке Ивана Алексеевича есть интересное издание Таганрогского музея. Это брошюра «Пушкин в Таганроге». На форзаце дарственная надпись: «Глубокоуважаемому автору “Пушкина в Михайловском” Ивану Алексеевичу Новикову – сочинитель. 16.II.1941г.». Её автор, Василий Митрофанович Базилевич (1892-1943), был известным украинским историком и музееведом, опубликовавшим более 50 своих работ. В 1941

году он стал директором Таганрогского краеведческого музея и во время оккупации всеми силами пытался остановить разграбление уникальных фондов, в которых находились картины Айвазовского, Шишкина, Поленова и большая коллекция антиквариата. В 1943 году В.М.Базилевич за свою патриотическую деятельность был расстрелян фашистами.

Почти каждая книга в коллекции Новикова – это частица его души, тесно переплетённая с историей нашей страны. Среди огромного массива литературоведческих и художественных изданий выделяется книга Г.А.Зисмана «Мир атома». К художественной литературе она не имеет никакого отношения, и автографа на ней нет. Так с какой же целью приобрёл её Иван Алексеевич? Гирш Абрамович Зисман был доктором физико-математических наук, область его научных интересов связывалась с изучением теории античастиц. Эта книга вышла в серии «Научно-популярной библиотеки» Государственного издательства технико-теоретической литературы в 1949 году большим тиражом. Цель её – рассказать о строении атома. Интересно это издание тем, что почти на каждой странице многочисленные пометы И.Новикова. Подчёркивания карандашом, характерные восклицательные и вопросительные знаки и надписи свидетельствуют о том, что наш земляк очень серьёзно подошёл к чтению этой книги. Например, на странице 15 у него вызвала удивление информация о том, что «масса электрона в 1840 раз меньше массы легчайшего (водородного) атома». На странице 19 под фразой о том, что альфа-частица пронесётся через электроны «так же легко, как майский жук сквозь комариный рой», вполне справедливо пометил карандашом, что «жук в 7 Зоораз (неологизм И.А.Новикова – Л.С.) быстрее “комара”? И как это он пронесётся, когда «комары» его обгонят, а не он их?». Всё это в очередной раз доказывает, что только серьёзное отношение к чтению и огромная жажда постоянного совершенствования своих знаний определяли удивительный кругозор писателя. Современники восхищались тем, каким умным и интересным он был собеседником.

Из всего массива книг, входящих в библиотеку И.А.Новикова, особенно стоит выделить пушкиниану. До конца своих дней он собирал литературу о любимом поэте. Стоит ли говорить, что Новикова с творчеством Пушкина связывало не просто желание написать роман о нём. Великий поэт всю жизнь был для него наилучшим примером самоотверженности, великой доброты, героем «не своего» времени. Среди собраний сочинений, сборников стихов, переписки и других пушкиноведческих исследований присутствует книга В.Е.Якушкина. Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856-

1912), известный литературовед и историк, был внуком декабриста И.Д.Якушкина. За реферат об общественных взглядах Пушкина был выслан в Ярославль. Свои статьи и заметки о Пушкине он опубликовал отдельным изданием, которое вышло в свет к 100-летию со дня рождения поэта в издательстве братьев Сабашниковых. На титульном листе книги рукой И.А.Новикова надпись: «Так недаром сведён я судьбой в эти нищие годы с тобой. 6 июля 1919. Москва». Пояснительная надпись М.Н.Новиковой-Принц свидетельствует о том, что эта книга была подарена Иваном Алексеевичем жене Ольге Максимиллиановне Левенштейн в день её рождения. Бесконечную любовь и уважение к ней Новиков пронёс через всю жизнь. Много книг было у нашего земляка с автографами разных лиц, но эта, пожалуй, единственная в его коллекции, на которой посвящение он написал сам. Она бережно, как дорогой подарок, хранилась Ольгой Максимиллиановной, а впоследствии её дочерью Мариной Николаевной.

В библиотеке Новикова много интересных изданий, они постепенно раскрывают свои тайны тем, кто настойчив и никогда не теряет интереса к чтению. По словам самого Ивана Алексеевича «любую вещь, над которой работаешь надо не оставлять в покое, пока не дано 100% того, что можно в ней дать»³.

Примечания.

1. Орловский альманах. №4. Орёл, 1952. С.107.
2. Там же. С.127.
3. Книга о книгах. №4. М., 1924. С.83.

Л.Е.Максимова, Л.Г.Солодухина

КНИГИ С ТРУДНОЙ ВОЕННОЙ СУДЬБОЙ

Все мы любим книгу не только как источник знаний, книга помогает нам жить, трудиться, отдыхать, в тяжёлое время облегчает трудности, а на фронтах Великой Отечественной войны она помогала солдатам воевать и побеждать. Книжное слово – сильное и грозное оружие. Оно может поражать врага сильнее огнёмётов.

Известный орловский писатель и литературовед, директор музея И.С.Тургенева с 1959 по 1967 годы Леонид Николаевич Афонин с первых дней и до конца войны был на фронтовой полосе. Призван рядовым, демобилизован из ГДР в декабре 1950 года майором. Он рассказывал, какую радость доставила взводу, в котором он служил,

бандероль, полученная им от известного литературоведа Дмитрия Дмитриевича Благого. В ней были книги «Левша» Н.С.Лескова, «Записки охотника» И.С.Тургенева, стихи А.С.Пушкина и лекция Д.Благого о Крылове. Книжки эти берегли, читали и перечитывали. А в 1942 году во время кровопролитных боёв под Минском в день своего 24-летия получил в подарок от невесты тетрадочку с переписанными ею стихами К.Симонова «Жди меня и я вернусь...», которые читались всеми солдатами и офицерами. А сколько таких книжечек и книг ходило по рукам и сколько их, зачитанных и простреленных, осталось на поле боя и вернулось в архивы!

В фонде «Редкая книга» Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева такие книги есть. Одна из них: Д.И.Писарев «Литературно-критические статьи», издания 1940 года. Она была найдена орловским писателем-журналистом Борисом Ивановичем Поповым на белорусской земле, где проходили жестокие бои. Б.И.Попов, передавая в дар музею эту книгу, оставил следующую запись: «В июле 1954г. в окопе, близ Вилейки Минской обл., лежала она в кожаной полуистлевшей офицерской сумке». Так и осталось неизвестным, кому принадлежал томик в сером переплёте, но точно известно, что никакая война не может остановить и погасить любовь человека к познанию культуры и литературы.

В августе 1984 года музей получил от участника войны, кол-лекционера, орловского жителя Алексея Петровича Мельникова в подарок книгу И.С.Тургенева «Отцы и дети» издания 1931 года. Алексей Петрович книгу сопровождает записью: «В 1944 г.-24 июня Красная Армия освободила г.Оршу БССР от немецкого фашизма. Мною, участником боёв в 1811 стрелковом полку, 178 Оршанской Краснознамённой дивизии в д.Андреевичи, в одной разбитой избе на полу обнаружена среди мусора книжка орловского писателя И.С.Тургенева, роман «Отцы и дети» издания 1931 года. Берёг эту книгу до дня победы. Демобилизовался в 1945 году. Книга вместе со мной вернулась в Россию. К празднику 40-летия Победы, передаю её в фонды Орловского музея Тургенева».

«23 октября 1943 года исполнилось сто двадцать пять лет со дня рождения замечательного русского человека, великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева». Эти строки из детского журнала «Костёр», основанного в 1936 году С.Я.Маршаком и выходившего в блокадном Ленинграде. В декабре 1984 года в фонды музея поступил седьмой номер журнала за 1943 год. Его подарил известный литературовед, автор книги «Орловские литературные места» Н.М.Чернов. В сопроводительном письме он написал: «Журнал вышел в осаждённом Ленинграде и был единственным органом жур-

нальной печати, откликнувшись в ту суровую пору на 125-летие со дня рождения И.С.Тургенева. Автор статьи Мария Николаевна Эгерштром, в то время педагог, жившая в блокадном Ленинграде, является внучкой Елизаветы Петровны Тургеневой (в замужестве Крюгер) – двоюродной сестры И.С.Тургенева. Он был ближе всех из отцовской родни. Номер журнала сохранился у Марии Николаевны Эгерштром, она подарила его мне, а я с удовольствием передаю в музей». Журнал «Костёр» давно уже стал библиографической редкостью, несмотря на то, что тираж его был довольно большой для блокадного города - 7 тысяч экземпляров. Каждый его номер встречали с радостью как хорошего друга. Он помогал выстоять в невыносимых условиях.

«Там, где сжигают книги, будут жечь людей». Это изречение Генриха Гейне позволяет понять, как тесно сплетаются судьбы книжных собраний и человеческие жизни. Во время войны наш город сильно пострадал, почти весь он был разрушен. Среди тех, кто освобождал Орёл, был военный журналист Борис Николаевич Полевой. Он был автором книги «Повесть о настоящем человеке», которую написал за 28 дней, когда проходил Нюрнбергский процесс. Прототип главного героя повести Алексей Маресьев участвовал в Орловско-Курской битве. Летом 1943 года с ним познакомился Б.Полевой. Воспоминания об этой встрече позже и легли в основу книги. Б.Н.Полевой знал, что в Орле есть музей И.С.Тургенева, и когда вместе с нашими солдатами одним из первых вошёл в горящий город, то направился к нему. Здание музея было в дыму, солдаты тушили очаги пожаров. В куче горящего хлама журналист увидел книгу. Он поднял её и стал рассматривать. Это был роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» на французском языке, парижское издание, в переводе и с предисловием французского писателя Проспера Мериме. На страницах от тиски круглой печати и углового штампа, подтверждающие принадлежность книги музею И.С.Тургенева. Позднее удалось установить, что книга была зарегистрирована под № 719 в 1919 году. Б.Полевой подписал свою находку: «Эта книга найдена в Орле 5 Авг. 1943г. среди хлама у развалин Тургеневского музея. По-видимому, это из книг Тургенева библиотеки с его пометами». В 1969 году Б.Н.Полевой прислал книгу в музей. В сопроводительном письме он написал: «...Книгу положил на дно вещевого мешка и долго путешествовал с нею... Книга пролежала у меня более 20 лет. Я с удовольствием возвращаю Вам книгу по принадлежности. Посылаю Вам и свою фотографию того военного времени и желаю всем гражданам города Орла, с освобождением которого у меня связано немало солдатских воспоминаний, всего самого хорошего. Ваш Б.Полевой»¹.

В марте 1984 года в Орёл приехала группа школьников из с.Молдаванского Крымского района Краснодарского края. Экскурсия по городу всем очень понравилась, но особенно запомнился музей Н.С.Лескова. Среди его экспонатов был журнал «Нива». Учительница, Вера Ивановна Шеховцова, сопровождавшая детей, рассказала, что у неё дома есть подшивка этого журнала за 1903 год. Она спасла его от огня во время войны. Через два месяца Вера Ивановна прислала журнал в музей. В сопроводительном письме она рассказала его историю: «... Он попал в нашу семью в 1943г. в с.Красном Тарутинского р-на, Измаильской обл. (ныне Одесской), куда нас угнали немцы из родного села, т.к. наше село фашисты превратили в центр своей обороны «Голубая линия». В одном из дворов с. Красное румыны жгли книги, а я со своим старшим 12-летним братом "воровали" из костра книги и носили их старшей сестре. По возвращении на свою родину мы привезли с собой этот интересный журнал. Когда мы были у Вас в музее, я пообещала подарить музею остатки подшивки. Сейчас я высылаю одновременно письмо и бандероль».

В фондах музея много книг, изданных в годы войны и переживших её. Они давно стали библиографической редкостью. Среди них произведения И.С.Тургенева, М.М.Пришвина, Н.С.Лескова, И.А.Новикова и многих других писателей-классиков. Но есть особые книги – книги, изданные через десятки лет после войны. Написаны они очевидцами тех страшных событий и только дата издания более поздняя, а память сохранила всё точно. Если жизнь будущего писателя опалила война, то и книги его тоже с военной судьбой. В «Редком фонде» музея И.С.Тургенева хранятся произведения известного писателя, сейчас живущего в г.Пскове, Александра Александровича Бологова. Родился он в Орле, и трудное военное детство тоже прошло здесь. Вот что пишет он в своих воспоминаниях: «...Совсем незабываемое - с войны, вернее с оккупации. Помнится очень много и чётко, не искажаясь временем... Многие из того, что пережил в 10-12 лет, станет позже материалом для моих повестей. Именно тогда я увидел героев моих повестей среди тех, кто жил со мной рядом – это были женщины: мужики воевали за них на фронте. Часть отступила с нашими. Да, в войну Рабочий Городок почти весь выгорел – наши самолёты бомбили зарывшиеся здесь моторами в землю немецкие машины и танки, копившие силы перед смертельной для многих из них Прохоровской битвой на Орловско-Курской дуге летом 1943 года. В нашем доме жили трое немцев: один со светлым кубиком на погонах с окантовкой, второй с окантовкой, но без кубика и денщик первого, солдат. Он носил с кухни обеды в котел-

ках, даже пёк в нашей печи пироги, по “их” праздникам. Нас, стеснившихся в тёмной без окна комнате и кухне, вроде никак не притесняли, – как бы не замечали... Все более или менее ценные вещи были обменены в деревнях на картошку, зерно (мололи сами на соседской ручной мельнице-самоделке)... Помню деревню, куда ходили с мамой “менять”, Путимец, – кажется, от Орла в 25 километрах. По голым снежным полям, днём (ночью выходить из домов запрещено), растирая в мороз худые коленки... Многие события далёких лет оккупации память хранит очень верно, как недавнее, чуть ли не вчерашнее»². Пройдут годы, уйдут люди – очевидцы жуткой войны, а книги останутся, и их выцветшие, обгорелые страницы напомнят нашим потомкам о далёком прошлом, о мужественных людях и их судьбах, и в своём вечном молчании сохранят память о них.

Примечания.

1. *Полевой Б.Н.* Письмо 1969г. ОГЛМТ 16106оф.
2. *Бологов А.П.* Автобиография. С.2-3. ОГЛМТ 45102оф.

Е.А.Кубарёв

КЛАССНАЯ НАСТАВНИЦА

(воспоминания, навеянные рисунками в старинном альбоме)

Поводом для этих заметок стал один доклад на заседании Тургеневского общества. Сотрудница музея Тургенева Е.М.¹ рассказала о загадках старинного альбома и о гипотезах, связанных с атрибуцией изображённых в нём лиц. Очень заинтересовал меня рисунок, который можно бы озаглавить: «Классная наставница». Прослушав доклад, я не сразу понял, что речь шла о человеке, под опекой которого я учил русский язык и литературу целых три года в Орловском музыкальном училище. Лишь к концу рассказа Е.М. меня осенило: одной из героинь его была наша учительница литературы, она же совладелица старинного альбома!

Время, которое отделяло момент создания портрета «классной наставницы» в альбоме и пору, когда я был учеником этой самой наставницы, т.е. несколько десятков лет спустя, сделало своё дело: перемены в лице произошли разительные. Но главное в нём, его выражение, оно бессильно было изменить.

И вот мало-помалу я стал вспоминать эпизоды моего учения в Орловском музыкальном училище в 1945-1948 годах.

У Александры Михайловны на уроках литературы было всегда интересно. Эти занятия живо встают передо мной, хотя с тех пор прошло немало времени.

Сохранился так называемый «паспорт» преподавателей Музыкального училища. Здесь находим имя Александры Михайловны Михеевой, 1879 года рождения, русской, беспартийной.

За строкой «паспорта» стоит жизнь незаурядного человека, педагога с большой буквы. Все, кто у неё занимался, всю свою жизнь будут помнить её с благодарностью.

А.М.Михеева похоронена на Крестительском кладбище в Орле. Помнится, могила её была перед церковью, метрах в двадцати от неё, если идти к храму от центрального входа, с левой стороны от дорожки.

Вспоминаю свой разговор с преподавателем музыкальной школы, композитором Николаем Ильичом Стрегловым. Говорили об учёбе в училище, об учителях. Конечно, вспомнили Александру Михайловну Михееву, совершенно непохожую на преподавателей других общеобразовательных предметов. По своим манерам она казалась нам человеком из другого мира. Николай Ильич с гордостью говорил о себе: «Я был в числе первых её учеников». Зная его склонность к литературе, я не удивился. Только заметил, что сам я был в числе последних её учеников, а по литературе и я имел хороший балл. Николай Ильич пришёл в училище в самый год его открытия. Тогда же А.М.Михеева устроилась туда на работу. Это было ещё до войны. Когда в начале 50-х годов мне пришлось поработать в эстрадном оркестре при кинотеатре «Родина», я познакомился с музыкантами, учившимися в Орловском училище в довоенные годы и хорошо помнившими своих педагогов.

Мне посчастливилось: я учился у Александры Михайловны три полных курса (с первого по третий курс). В конце 3-го курса наши занятия русским языком и литературой закончились. Это был последний год работы нашей наставницы в училище. В 1948 году окончился жизненный путь этого замечательного педагога и человека.

Трудовой путь Александры Михайловны начался в далёком 1910 году. Тогда, после окончания парижской Сорбонны, она поступила на должность классной наставницы в Орловскую Николаевскую женскую гимназию.

Удалось обнаружить фотографию тогдашней начальницы гимназии Зинаиды Африкановны Сафоновой, семья которой была связана дружбой с И.С.Тургеневым. Понятно, каким образом старинный альбом Сафоновых оказался в руках А.М.Михеевой: надо думать, его передала Александре Михайловне сама Зинаида Африкановна.

Характерный эпизод жизни Николаевской гимназии, связанный с Тургеневым. О нём упоминает священник Вознесенский в своей речи на панихиде по писателю (опубликована в Епархиальных ведомостях от 27 августа 1883 года).

«<...> Позволю себе привести пример из множества частных случаев. Прошлый год (1882) в пользу здешней женской Гимназии устраивался литературный вечер. Обратились к Тургеневу с просьбой, не пришлёт ли он из своего портфеля что-либо для прочтения? И маститый старец был настолько добр и внимателен к провинциальному учебному заведению, что на имя начальницы прислал из Парижа письмо, в котором выражал своё искреннее сожаление, что у него не имеется ничего подходящего для прочтения, счёл своим долгом при-слать свою приличную денежную лепту в пользу бедных учениц».

Так что Александра Михайловна в Николаевской женской гимназии попала в атмосферу уважения к образованности и высокой культуре. Сколько воды утекло с тех пор!

Вспоминаю, что за день до похорон А.М.Михеевой на доске объявлений в нашем училище была прикреплена записка, оповещающая о смерти учительницы и об её похоронах. Жаль, что в училище ничего не знали об её болезни. На похороны пришла лишь небольшая группа студентов, из тех, кто изучал русский и литературу. А таких после войны было не больше половины. В то время в училище было человек пятьдесят студентов.

Гроб с телом Александры Михайловны стоял в самом начале дорожки, ведущей к храму, около него стояли три или четыре незнакомых мне женщины. Подумалось – родственники. Не припомню, чтобы кто-то из преподавателей училища был на этих похоронах. Закопали гроб тихо, без траурной музыки и без речей, так же тихо разошлись. Может быть, всё было так скромно, потому что хоронили её по православному обряду, а это в то время всемерно скрывалось. Вот и всё, что осталось в моей памяти о том траурном дне...

Зато память сохранила немало эпизодов от встреч с этой удивительной женщиной во время учёбы. Надо сказать, что на уроках Александры Михайловны мы всегда больше говорили, чем писали. Да и прямо сказать, в эти послевоенные годы не было часто того, на чём и чем можно было бы это делать. Наша учительница не пропустила ни одного неправильно сказанного нами слова, чтобы не поправить произношение или ударение. Вот пример. Кого-то из нас она спросила, чем занимается его родственница. Этот некто отвечал: «Моя мамка ничем не занимается, она дома сидит». «А кто же у вас обед готовит? – продолжала спрашивать Александра Михайловна. – Кто стирает и убирает? Ах, она же! А вы говорите, что она, ваша “мамка”, дома сидит. Да на женских руках покоится благополучие государства! Да, вот ещё что. Мамкой в старые времена у нас в России называли женщину, нанятую кормить грудью младенцев. А вы свою родную маму называете “мамка”. Очень печально. Малейшее понятие об этом слове у вас отсутствует». И такие диалоги происходили у нас почти на каждом занятии. В конечном итоге, всё выливалось в долгий и очень интересный разговор о языке, культуре, искусстве,

об отношении людей друг к другу. Мы, мальчишки, слушали её, открыв рот, среди нас были и те, что вернулись с фронта, они были старше остальных. На фоне разговора о языке учительница вводила очередную тему по литературе. Она просила нас прочесть дома или в библиотеке такую-то главу из «Войны и мира» или «Грозу» Островского, тем самым проверяя наше знакомство с творчеством русских писателей.

Вспоминаю и такой эпизод из нашей студенческой жизни. Начался 1947 год. Он был трудным для большинства из нас, хотя нам и давали рабочую продуктовую карточку. Голодно было иногородним, да и орловцам было не сладко. В фойе училища тесной группой сидели несколько человек и что-то брали из скомканной и не весьма чистой старой газеты. И ... с явным удовольствием это что-то отправляли в рот. <...> Студенты были всецело поглощены своим занятием, а в это время по коридору тихонько шла со своей палочкой Александра Михайловна. Увидев живописную группу, она внезапно остановилась – вся её внешность выражала немой вопрос. Она вся сжалась и как-то очень тихо, почти шёпотом спросила: «Что это такое вы, голубчики, совершаете?».

Этот вопрос, произнесённый рiано, повис в воздухе, но Виктор Скрябин (учившийся по классу баяна) спас положение, ответил торжественно: «Кушаем хамсу!» Александра Михайловна склонила чуть набок голову и спокойно заметила: «Вы у меня не учитесь, я вас мало знаю. В противном случае вы, отвечая за всех, должны были бы сказать: “Мы едим”. А вот если бы вы у вашего соседа спросили бы то же самое, тогда надо было бы сказать: “Что вы кушаете?”»

«Но все вы, – продолжила Александра Михайловна, – перед едой и руки, как видно, не мыли, как и эту кам... или хамсу, точно не знаю этой, с позволения сказать, рыбы. В старое время такой рыбой домашний скот кормили. А вы эту нечищеную рыбу с внутренностями и головами... “кушаете”. Да ещё с явным удовольствием». – «Так это мы ему помогаем, а то он один проглотил бы всё вместе с газетой», – невесело пошутил кто-то из едоков. Опустив голову, Александра Михайловна тяжело вздохнула и пошла тихонько, ничего не сказав в ответ.

Скрябин заметил ей вслед, имитируя учительницу: «Вон, французы лягушек едят, и то ничего, а тут “хамсу... или камсу” уже нельзя. Подумаешь, руки не мыли – важность какая!» – возмущался он. Мы, присутствовавшие при этом, поняли, что облик человеческий в любом случае терять нельзя. Вот о чём нас хотела вразумить Александра Михайловна.

Удивляло нас и то, что она в такое время ещё свободно ходит по земле родной и опалённой бедами. Возможно, хранили её преклонный возраст и бесстрашная прямота и правдивость её речи.

Однажды Александра Михайловна, закончив занятия и попрощавшись с аудиторией, пошла к выходу. Вдруг из-за стола проворно

выскочил студент Кожанчиков и, схватив оставленную учительницей палочку, громко закричал: «Александра Михайловна! Вы забыли свою палочку». И, подскочив к ней, он театрально преподнёс трость. «Вам, конечно, спасибо, – сказала наша наставница, – но не будьте, Алексей, Чичиковым...» – «Что, разве Чичиков такой уж плохой человек?» – парировал Кожанчиков и выжидательно посмотрел на неё.

На следующем занятии по литературе часть времени была посвящена разбору отрицательных черт личности героя «Мертвых душ». Не знаю, дошло ли до нашего товарища, что он допустил бестактность по отношению к пожилой даме и учителю.

Иной раз разговор на занятиях касался немецкой оккупации: говорили о том, кто как её переносил. Напоминанием об этом был разрушенный город за окном и военнопленный немец, который каждое утро приходил к нам в училище для столярной и прочей работы.

Директором нашего училища был тогда Яков Захарович Лисенков. О нём говорили: «старый партиец». Может быть, он был политически подкован в глазах руководства, но к музыке никакого отношения не имел и вообще был мало образован. В сознании нашего директора «гармонь» и «гармония» вряд ли имели существенное различие. Ещё перед самой войной он был директором нашего училища. О нём не раз вспоминали студенты довоенной поры, но чаще в анекдотических ситуациях. Но всё же был он хорошим человеком в отношении к студентам и педагогам. Яков Захарович любил порядок во всём. Как-то во время выпускных экзаменов директор вместе с комиссией шествует в зал, где принимаются экзамены. Перед залом заминка: дверная ручка висит на одном гвозде. Директор просит комиссию подождать, стремглав бежит куда-то, возвращается с молотком и гвоздём; три удара молотка – и ручка на месте. Широкий жест директора в сторону исправленной двери и высокой комиссии. Молоток – родная стихия директора. Да! Кстати и составная часть бывшего нашего герба.

Какими-то сверхъестественными усилиями Яков Захарович раздобыл для училища старый, но ещё очень приличный рояль «Беккер». Наши педагоги, поиграв на инструменте, пришли к выводу, что его надо настроить, и посетовали, что в помещении нет резонанса. На что директор заявил: «Рояль достал, а резонанс – что плюнуть!»

Педагоги теоретического отделения тех лет просили директора изготовить доску с четырьмя нотными станами. Материал в училище был, а изготовить доску поручили упомянутому пленному немцу. Когда Курт (как звали немца) показал директору готовую доску, тот сосчитал линейки одного нотного стана и сказал: «Надо четыре линейки, а не пять». Курт возразил, что у них нотный стан состоит из пяти линеек. Но директор был категоричен и приказал зашпакле-

вать пятую линейку. Несколько минут спустя Курт спросил у проходившей студентки, сколько линеек имеет русский нотный стан. Получив ответ, что нет у нас такого четырёхлинейного нотного стана, немец только руками развёл.

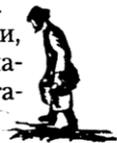
Вот в каком «музыкальном окружении» работала Александра Михайловна. Можно смело сказать, что она была для нас «лучиком света» в тёмном учительском царстве того времени. Её антиподом был учитель истории Фёдор Иванович В. Обычно, войдя в класс и кивнув головой, он как-то тяжело садился за учительский стол, долго смотрел в журнал и начинал переключку: «Иванов, Сидоров, Петров...», пока кто-нибудь не скажет: «Фёдор Иванович, в классе все». Мы знали, что во время оккупации в Орле в одну из бомбёжек погибла вся его семья, что он недавно был демобилизован. Относились мы к нему с сочувствием и пониманием.

Начиная объяснение нового материала, он предвосхищал его таким образом: «У большинства из вас учебника нет, а лучше, чем в учебнике не скажешь, поэтому я прочту вам материал, вы внимательно послушайте, а кто может, запишите. На следующем занятии буду проводить опрос». А во время опроса надо было говорить не останавливаясь, не важно что.

Хуже всего было то, что на экзаменах по истории присутствовала Александра Михайловна. Она внимательно слушала отвечавшего студента. Затем разбирала ответ, ставя на свои места даты и факты. И получалось, что экзаменуемый весьма далёк от понимания вопроса. Так что приходилось вникать в предмет и учить его самостоятельно.

Да, Александра Михайловна, конечно, была белой вороной или, вернее, райской птицей в нашем музыкальном курятнике. Она знала, например, несколько иностранных языков, о чём мы и не догадывались.

Как-то раз в конце занятий литературой возник вопрос о пережитом в военное время. Некоторые студенты рассказывали о перенесённых трудностях. Александра Михайловна тоже пережила оккупацию, как многие попавшие в неволю люди. Рассказала, как однажды к ней в комнату ввалился немецкий офицер. «Я это определила по его поганам. Как бы не видя меня, он осмотрел всё. Разглядывая, делал какие-то выводы вслух. Когда же он обратил внимание на стену с висящими там портретами, спросил: “А эти почему здесь висят?” Вопрос был явно адресован мне. Я ответила, что кардинала Ришелье уважаю за то, что он поддерживал разделение Германии на отдельные княжества и это состояние всемерно укреплял, а канцлера Бисмарка за то, что он не рекомендовал Германии воевать с Россией <...> Вот почему эти люди здесь расположились. Немец после такого ответа, как помню, был весьма озадачен».

Мы тогда не подумали, что говорила она с немцем на его языке. Услышав от Александры Михайловны имя Ришелье, кто-то наивно спросил у неё, читала ли она «Три мушкетёра» Дюма. Она ответила, что многие произведения французских писателей прочла в подлиннике, также как многих английских и немецких. Некоторые из нас тогда и не поняли, что для этого надо было хорошо знать языки. А для многих из нас, не учившихся во время оккупации почти два года, и с русским-то языком был «полный завал».

Прошло несколько лет, и кто-то из моих знакомых обмолвился, что во время оккупации её заставляли быть переводчицей, но она категорически отказалась. Об этом же потом нам рассказала её племянница Екатерина Петровна Синева.

С ней мне пришлось работать в оркестре при кинотеатре «Родина». Она была прекрасной пианисткой. И Катя (так, «по-свойски», мы её называли), и участники оркестра, большинство которых были выпускниками нашего музыкального училища, часто вспоминали своих педагогов и, конечно, Александру Михайловну. Каждый от себя прибавлял что-то из своих воспоминаний об этом особенном человеке <...> Здесь я записал кое-что из того, что удалось вспомнить.

Завершить эту запись надо было бы портретом нашей учительницы второй половины 40-х годов, но такого портрета пока не найдено. Поиски его придётся продолжить. Были же снимки у выпускников училища послевоенных лет. Надо досконально изучить архив учебных заведений того времени. Может быть, там обнаружится интересующий нас снимок. Надежды терять нельзя, и впереди ещё есть время на поиски.

Наш Орёл очень похорошел за два последние десятилетия. В музыкальной жизни города произошли значительные улучшения. Орловский музыкальный колледж (так теперь называется училище) готовит настоящих профессионалов своего дела. В городе появились два профессиональных оркестра – симфонический и русских народных инструментов. Есть в Орле и профессиональные хоры. Думаю, что учительница литературы, учившая будущих музыкантов «по гамбургскому счёту», без скидок на тяготы времени, вложила немалую лепту в становление музыкальной культуры нашего города.

Примечания.

1. Речь идёт об исследовании Е.Г.Мельник, посвящённом истории так называемого «орловского альбома», хранящегося в ОГЛМТ. Оно было опубликовано в «Тургеневском ежегоднике за 2004 год (Орёл, 2006. С.155-167). Позднее автору удалось установить имя владелицы альбома – Зинаида Александровна Панина (1839-1868).

V.

*Из истории музея:
люди, годы,
судьбы*

Сотрудники музея в Спасском-Лутовиново. 1984 г. Фото О.Н. Попова.

ВОСПОМИНАНИЯ О СПАССКОМ

Между деревьями тёмных лип, стоявших тёмной стеной и дававших густую тёмную тень, бывал и подлесок, где укрывались соловьи. Подлесок никогда не вырубался сразу, как говорил мне замечательный знаток русских усадеб, хранитель тургеневской усадьбы Спасское – Борис Викторович Богданов. Подлесок вырубался в одном месте и оставался в другом – пока не подрастёт эта птичья защита. В Спасском-Лутовинове среди тенистых деревьев росли незабудки и ананасная земляника.

Д.С. Лихачёв. Сад и культура России.

Публикация Л.А.Богдановой.

I

Впервые я увидел Спасское летом 1948 года. Я приехал туда из разрушенного войной Орла, поэтому облик села, полтора года находившегося на линии фронта, для меня не представился необычным.

Село состояло из растянувшейся почти на километр одной улицы. По обе стороны просёлочной немощёной дороги стояли кое-как срубленные из осины хибарки и около десятка остовов от сгоревших каменных домов.

Некоторые из них были как-то приспособлены под школу, сельсовет, магазин. На всём ещё лежал отпечаток войны: разруха, нищета.

Зато Тургеневская усадьба явилась для меня как бы открытием мира, таинственным обаянием этих мест.

Великолепны были строгие липовые аллеи. В усадьбе уцелела железная ограда с лицевой стороны парка и каменные столбы на месте ворот, поставленные до войны Ермаком. Ворот не было. «Мавзолей»¹ в центре поповского кладбища представлял собой лишь разрушенный остов без кровли, без окон и ворот. Могила Николая Этьена² была такой, как и сейчас. Церковь³ была без колокольни, с прохудившейся кровлей, использовалась колхозом как склад.

Церковная сторожка была целиком сожжена, правда, передняя часть кое-как была оборудована под квартирку, где жила то ли уборщица, то ли сторожиха бабка Грызлова.

Отчётливо просматривался фундамент дома⁴ и несколько рядов кирпича по его периметру, выложенные ещё до войны, и глыбы камней на месте галереи.

Мне пришлось испытать всё, что приходилось тогда делать музейному работнику: разметал аллеи парка, натирал полы, караулил сад, приколачивал гвозди, записывал воспоминания, добывал экспонаты, работал в архивах, был начальником и подчинённым, но самое главное – видел великое множество людей.

Борис Александрович Ермак⁵, сын орловского купца Грибакина. В годы революции напечатал в газете объявление, что отрекается от семьи и берёт фамилию Ермак. В 20-е годы был в отряде ЧОНа⁶, позже работал на заводе. В начале 30-х годов был «выдвинут» из рабочей среды на должность директора музея Тургенева. В 1941 году он организовал эвакуацию экспонатов музея в Пензу.

Уже в мае 1942 года Ермак пишет письмо в Наркомпрос: «Госмузей И.С.Тургенева просит Вас сообщить мнение Ваше о восстановлении уже освобождённого от фашистов заповедника И.С.Тургенева и организации работы в нём. Можно организовать работу тургеневского парка как экскурсионную. Прошу сообщить Ваше мнение о переброске Тургеневского музея в заповедник и организации нормальной работы в нём».

Ермак был трудоголиком, и вся его деятельность была направлена на то, чтобы проводить в жизнь идеи партии. При нём коронным экспонатом музея был макет крестьянской избы с фигурой крестьянина, сидевшего у лучника. Возле церкви в усадьбы была при нём поставлена гипсовая статуя пионерки, отдающей салют. Посетителей музея в Орле встречала скульптура, изображающая Ленина в детстве. На демонстрациях мы несли в руках палки с насаженными на них макетами книг, обитых жёлтым плюшем, с надписями «Записки охотника», «Отцы и дети» и т.п. Это было доказательство того, что книги Тургенева созвучны современности.

II

Итак, первый раз я увидел Спасское летом 1948 года. Мне было 24 года, я числился в штате музея И.С.Тургенева библиотекарем. Мы с шиком ехали из Орла на старенькой полуторке, на которой был установлен кузов кареты «Скорой помощи», а впереди на трофейном мотоцикле ехал Ермак, с тем расчётом, что, если мотоцикл забарахлит, то мы его подберём. Но всё обошлось.

Нашей задачей было готовить парк к открытию. «Открытие» – это народное гуляние, которое ежегодно после войны проводилось в парке. Поэтому надо было тщательно разметить аллеи, посыпать их песком. На поляне напротив фундамента дома мне довелось соорудить вместе с Уваркиным⁷ и другими деревенскими ребятами по-

мост для выступления самодеятельности, для чего из леса за «Поповкой»⁸ мы таскали тяжеленные осиновые жерди.

На Троицу со всех концов: из Орла, Мценска, окрестных сёл стекался народ в парк. Кто на машинах, кто на телегах, а большинство пешком. Аллеи парка заполняли тысячи людей. Это был настоящий праздник! На выстроенной площадке пели и танцевали артисты, торговали мороженым, а в большие пивные кружки разливали клюквенный морс. Только к вечеру начинали постепенно расходиться и разъезжаться.

Спасские бабки, обсуждая события дня, сетовали: «Ну что это за гулянье? Ни одной настоящей драки не случилось».

На следующее утро Ермак и штатные работники музея уехали в Орёл, оставив меня одного в Спасском в качестве научного сотрудника и «прислуги» за всё.

В заповеднике ещё отчётливо чувствовались следы военной разрухи и запустения. Повсюду виднелись пни, лежали поваленные стволы вековых лип, стояли засохшие деревья с ободранной корой и сломанными макушками. Берёзовая аллея, ведущая к пруду, была вырублена целиком так же, как и ели на берегу пруда. Пруд с прорванной плотиной зарос травой.

Из строений более или менее сохранились флигель⁹ и баня¹⁰. Каретный сарай и конюшня¹¹ стояли без крыши, а церковь, часовня – руины. Но дух послевоенного возрождения витал повсюду. Молодая зелень и солнце привлекали посетителей.

Заведующий филиалом был Кондратий Голковский, крепкий старик лет 70-ти. Вероятно, до революции он был управителем у помещика. Помню, как утром он выходил на крыльцо флигеля и кричал: «Девки – и – и». «Девки» – сезонные рабочие – Татьяна Петровна Полянская, Марина Никитична Самохина, сёстры Валентина и Нина Фетисовы (ныне Нина Константиновна Чернышова), Прасковья Ивановна Козлова и другие. Их зарплата – 230 рублей, моя – 690 рублей. В штате заповедника были только заведующий и сторож – Фёдор Яковлевич Пасынков. Его отец, Яков Пасынков, помнил Тургенева.

Помню и единственную экскурсию, которую я прослушал прежде чем остаться одному в Спасском, её проводила с группой учителей Екатерина Августиновна Ермак¹². Собственно, это и не была экскурсия. Она стояла возле могил наших солдат и с пафосом рассказывала, как здесь бесчинствовали фашисты, какой труд предстоит проделывать работникам музея. Помню, как она читала стихи с выражением: «Куда б ни шёл, ни ехал ты, но здесь останись!..» и другое, Антокольского, из которого я помню только одну строчку: «Товарищ Т. по имени Иван».

Ермаки уехали. Я остался в Спасском единственным научным сотрудником. К счастью, у меня была храбрость невежества, и я водил экскурсии по парку... Однажды в группе экскурсантов оказался человек, что-то слышавший о Тургеневе. Он спросил меня: «Кто по национальности была Полина Виардо?» «Испанка», – неуверенно сказал я. «Нет, итальянка! Она пела в итальянской опере!» Я молчал. И меня не стало как экскурсовода. Я говорил, но слушали только его замечания. И тут я впервые понял, что нужно твёрдо знать то, о чём говоришь. И это осталось моей заповедью на все остальные мои годы в Спасском. В другой раз в конце центральной аллеи я сказал группе: «Сейчас я провожу вас в липовую беседку». Иду, иду, а беседки всё нет. Мне уже не о чем говорить, я в панике и вдруг вижу: вот она, наконец! Очень обрадовался, что нашёл.

Посетителей в то лето было мало, тем более что дороги были только грунтовые, и мы знали, что после сильного дождя до Спасского неделю, а то и две не добраться.

Основное время занимала хозяйственная работа. Помню, как с девчатами косил сено, у меня коса постоянно втыкалась в землю, я отчаянно старался не отстать от деревенских и все ждал, когда же сядут передохнуть.

Обитал я, точнее ютился, на северной веранде флигеля. Не было ни света, ни водопровода, и никакого хозяйственного обзаведения у меня не было. Магазин на селе торговал. Помню, на полках стояло вино «Пино Гри» и марочный портвейн и ещё овощные консервы. Кажется, мне так и не довелось там ничего купить кроме папирос.

В это лето я жил на подножном корму: караси, грибы, ягоды. Да ещё жена Голковского продавала мне молоко от своей коровы, дёшево – 2 рубля за литр. Выпивал я до 4-х литров в день. С удивлением вспоминаю, что тогда за всё время мне так и не пришлось ни разу выпить.

Распорядка дня у меня не было: ни часов работы, ни выходных. Когда приезжали посетители, тогда и экскурсии. В августе меня определили караулить нижний сад. Там была устроена сторожка, главным достоинством её была кирпичная печка с лежанкой наверху. По ночам ко мне приходил пасечник Фёдор Яковлевич Пасынков. Он был отменным рассказчиком. Сейчас-то я понимаю, что так передавали бывальщину в Спасском из поколения в поколение.

Фёдор Яковлевич рассказал мне, что его отец учился в Тургеневской школе и что он, Фёдор Яковлевич, видел букварь, который хранился у них дома до войны, подаренный Тургеневым, что на празднике барин [Иван Сергеевич] стоял на веранде дома, смотрел и слушал, как поют и водят хороводы, а барыня¹³ бросала ребятам конфеты и пряники. Но больше всего Фёдор Яковлевич любил рас-

сказывать про нечистую силу: как его отец ехал ночью мимо кладбища, как за ним кто-то гнался и т.д. Я после фронта уже ни во что не верил и часто пропускал мимо ушей его рассказы, а жаль, ведь после «Бежина луга» мы так ничего и не знаем о народных преданиях и верованиях в Спасском.

Начинался октябрь-месяц. Моё дежурство в нижнем саду затянулось. В Орле шёл разговор о снятии Ермака, и никому не было дела до яблок. А урожай был отменный. Помню, как на покрытую инеем траву падали наливные фунтовые антоновки и раскалывались от собственной тяжести.

Для Орловского музея Спасское было своего рода Индией [т.е. колонией – *ред.*]. Из Спасского возили в музей не только дрова, но и сено, картошку, мёд, яблоки, всё это возили также и в министерство.

Но всё же общей «растациловки» не было. Над всеми неурядицами стояло общее стремление выбраться из разрухи, восстановить порушенное войной.

Столетие «Записок охотника»¹⁴ сыграло важную роль в становлении Спасского как самостоятельного музея, а не только парка тургеневского. В дни юбилея в Спасское приезжали: академик М.П.Алексеев с группой учёных Пушкинского Дома, академик Андре Мазон, публикатор рукописей Парижского архива Тургенева Анри Гранжар, профессор Кэмбриджского университета Элизабет Хилл. Она мне говорила, что в Кэмбридже до сих пор жалеют, что Оксфорд опередил их в присвоении И.С.Тургеневу звания доктора права.

Мне довелось побывать на грандиозном банкете, который устроили Орловские власти в честь участников международной конференции в ресторане «Победа». Я впервые в жизни не только видел, но и ел ломтями удивительно вкусные и сладкие ананасы, красную и чёрную икру...

В результате празднования столетия «Записок охотника» было принято решение отремонтировать флигель, создать в нём литературную экспозицию, посвящённую жизни и творчеству И.С.Тургенева.

Вот со времени создания литературной экспозиции во флигеле я уже начал считать себя полноправным музейщиком, хотя на деле я понял, что главное – не составить тематико-экспозиционный план, а наполнить залы музея экспонатами. Помню работы Орловских художников-оформителей Василия (Луки) Перепелицы, который изготовил макет главного Дома усадьбы; Н.Тюрина, сделавшего карту-планшет Тургеневских мест и исполнившего великолепные копии родословной Тургенева и плана земель М.И.Лутовиновой. Украшением той экспозиции был макет «Бежин луг» с мальчишками,

сидящими у костра, выполненный Леонидом Курнаковым, братом художника А.И.Курнакова, ему же принадлежала и гипсовая скульптура «Тургенев с собакой».

В 1948 году в первых двух комнатах флигеля жил заведующий заповедником К.Голковский. Его жена, Ольга Васильевна, была дочерью адвоката Тетеры, того самого, который вёл дело о наследстве И.С.Тургенева против Полины Виардо. Вероятно, она, Ольга Васильевна, и передала эти документы в музей в Орле.

В остальных комнатах стояла старинная мебель. О ней мы не знали ничего, кроме того, что она не мемориальная. Помню столяка – художника Серёжу¹⁵, он стал первоклассным краснодеревщиком-реставратором. Помню Ольгу Николаевну Никитину – художницу, она, сидя на полу, разрабатывала профили паспарту и тут же с ножиц кормила манной кашей годовалого ребёнка, а мы в это время приваривали к стене кронштейны для витрин с Владимиром Алексеевичем Громовым¹⁶. Мы всё делали вместе, и все имели право голоса. Спорили, обсуждая, указывали друг другу на ошибки, и к нам приходило понимание всей сложности музейной работы. И в то же время ни я, ни мои коллеги вовсе не считали экспозицию во флигеле чем-то фундаментальным, мы понимали, что главное богатство Спасского – парк со столетними деревьями, помнившими не только Тургенева, но и его дедов.

Экспозиция во флигеле, в моих глазах, была лишь очень скромной литературной выставкой, которая помогала посетителям почувствовать связь творчества Тургенева с его родными местами. Главной своей задачей я считал изучение творчества И.С.Тургенева.

Лето 1958 года. Прошло торжественное открытие экспозиции во флигеле. Все уехали. Из научных сотрудников опять остался только я. На задней веранде флигеля у меня кровать и стол. Вскоре я заболел. Приходит смотрительница: «Экскурсия». Подымаюсь. Иду в полусне провожу группу, снова ложусь. Опять группа. И так несколько дней.

КАЗУСЫ

Солидный дядя со значком депутата Верховного Совета кричит с крыльца флигеля спутнику: «Иди скорей! Я тебя бесплатно проведу!» Билет стоил 10 копеек.

Группа лесоводов. Восхищаются вековыми деревьями. Один из них, глядя на дерево, говорит: «Какой величественный дуб!» - Я, глянув вверх, робко: «Да это осина!» - Тот смущённо: «Я – энтомолог».

После открытия экспозиции оставшиеся экспонаты сложили в передней веранде флигеля. Утром я веду экскурсию по флигелю и с ужасом вижу: рядом с портретом Тургенева текст Ленина: «Перед нами образованный цивилизованный помещик...», иду дальше – всюду вкривь и вкось развешены все оставшиеся экспонаты. Оказалось, что вечером заведующий заповедником Пётр Илларионович Клеймёнов¹⁷ после очередных «100 граммов» решил приспособить к делу ненужные картинки и сам развесил их на свободных местах.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Тургеневские дрожки

Житель Передовика Романов мне рассказывал: «Когда Ермак уехал, в церкви осталось кое-что из музейного имущества. Его разобрали по домам жители села. Романов считал, что если он сохранит тургеневские дрожки, то ему будет какая-то награда. Он переправил их к себе в Передовик, там их разобрал и спрятал в подполе. Но его, как и других жителей, эвакуировали из прифронтовой полосы. Когда фронт отошёл и Романов вернулся, оказалось, что дом был разобран на строительство блиндажей, тогда же исчезли и дрожки. Романов жил в самом верху передовицкого пруда. [В настоящее время в деревне уже нет никого, кто мог бы рассказать о судьбе Романова – *ред.*]

Счёты

Счёты были приобретены у старушек в Орле за 50 рублей. Они утверждали, что раньше эти счёты принадлежали дочери Н.Н.Тургенева – Конусевич.

Гитара

Гитару привёз в Спасское бывший начальник Узбекского радио. Он рассказал, что в годы гражданской войны в Спасском побывал молодой художник, почитатель Тургенева. В заброшенном усадебном сарае он нашёл эту гитару и всю жизнь возил её с собой. Перед смертью он завещал отдать гитару в музей И.С.Тургенева.

Посуда из Спасского дома

В книге поступлений Орловского краеведческого музея подробная опись посуды, поступившей в 1918 году от О.В.Галаховой¹⁸. В числе множества сервизов обеденных и чайных, бокалов, кофейни-

ков и проч., там значатся: ваза для фруктов, хрустальная кружка и ритон¹⁹, которые находятся сейчас в экспозиции восстановленного Дома И.С.Тургенева в Спасском. Возможно, что большинство этих предметов, полученных от Галаховых, находилось в Спасском доме.

Имущество Тургенева до пожара Дома находилось в Спасском и лишь незадолго до пожара было вывезено в Орёл и Клейменово²⁰. В первые годы революции для О.В.Галаховой более надёжным казалось передать вещи в тургеневский музей, чем подвергнуть их риску расхищения.

Весьма вероятно, что золото и драгоценности зарыты на территории Орловского музея И.С.Тургенева. Об этом упорно говорили и Н.В.Вырубов, и Ю.А.Трубников²¹. В 1918 или 1919 году у М.В.Португалова²² запись: «Столовые серебряные ложки с выгравированными буквами “И.Т.” сданы в ЧК».

МУЗЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Илья Григорьевич Эренбург

Он был в Орле в 1951 или 1952 году на читательской конференции по его роману «Буря». Это был разгар его славы. Хотя, по рассказам москвичей, при обсуждении романа в Москве было высказано много критических замечаний, Эренбург же, поблагодарив выступающих за критику, сказал, что позволяет себе зачитать ещё один отзыв о романе, и вынул из кармана письмо Сталина.

На конференции в Орле все наперебой хвалили роман. Лишь один немудрящий паренёк осмелился робко заикнуться о недостатках. Эренбург совершенно беспощадно высмеял его неумение говорить.

В Спасском уже никто и не осмелился высказать своё мнение о романе. Эренбург рассказал нам, что, когда он был в разрушенном Берлине, то видел распакованные ящики с материалами, связанными с именем Тургенева, но, когда позже он вернулся на это место, то там уже ничего не было.

Эренбург не признавал старину, говорил, что старые вина – просто кислятина, а спектакли «Комедии Франсез», где Мольера ставят в тех же костюмах и декорациях, какие были в 18 веке, невыносимо скучны. Мне показалось, что Спасское было ему чужим.

Лев Ильич Рабинович²³

Во время одной из первых командировок в Москву я узнал адрес известного коллекционера Рабиновича. Оказалось, что он живёт совсем недалеко от Красной площади, в одном из переулков позади ГУМа.

Это была типичная коммунальная квартира времён Остапа Бендера, расположенная в полуподвальном этаже старинного доходного дома.

В комнате, похожей на пенал, с единственным закопченным окном на чём-то вроде топчана лежал старый измождённый еврей. Не помню уже обстановки, только запомнилось, что на всём лежал густой слой вековой пыли, и я боялся пошевелиться. Узнав, зачем я пришёл, Рабинович оживился и стал рассказывать о том, что ему удалось собрать множество редкостей, что в его собрании находятся материалы, относящиеся к эпохе Пушкина и Тургенева, что он собирал всё, что относится к литературе. Как пример он привёл, что он ходит по типографиям известных издательств, где можно достать бракованные экземпляры (как позже я понял – запрещённые цензурой). Конечно, он видел мою полную неопытность и ничего не показал мне из своих богатств.

Вернувшись домой, я выслал ему несколько писем В.Лидина. Год спустя я получил письмо от наследницы Рабиновича, где говорилось, что покойный завещал мне передать листок с зарисовками устроителей похорон И.С.Тургенева.

Приехав в Москву, я застал в квартире Рабиновича грузную женщину, которая, сидя на табурете, разбирала его бумаги. Она, как ненужный хлам, выбрасывала на пол старые конверты с бесценными марками Баварии, Египта и др. Листок с карикатурными зарисовками членов кружка М.М.Стасюлевича я передал в фонды Орловского музея²⁴. Больше там уже ничего не было. Что-то от Шейлока жило в Рабиновиче.

Евграф Васильевич Маликов²⁵

В начале 60-х годов я, Николай Павлович Пузин²⁶, Борис Валентинович Щербаков²⁷ из Спасского поехали в гости к Маликову. Он жил в небольшой деревушке, километрах в 2-х от Никольско-Вяземского²⁸. Тогда это была самая глушь Тульской области. Мы пробирались наугад по просёлкам, переехали вброд небольшую деревушку, и, наконец, в маленькой, разорённой войной и так и не вставшей деревушке, совершенно неожиданно перед нами встал добротный каменный дом с железными ставнями на окнах. Навстречу вышел хозяин, суровый на вид, крепкий старик. Узнав, что среди нас есть художник, он смягчился и пригласил в дом.

На стенах: портрет маслом самого хозяина в боярской шапке и в шубе с бобровым воротником работы К. Коровина, этюды Левитана, портрет Леонида Андреева работы Репина.

Я не мог понять, как после гражданской войны, реквизиций и раскулачивания, после прохождения фронта Великой Отечественной войны, можно было сохранить всё это.

Маликов был человеком эпохи Шаляпина, Горького, Чехова. В ранней юности он против воли отца ушёл из деревни «в люди», в город. Его неудержимо тянул театр, искусство, И ему повезло. Он стал известным певцом и вошёл в круг людей искусства. И уже тогда главным увлечением стало собирание предметов искусства. В годы голода и разрухи он вернулся в родную деревню, где у него была крупорушка.

У Маликова в деревне гостил Коровин, бывали и другие художники. Я так и не увидел тех богатств, которые скопились в остальных комнатах просторного дома. Кроме картин Маликов скопил коллекцию изделий из слоновой кости, у него также были и редкие иконы.

Помню как Маликов, усмехаясь, говорил: «Искали только золото». Он не хотел ни с чем расставаться. У него были родственники, но он жил одиноким скупцом.

О коллекции Маликова знали в Академии художеств, но Маликов не соглашался на передачу её в музей. Он сам хотел быть хранителем своей коллекции до конца жизни своей и готов был договариваться с государством на том условии, что ему предоставят квартиру в Москве, где разместится его коллекция и он сам, её хранитель.

Страсть собирателя жила в Маликове до конца жизни. Я видел, какими жадными глазами он смотрел на Бориса Щербакова в надежде, что тот оставит ему в подарок портрет хозяина, нарисованный при этой встрече. Мы пробыли у Маликова только один день. Два года спустя я узнал, что Маликов умер от сердечного приступа. Он разводил во дворе керосинку и так и остался лежать возле неё. Его коллекция досталась родственникам, и её следы затерялись где-то на Украине.

М.С. Шагинян

50-е годы. Мариэтта Шагинян была для меня звездой первой величины. С раннего детства я помнил фильм «Месс-Менд», позже прочел и книгу.

Помню, что Сергей Иванович Кожухов²⁹ предостерегал меня: «Будьте осторожней с ней – она беспартийная!» Но я тоже был беспартийным и целиком доверял ей.

Мариэтта Сергеевна, увидев среди книг родовой библиотеки Тургенева том сочинений Шекспира на английском языке, создалась, что хотя и защитила докторскую, но до сих пор увлекается французскими романами приключений. Она выпросила почитать томик Габорио³⁰, и я против всяких правил дал ей его на ночь. На следующий день М.С. пригласила меня в ресторан «Орёл», предупредив, что она не признаёт никакой выпивки. Позже мне рассказывал её шофёр, что М.С. следит за своим здоровьем и во время долгих переездов об-

ливаётся в пути холодной водой из ведра. В ресторане я выглядел очень глупо. Мы ели какую-то безвкусную вермишель. По случайности или нарочно М.С. не взяла слуховой аппарат, и я, отвечая на её вопросы, орал так, что все только на нас и глядели. Потом мы поехали в Спасское. М.С. была словоохотлива и много рассказывала о себе. Вот что мне запомнилось: одна из знакомых Шагинян писала диссертацию по её творчеству. Она была уверена, что её труд польстит М.С. и, на свою беду, пригласила её на свою защиту. Шагинян услышала на защите о себе такое, с чем никак не могла согласиться и своим выступлением провалила защиту диссертации.

Другой её рассказ: «В 30-е годы вышла моя книга о семье Ульяновых и молодости Ленина. В фашистской Германии появилась рецензия, где утверждалось, что раз отец Ленина – чуваш, а мать – еврейка, то Ленина нельзя считать полноценным человеком. Кто-то положил эту рецензию на стол Сталину. С той поры меня перестали замечать в редакциях. Моё имя исчезло из печати, а у меня большая семья и надо всех кормить... После 37-го года тот же Сталин спросил: “Куда исчезла Шагинян? Почему её не публикуют?” И я снова появилась в печати».

Владимир Германович Лидин

50-е годы. Лидин жил в Спасском в богадельне несколько дней. Небольшого роста, подвижный, с умными глазами. Дом тогда ещё не был восстановлен. Я много с Лидиным бродил по парку. Запомнилось, как он сказал: «Тургенев писал слишком длинно. В наше время нужно писать коротко». Спасское ему очень понравилось.

Константин Симонов

Симонов был в Спасском дважды. Первый раз он внимательно осматривал музей, сравнивал Спасское с Ясной Поляной, говорил, что для него романы Тургенева – это прошлое, а вот «Записки охотника» до сих пор недоступны – как мог так написать? Говорил, что у него такое ощущение, что Толстой стремился убежать из Ясной Поляны, а Тургенев – вернуться в Спасское.

Второй раз Симонов был в Спасском уже смертельно больной. Ему захотелось побродить по парку. На прощание он сорвал на леведе цветок татарника и увёз с собой.

Юрий Владимирович Жигалов³¹

Юрий Владимирович Жигалов всегда был желанным гостем Спасского-Лутовинова. Мы вместе бродили по потаённым уголкам Тургеневского парка, любовались просторами Бежина луга, вели не-

скончаемые разговоры о назначении и судьбах русского искусства; но больше всего он любил оставаться наедине с природой. Художественное творчество было для него главным смыслом жизни. В картинах Ю.В.Жигалова нет холодного блеска фотографичности. В них слышится богатый душевный опыт художника, воспитанный поколениями русских живописцев. В его пейзажах живёт целомудренная влюблённость в природу. Она для Ю.В.Жигалова не обнажённая рабыня, которую нужно приодеть, приукрасить, чтобы потом выгодно продать её богатым покровителям искусства. Картины художника дышат правдой, они глубоко лиричны.

Я люблю пейзажи Тургеневских мест работы Юрия Владимировича. В них раскрывается неповторимое обаяние природы средней полосы России с её пологими холмами, берёзовыми рощами, светлыми родниками и просторными далями. «Берёзы на закате солнца», «Село Тургенево», «Ракиты у Екатерининского тракта», «Деревенский пруд», «Липовая аллея», «Тургеневский дуб», «Дорога на Бежин луг» – это земля, обжитая многими поколениями русских людей. Это те самые места, которые вдохновляли Тургенева, Толстого, Бунина, Пришвина.

Говоря о тайне русского искусства, один из французских писателей писал Тургеневу: «Мы в своём творчестве хлопочем только о красоте, а вы пишете правду и красота приходит сама собою». Именно это правдивое чувство природы даёт жизнь пейзажам Ю.В.Жигалова.

Примечания.

Автор публикации выражает благодарность научным сотрудникам ОГЛМТ за работу над Примечаниями.

1. При строительстве новой усадьбы Иван Иванович Лутовинов, двоюродный дед И.С.Тургенева, снёс деревянную церковь Спаса-Преображения. На её месте над фамильным склепом Лутовиновых была построена часовня, которая получила название «Мавзолей».
2. Николай Этьен, согласно легенде, француз-гувернёр у Лутовиновых. Его могила отмечена каменным памятником, на котором высечена надпись: «Здесь лежит тело француза Лотарингского уроженца города Нанси Н.Этьенвейдефрен в Россию 1769 году приехал скончался 1793 году июля 15 дня». На другой стороне памятника - плохо сохранившаяся стихотворная надпись:

*Тому, кто здесь лежит ... спасать ... должна похвалы
Но, чтобы слух дел его повсюду простирался
Что муж ... жил честно и скончался
Учил дитя, родителей покоил,
Примером был благим
Сей памятник ему построил
Лутовин.*

3. У въезда в усадьбу была выстроена каменная церковь Спаса-Преображения, которую освятили в 1809 г.
4. Большая часть усадебного дома, построенного И.И.Лутовиновым, сгорела в мае 1839г. (владелицей усадьбы в то время была В.П.Тургенева, мать писателя). Восстановленный ею и служивший с тех пор главным домом усадьбы флигель уничтожен пожаром в 1906 г.
5. Ермак Борис Александрович, директор Госмузея И.С.Тургенева с 1930 по 1948 г.г.
6. ЧОН – Части особого назначения – военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партиячках, районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и др.
7. Уваркин Валентин Александрович, житель села Спасское-Лутовиново, работал в музее-заповеднике разнорабочим.
8. «Поповкой» называлась часть села Спасского-Лутовинова близ деревянной церкви Спаса-Преображения, рядом с которой хоронили священников Спасского прихода.
9. Деревянный одноэтажный флигель выстроен в 1840-е г.г. для дяди И.С.Тургенева, Н.Н.Тургенева, управлявшего хозяйством в Спасском. С мая 1852 г. по декабрь 1853 во флигеле жил писатель, сосланный под надзор полиции. В 1939 г. флигель восстановлен по сохранившемуся плану и воспоминаниям современников. В 1953 г. в нём была открыта первая литературная экспозиция, посвящённая связям творчества И.С.Тургенева с родными местами.
10. Баня, усадебное строение, разрушенное в 1920-е г.г. Восстановлена на старом фундаменте.
11. Конюшня и каретный сарай – частично сохранившиеся с XIX века каменные усадебные строения.
12. Ермак Е.А., жена Ермака Б.А., работала в музее научным сотрудником.
13. Неуст. дицо.
14. Первое отдельное издание «Записок охотника» вышло в свет в 1852 г.
15. Никитин Сергей Анастасьевич, работал столяром в орловском музее И.С.Тургенева в 1952-1963 г.г.
16. Громов В.А. (1929-1999), писатель, критик, журналист, краевед, известный литературовед, профессор ОГУ. С середины 1950-х г.г. до 1964 г. работал заместителем директора музея И.С.Тургенева по научной части.
17. Клейменов Пётр Илларионович, заведующий заповедником «Спасское-Лутовиново» (в те годы филиалом Орловского музея И.С.Тургенева) с 1952 по 1956 г.г.
18. Галахова Ольга Васильевна, дальняя родственница И.С.Тургенева, одна из наследниц писателя. С января 1887г. она – единственная владелица Спасского-Лутовинова. Второй наследнице, её тётке К.Д.Сухотиной была выплачена полагающаяся ей доля наследства деньгами.
19. Ритон – сосуд питья в виде рога животного. Сосуд часто использовался в священных обрядах возлияния вина в честь того или иного бога. Ритон часто завершался скульптурой в нижней части и украшался рельефами и гравировкой. Ритоны изготавлились из металла (золота и др.), глины, кости, рога. Имеют отверстие в нижнем узком конце.
20. Село Клейменово, родовое поместье Шеншиных (ныне: Мценский р-н Орловской области).

21. Вырубов Н.В. и Трубников Ю.А. – потомки Галаховых, ныне живущие во Франции. Н.В.Вырубов скончался в Париже в 2010 г.
22. Португалов Михаил Вениаминович (1879-1927), библиограф, организатор и первый заведующий музеем-библиотекой им. И.С.Тургенева в Орле.
23. Рабинович Лев Ильич, московский коллекционер, с которым орловский музей И.С.Тургенева плодотворно сотрудничал в 1950-1960 г.г.
24. Местонахождение рисунка указано неправильно. Документов о его поступлении в состав коллекции ОГЛМТ не имеется.
25. Маликов Евграф Васильевич, известный коллекционер, проживал в с.Ержино Чернского района Тульской области. Владел редчайшей коллекцией картин работы Репина, Коровина, Левитана, Поленова и других знаменитых русских художников.
26. Пузин Николай Павлович (1911-2008), заслуженный работник культуры РФ, ведущий научный сотрудник Государственного мемориального и природного музея-заповедника Л.Н.Толстого «Ясная Поляна», более полувека проработал в музее Л.Н.Толстого. Находился в родстве с О.В.Галаховой, почти ежегодно посещал Спасское-Лутовиново, которое знал и любил с детских лет.
27. Борис Валентинович Щербаков, народный художник СССР. Неоднократно бывал в Спасском-Лутовинове, написал ряд пейзажей на тему «Тургеневские места».
28. Никольско-Вяземское, имение Толстых, находившееся в Чернском уезде Тульской губ. (ныне Чернский район Тульской обл.). В XVIII веке принадлежало прадеду Л.Н.Толстого Н.И.Горчакову, позже по наследству перешло старшему брату писателя Н.Н.Толстому. В настоящее время является музеем.
29. Кожухов Сергей Иванович, журналист, брат Е.И.Кожуховой, директора музея И.С.Тургенева в Орле в 1948-1959 г.г.
30. Габорио Эмиль, известный французский романист (1835-1873), автор «уголовных» романов, пользовавшихся большой популярностью.
31. Жигалов Ю.В. (1936-2000), русский художник, неоднократно посещал заповедник И.С.Тургенева «Спасское-Лутовиново». Автор серии работ «Пейзажи тургеневской России».

Л.М.Маричева

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ОРЛОВЦЕВ

Документы научного архива ОГЛМТ позволяют чуть не по годам проследить историю Музея писателей-орловцев, которая самым тесным образом связана с Тургеневским музеем и началась задолго до официального открытия в 1957 году.

Начало ей было положено в 1909 году, когда на бывшей улице Садовой 10, ныне улице Тургенева 13, приобрела старинный особ-

няк жена орловского вице-губернатора Ольга Васильевна Галахова, наследница двух великих земляков – писателя И.С.Тургенева и поэта А.А.Фета – и разместила в нём унаследованные от них вещи.

Октябрьская революция изменила ход истории в России, а вместе с ней и течение жизни одного из самых известных и гостеприимных домов города.

22 июля 1918 года городские власти принимают постановление о муниципализации жилья в Орле и вскоре в Наркомпрос приходит тревожное письмо от Галаховой с просьбой сохранить тургеневские вещи, документы, рукописи и библиотеку, находящиеся в её орловском доме. Меры по сохранению тургеневского наследия были приняты незамедлительно.

4 сентября 1918 года Галаховы получают охранную грамоту на дом и уже 1 октября ещё до официального утверждения Главнаукой, дом Галаховых был занят под музей. Первыми официальными его сотрудниками становятся курьеры: Пенькова Катерина Даниловна 16 лет и Краснов Платон Спиридонович (очевидно, из бывшей прислуги Галаховых). Телеграмму Наркомпроса с уведомлением о создании в доме музея Галаховы получают десять дней спустя. Содержание её хорошо известно: *«Ваш дом со всеми тургеневскими вещами назначен музейною коллегиею Наркомпроса под музей Тургенева. Председатель коллегии Троцкая».*

16 октября 1918 года заведующим музеем был утверждён широко образованный Михаил Вениаминович Португалов (1879-1927).

1 ноября 1918 года началась передача музею вещей Тургенева и Фета, опись которых составляла старшая дочь Галаховых Кира Николаевна Галахова. 13 ноября Галаховы, наконец, получают официальное удостоверение о реквизиции дома под музей: *«Дано настоящее удостоверение гражданину Н.П.Галахову в том, что дом его на Садовой улице 10 реквизирован под устройство Музея-Библиотеки им. И.С.Тургенева и находится в ведении Центрального библиотечного отдела. Зав. музеем Португалов».*

Тургеневский музей создаётся в короткий срок, и уже 24 ноября 1918 года состоялось его торжественное открытие, на котором присутствовал комиссар Ярмач. В тот же день, встревоженный негативным отношением Ярмача к вещам Тургенева и Фета, М.В.Португалов писал Ивану Алексеевичу Друганову, эмиссару Библиотечного отдела от Наркомпроса, внёсшему значительный вклад в сохранение и доставку в Орёл оставшихся в галаховской усадьбе Клеймёново и во Мценске тургеневских и фетовских вещей и библиотеки: *«Был ярый комиссар Ярмач, который остался доволен устройством музея. Однако, он считал, что мебель И.С.Тургенева и А.А.Фета – это следы помещичьего быта и должны быть уничтожены».*

Значительное количество (51 единица) ценной мебели (Николаевской эпохи и стиля «Жакоб») полузабытого поэта Фета необходимо было спасти, и на следующий день после открытия музея, т.е. 25 ноября, Португалов сообщил в центр своему начальству: *«При музее организуется особая «Писательская» комната им.Фета-Шеншина, где будут собираться и храниться все книги, вещи и материалы, касающиеся писателей уроженцев Орловской губернии, таким образом, наш музей действительно является наглядным пособием при изучении и исследовании литературы и вопросов психологии творчества».*

В 1918 году только что открывшийся музей несколько раз посетил П.Н.Щёкин-Кротов¹ и по свежим впечатлениям опубликовал в 1919 году небольшую брошюру «Тургеневский музей в Орле», в которой есть упоминание и об этой комнате. Он писал: «Из передней Вы входите в бильярдную-библиотеку.

В особых двух комнатах сосредоточена обстановка гостиной, кабинета и отчасти столовой Тургенева. Библиотека Тургенева и его предков заполняет ещё три комнаты. Это целый клад... Наиболее уютной комнатой является кабинет-спальня поэта Тургенева.

В соседней комнате собраны вещи Шеншиных (выделено мною – Л.М.).

На стенах портреты Алексея² Аф. Фета-Шеншина, на столах разложены его стихотворения, переводы античных авторов; здесь хранятся письма известного писателя Лескова. В эту комнату по проекту заведующего музеем М.В.Португалова будет собираться всё, что относится к памяти писателей, уроженцев Орловской губернии»³.

Предисловие к брошюре, в котором автор благодарит за ценные объяснения М.В.Португалова, помечено декабрём 1918 года, т.е. можно считать, что фактически «Писательская» комната уже начала своё существование.

С начала 20-х годов комната им.Фета стала быстро пополняться новыми экспонатами. М.В.Португалов в «Кратком путеводителе по тургеневскому музею» за 1921 год перечисляет представленные в ней имена известных земляков Тургенева и его друзей-современников: «Здесь обстановка Фета, – пишет Португалов. – Мебель двух сортов: старинная Николаевской поры и новомодная, стиля «Жакоб» (модернизированный).

По стенам портреты писателей, уроженцев орловской губернии: Фета, Мценского уезда; Апухтина, Болховского уезда; Тютчева, Брянского уезда; Лескова, Орловского уезда; Грановского, Орёл; Писарева, Елец; Леонида Андреева, Орёл, а также друзей-современников Тургенева и Фета, как-то: братьев И. и П. Киреевских, Герцена, Огарёва, Полевого Н. (1796-1846, автора исторических романов),

профессора Кавелина, портрет-фотография И.А.Бунина. Интересна группа молодёжи 40-х годов: Тургенев, Станкевич, Белинский, Герцен, Огарёв, Бакунин и Грановский.

Затем группа писателей 1857 года: Тургенев, Сологуб, Лев Толстой, Некрасов, Григорович и Панаев. На стенах переводы и сочинения Фета с автографами⁴.

Комната теперь уже официально названа «Писательская» им.Фета.

В это же время в Орле организуется инициативная группа под председательством Александра Вячеславовича Германо, которая через газету «Известия» поместила объявление о создании «Музея местных писателей».

20 апреля 1921 года газета «Известия», в разделе «Хроника» под заглавием «Музей местных писателей» сообщала: «В Орле открывается литературный музей местных писателей, обнажающий собой жизнь, творчество и деятельность литераторов орловского края. Весь материал просят направлять по адресу: Орёл, Тургеневская, 24, секретарю инициативной группы по устройству музея Илье Лукашину.

Группа состоит из следующих лиц: председателя Германо, секретаря Лукашина и членов С.Чеснокова, И.Прокофьева и Евг. Селезнёвой.

Материал просят направлять лишь тех лиц, у которых имеется литературный стаж, т.е. если они печатались».

В объявлении речь идёт о писателях предреволюционного и революционного времени, т.е. о современниках.

Из дальнейшего развития событий следует, что «Музей местных писателей» так и не был открыт, но его идея продолжила жизнь в стенах Музея-Библиотеки им. И.С.Тургенева.

В 1924 году в Орле было создано краеведческое общество⁵, в деятельность литературной подсекции которого активно включился тургеневский музей. Это открыло новые возможности для выявления и пополнения коллекции орловских писателей.

Из намеченных в плане музея работ на 1924/1925 год значилось: «расширение отдела “Писательской” комнаты им.Фета путём собирания материалов об уроженцах Орловского края прошлого века» и «составление библиографического указателя о жизни и творчестве: Тютчева, Фета, Апухтина, Лескова, Писарева, Андреева, Якушкина, Райча и др. уроженцев Орловского края».

«Можно надеяться, что возникновение при Обществе краеведения литературной подсекции музейной секции окажет в данном деле своё воздействие», – писал М.В.Португалов.

Организация литературной подсекции при Обществе краеведения дало новый импульс к дальнейшей разработке писательской тематики, включив в неё современных писателей. Музей становится

литературно-показательным, что было отмечено в отчёте за 1924 год. «Тургеневский музей, – говорилось в отчёте, – является “общим литературно-показательным музеем”, посвящённым не только памяти одного И.С.Тургенева, но и других уроженцев местного края, как прошлых лет, так и современности».

В июле 1925 года теперь уже в стенах тургеневского музея был создан целый краеведческий отдел, занимал две «писательские» комнаты – № 3 и №6. В первой из них были сосредоточены портреты и библиографии орловских писателей за два периода: 1825-1890 годы и 1890-1915 годы.

Вторая посвящена исключительно периоду «до- и после- революционному» (1915-1925).

В информационном бюллетене за 1925 год сообщалось: «В тургеневском музее 8 комнат, считая вестибюль. Из них 6 посвящены И.С.Тургеневу, одна писателям, уроженцам Орловского края XIX века и ...с нынешнего 1925 года присоединилась ещё сюда “писательская вторая” комната – Орловских писателей с конца XIX века до наших лет...».

По поводу первой «писательской» комнаты М.В.Португалов писал: *«С самого начала его (музея) возникновения была основана “Писательская” комната им.Фета, т.е. в 1918 году».*

Собирание литературно-краеведческого материала сделалось одним из главных направлений в работе музея на несколько лет.

Тогда же М.В.Португалов помещает в московских «Известиях» в декабре 1925 года письмо с просьбой направить в орловский тургеневский музей материалы для его пополнения, которое нашло большую поддержку как в Орле, так и за его пределами. Последовали отклики из Москвы Ленинграда, Брянска, Псковской губернии, Одессы и др.

Отозвались некоторые орловцы из современных литераторов и газетных работников: Лебедев, Германо, Боканов. Число музейных экспонатов стало увеличиваться и за счёт обильного поступления газетных и рукописных материалов.

В результате в 1926 году отдел насчитывал около 200 экспонатов: это книги, журналы, брошюры, рукописи, фотографии и автографы.

Таким образом, с установлением в Тургеневском музее краеведческого направления собирательская деятельность его значительно расширилась, а пополнившаяся музейная коллекция представляла возможность изучать прошлое и настоящее не только крупных писателей, но и мало известных на тот момент местных литераторов.

В это же время было чётко определено понятие «местного – Орловского края», под которым подразумевалась вся Орловская губерния как сложившаяся в её историческом прошлом, так и в об-

новлённом виде, т.е. с уездами, присоединёнными после революции 1917 года. В силу этого, изучение литературы касалось памятников и писателей Брянского уезда Орловской губернии, и нового Новосильского уезда входившего ранее в состав Тульской губернии.

В работе музея были намечены те виды деятельности в изучении литературы местного края, которые остались актуальны и сегодня: собирательская, научно-исследовательская, выявление творчества местных авторов и постановка краеведения, как предмета изучения литературы в школе.

Собирательская деятельность включала в себя пополнение музейной коллекции произведениями писателей и поэтов, как уроженцев местного края, так и тех, кто провёл на орловской земле значительную часть своей жизни, оставив при этом свой творческий след. Необходимо было также заниматься выявлением и поиском ценных материалов, имеющих отношение к биографии и творчеству литераторов. Собирали подлежали и произведения устного народного творчества, как-то: сказки, песни, плачи, заговоры, загадки, пословицы, частушки.

Под научным изучением литературы местного края подразумевалось – составление полной и научной биографии местного писателя и освещение её на основе вновь добытого и критически проверенного материала. Кроме того, исследованию подлежали явления местного быта и культурно-исторического прошлого края, нашедшие отражение в произведениях данного писателя.

Выявление новых литературных сил из рабочей и крестьянской молодёжи планировалось осуществлять путём зачитывания их рукописей на собраниях. Эти произведения надлежало печатать при наличии средств.

Преподавание краеведения, как предмета изучения литературы в школе, означало изучение с краеведческим уклоном творчества местных писателей разного литературного периода и направлений. При этом в качестве примера назывались имена Тютчева, Тургенева, Фета, Лескова, Андреева и др.

В протоколе совещания Историко-культурной секции краеведческого общества от 19-го июня 1926 года по поводу преподавания литературного краеведения в школе было сказано, что «громadным научно-показательным подспорьем для осуществления этой последней задачи, является достаточно оборудованный литературно-краеведческий музей, каким можно признать Тургеневский с обширным библиографическим материалом, стенными таблицами и экспонатами».

В 1926 году музей планирует заниматься изучением жизни и творчества всех орловских писателей на несколько лет вперёд. В

проектно-производственном плане Тургеневского музея на 5 лет (1926-1930) было чётко обозначено изучение жизни и творчества не только Тургенева, но «всех писателей-уроженцев и деятелей Орловского края в его нынешних и прежних пределах», т.е. в границах Орловской губернии до и после 1917 года.

К 1927 году музею настоятельно требовались экспозиционные изменения в связи с тем, что «писательские» комнаты, занимавшие на тот момент 3-й и 4-й залы от начала осмотра музея, мешали целостному восприятию экспозиции, посвящённой И.С.Тургеневу.

21 января 1927 года на совещании Историко-культурной секции, Вера Михайловна Викторова, исполнявшая обязанности заместителя заведующего музеем, сделала доклад на тему: «Тургеневский музей в Орле», в котором наметила основные моменты его реорганизации. О «писательских» комнатах в докладе сказано следующее: «Третья “Комната писательская им.Фета” заполнена портретами поэтов, писателей-друзей и современников Тургенева, большая часть которых является уроженцами Орловской губернии: Тютчев, Фет, Лесков, Апухтин, Л.Андреев и др. Обстановка этой комнаты принадлежала Фету и поступила сюда из Клейменово. Это мебель красного дерева Николаевской эпохи, часть предметов стиля “Жакоб”».

Четвёртая комната (по порядку расположения) занята отделом краеведческой литературы – материалами о писателях, имеющих исключительно местное значение. Для пополнения этого отдела собираются все печатные труды этих писателей, их иконография, также песни, сказки, частушки, приметы и поговорки Орловской губернии. Обстановка этой комнаты состоит из частей мебели Фета стиля “Жакоб” и буфета Тургенева красного дерева».

Предлагалось первые четыре комнаты отдать Тургеневу – гостиная, кабинет-спальня, библиотечная-бильярдная и мемориальная. Пятую посвятить писателям-орловцам – современникам Тургенева: Фету, Тютчеву, Лескову, Апухтину и Грановскому с указанием на их связь с ним в личной и общественной жизни. Здесь же экспонировать фетовскую мебель. Шестую комнату сделать краеведческой, и в ней представить писателей-орловцев дореволюционной и революционной эпохи. 7-ю и 8-ю комнаты опять посвятить Тургеневу – читальню им.Тургенева с бюстом писателя в центре и уголком его парижской жизни.

В резолюции по докладу было сказано: «Принимая во внимание построение музея по методу комбинированному, заключающемуся в полном выявлении жизни и творчества Тургенева в связи с литературной эпохой, признать существенным, чтобы в построении музея принцип биографический не подавлял литературно-показательно». Председательствовал на том совещании М.В.Португалов.

2 июля 1927 года М.В.Португалов скончался в Гаспре в Крыму и с 1 августа на его место был назначен Виктор Сергеевич Растопчин, известный как поэт под псевдонимом Иванов.

Фактически обязанности заведующей музеем стала исполнять В.М.Викторова, служившая в музее с 1922 года.

Одной из инициатив Тургеневского музея в этот период в области продвижения орловских литераторов было предложение В.М.Викторовой увековечить память уроженца города Орла Т.Н.Грановского, возбудив ходатайство об установлении мемориальной доски на доме историка и переименовании бывшей Введенской улицы в ул.Грановского.

Другой инициативой стало решение издать отдельной брошюрой доклад члена Орловского краеведческого общества Ф.Ф.Руднева «Знаменитые уроженцы Орловского края».

С конца 20-х годов усилилось давление на музеи со стороны властных структур. Партийность и классовость в их деятельности стали строго обязательны. В апреле 1928 года В.М.Викторова (урождённая княжна Оболенская) была уволена с формулировкой «за бездеятельность и несоответствие к данной работе» и привлечена по «Делу краеведов» в числе 92-х человек, обвинявшихся по 58-й статье. Впоследствии все они были реабилитированы.

В начале мая 1928 года на смену В.М.Викторовой заведовать музеем пришёл Семён Данилович Рудных, до этого работавший два года заведующим экскурсионным отделом в орловском РОНО.

Целевой установкой в работе музея становится марксистский подход – как «в области изучения Тургенева, так и других орловских писателей: Фета, Тютчева, Апухтина, Лескова, Л.Андреева, Якушкина, Козьмы Пруткова и т.д., в особенности современников: И.Вольнова, М.Пришвина, И.Новикова, И.Каллиникова и т.д.».

В связи с этим 11 сентября 1928 года на заседании Правления Орловского Государственного Областного музея принимается решение о закрытии двух комнат Тургеневского музея до конца перемонтировки. Реорганизацию экспозиции, намеченную на 1929-1930 годы, требовалось осуществить на принципах марксизма-ленинизма.

Писателей предлагалось представлять в соответствии с их социальной репутацией и взглядами, подключив к ним и артистов, уроженцев Орловского края. Схема была следующей: «1. Обстановка (мебель) исключительно Фета. 2. Тютчев. 3. Апухтин. 4. Лесков. 5. Андреев. 6. Бунин. 7. Орловцы – артисты: Карпов, Федотова и Николаев, Орловский театр). 8. Раич.

Сороковые годы (западники и славянофилы)

Грановский (кружок Станкевича), Киреевские (славянофилы), (народники – Якушкин), народовольцы (картина Пчелина-Плеханов), развитие рабочего движения;

Мелкобуржуазные писатели: Калининков, Горский, Сокол, Ковалевский, Тиняков и др.

Редакция «Орловская правда» и редакторы Васильев и Селихов.

Уголок Литгруппы «Новая Ярь»: стенгазеты, литстраницы и литература.

Все уголки диалектически связаны между собой».

Но и этому плану реорганизации экспозиции не суждено было воплотиться в жизнь.

В 1930 году Тургеневский музей на правах филиала вошёл в состав Музея местного края, до этого с 1924 года пребывавшего в составе Орловского Государственного Областного музея.

Весной 1930 года С.Д.Рудных сменяет новый заведующий музеем Б.А.Ермак, который под пристальным контролем органов партийной и советской власти совершает коренную реорганизацию всей структуры музея, существовавшую до него.

В кратком отчёте о работе музея в период за апрель-июнь 1931 года Борис Александрович Ермак писал: «Музей мною принят к апрелю 1930 года. В течение апреля и по 1 мая 1930 года шла первичная реорганизация экспозиции музея. Экспозиция страдала бессистемностью и недостаточно была идеологически последовательна. Представленный мною план реорганизации был одобрен Правлением, а также советской общественностью в лице созданного Совета музея из представителей Горкома партии, Горкома комсомола, профорганизации, литературной секции научного общества, рабочих фабрики, администрации окружного и тургеневского музея.

В результате реорганизации было создано 4 новых отдела: «усадьба», «писатели – уроженцы Орловского края», «писатели-современники» и «читальня-лаборатория», библиотечно-бильярдный отдел переведён в другую комнату».

«Писательская» комната им.Фета после реорганизации под именем поэта более не упоминалась.

В 1934 году отделы музея имели 14 разделов – 12-й, 13-й, и 14-й были посвящены писателям-орловцам: дооктябрьского периода; после-октябрьского периода и писателям области, СССР, зарубежным писателям и друзьям СССР. Здесь же находилась читальня – аудитория для массовой работы музея.

Что же представляли собой эти разделы в то время?

В разделе «писатели-орловцы» дооктябрьского периода была «построена конструкция» с таким расчётом, чтобы каждый крупный писатель имел соответствующее место с разработанным для него материалом, который мог пополняться новым, полученным от современных писателей-орловцев.

В «читальне-лаборатории» также была построена во всю комнату конструкция для выставки, на которой были представлены писате-

ли Советского Союза, Орловской области и зарубежные писатели-друзья СССР. При каждом из них находились разработанные музейем анотации.

В этой же комнате был организован кабинет школьника, в котором школа на музейном материале могла проводить уроки по литературе.

После ликвидации краеведческой организации в Орле музей, с целью изыскания материалов по писателям-орловцам и современному фольклору, проводил экспедиции в Спасское-Лутовиново, Москву, Тулу и Егорьевск.

В 1934 году Орел и прилегающие районы вошли в состав Курской области, поэтому в плане работы музея на 1935 год было предусмотрено изыскание материалов не только по писателям-орловцам, но и писателям Курской области. Понятие писателей Орловского края было чётко определено границами Орловского района.

В тот год Наркомпрос и Облесполком принимают решение о создании областного литературного музея, и выполнение его возлагают на Тургеневский музей. Экспозицию, посвящённую Тургеневу, предполагается оставить в Галаховском доме. Однако из-за отсутствия помещения для этой цели, поставленная задача выполнена не была.

По этому поводу в отчёте работы музея за 1934 год было сказано, что «решения, вынесенные ...Воронежским и Курским облесполкома-ми о передаче Тургеневскому музею соседнего с музеем помещения, занимаемого Детпрофамбулаторией, – до сих пор не реализованы и, более того, Орловский Горсовет отказывается выполнить это решение, ссылаясь на то, что нет помещения для Детпрофамбулатории».

В 1935 году Б.А.Ермак на запрос академика АН СССР М.П.Алексеева перечисляет имена орловцев, представленных в экспозиции Тургеневского музея «...для большей чёткости и обширности сведений, – пишет Ермак, – сообщая имена, перечисляю писателей на основе экспозиционного материала, т.е. уроженцев и бывавших в Орловской губернии.

Сообщаю фамилии писателей, общественных деятелей, историков, публицистов, актёров, драматургов, т.е. орловцев: Киреевский И.В. – писатель, Каллиников И.Ф. – писатель, Киреевский П.В. – писатель, Селихов, Тютчев Ф.И. – поэт, Васильев, Фет – поэт, Иван Вольнов, Апухтин А.Н. – поэт, Герман, Францев. Лесков Н.С. – поэт, Тургенев И.С. – писатель, Грановский Т.Н. – историк, Писарев Д.И. – публицист, Андреев Л.Н. – беллетрист, Бунин, Устрялов Н.Б. – писатель, Карпов Е.Б. – драматург, Николаев А.Н., Федотова Гликерия Ник. – актриса». Михаила Пришвина и Ивана Новикова в этом списке нет.

В план 1935 года были включены 3 экспедиции во Мценский, Свердловский и Орловский районы с целью собирания устного и

письменного материала по Тургеневу, Фету, Вольнову, братьям Киреевским.

Планировалось провести подготовительные работы к юбилею И.Вольнова (р.1885).

В отчёте работы музея за 1936 год экспозиция музея по отделам имела следующий вид: Усадьба И.С.Тургенева; Зал-гостиная; Кабинет-спальня; Казино; Библиотека-бильярдная; Творчество 40-х годов; Творчество 50-х годов; Творчество 60-х годов; Творчество 70-80-х годов.

11-й отдел: писатели-современники и 12-й – читальня-аудитория, которая включала в себя школьный отдел, кабинет для научных занятий и библиотеку-справочную.

В 1937 году в музее была создана карта – сначала литературной жизни Курской области, но т.к. в конце 1937 года образовалась Орловская область, то всю эту работу пришлось повторить уже в рамках Орловской области. В декабре 1937 года эта карта была готова. Идея карты оказалась настолько плодотворной, что не потеряла своей актуальности и в наши дни и сегодня является визитной карточкой литературной Орловщины.

На 1938 год вновь было намечено перестроить все отделы музея: на первый план вынести показ творчества И.С.Тургенева; на второй – бытовой комплекс музея; «писательский» отдел сократить «до угла» и под названием «Писатели Орловской области» разместить в читальне музея. Несмотря на экспозиционные сокращения, научно-исследовательская работа по писателям продолжалась. В научном плане стояло изучение мест, связанных с жизнью и творчеством Тютчева, Лескова, Киреевских, Грановского, Писарева, Толстого, но главное внимание обращалось на работу с молодыми литераторами.

Ближайшей задачей являлось сотрудничество с Орловским Литобъединением, сделав музей центром учёбы начинающих писателей. С этой целью было намечено организовать товарищескую встречу М.М.Пришвина и др. писателей - орловцев с начинающими писателями объединения.

С начала 1939 года музей им.Тургенева переходит в разряд «государственных», и переводится на Госбюджет, что позволило произвести реставрацию мебели Фета: дивана, стола, двух стульев и кресла.

В тот год в заповеднике Спасское-Лутовиново впервые были организованы две постоянно действующих выставки: «Жизнь и творчество И.С.Тургенева» и «Литературная жизнь Орловской области», на последней в первую очередь из писателей-орловцев были представлены имена: Тургенева, Фета, Тютчева, Апухтина, Лескова, Грановского, В.М. Жемчужникова, Писарева, А.К.Толстого, Андреева, Вольнова, Пришвина. Имени эмигранта Бунина в этом списке нет.

Перед войной вновь активизируется собирательская и исследовательская деятельность, связанная с писателями-орловцами.

В конце 1939 года Б.А.Ермак обращается в библиографический отдел Союза писателей с просьбой прислать библиографии по писателям Пришвину и Новикову.

8 августа 1940 года в письме к А.В.Герману он пишет: «Многоуважаемый тов. Герман!»

Нам очень нужно с Вами связаться, т.к. организованные нами уголки писателей-орловцев бедны материалами.

Очень просим Вас для расширения Вашего уголка прислать: Ваш иконографический материал, иллюстрации к Вашим произведениям, книги, рецензии, рукописи, материалы о театре. Ваши указания относительно выставленных Ваших книг в витрине в музее сделаны, витрина смонтирована заново...

Очень просим Вас держать нас в курсе всей Вашей творческой работы и периодически помогать нам в пополнении Вашего уголка. Ермак».

Другое письмо такого же содержания было отправлено Ивану Алексеевичу Новикову.

29 сентября 1940 года на совещании научных работников музея под председательством Б.А.Ермака среди обсуждавшихся вопросов были: командировка научного сотрудника в Москву для сбора материала по писателям-орловцам; организация литературного семинара для изучения творчества орловских писателей; распределение тем для изучения «Жизни и творчества писателей-орловцев» с последующими докладами, посвящёнными: Тютчеву, Фету, Апухтину, Грановскому, Писареву, Жемчужникову, А.К.Толстому, Лескову, Бунину, Андрееву, Новикову, И.И.Селихову, Вольнову, Кошеварову, Францеву и Карпову.

К 100-летию юбилею Д.И.Писарева была организована выставка, посвящённая жизни и творчеству критика.

В 1940 году ревизор из института музейного краеведения Донской после осмотра музея записал: «Должен признать, что музей имени И.С.Тургенева, взлелеянный научными работниками музея, представляет собою одну из наилучших признанных массами достопримечательностей г.Орла. Надо пожелать ему всемерного развития, научно-исследовательской и массовой работы».

Однако, несмотря на хвалебный отзыв, большое сокращение штата в 1940 году отразилось на выполнении плана работ музея, поэтому на 1941-й год намечалось усилить работу по изучению местной литературы. Планировалось подготовить и постоянно экспонировать щиты и витрины с экспонатами о жизни и творчестве Новикова, Пришвина, Германа, Лескова, Тютчева, Грановского, Фета,

Вольнова, Селихова, Андреева, а также организовать юбилейную выставку Н.С.Лескова.

Все эти планы были разрушены войной. В сентябре 1941 года произошла эвакуация музейных ценностей в Пензу. 19 января 1944 года музей возвратился в родной город, а уже 20 февраля был открыт для посетителей бытовым отдел Тургеневского музея.

В это же время Горсовет передаёт музею соседний, разрушенный войной дом, в котором после его восстановления в 1946 году состоялось открытие литературного отдела, посвящённого Тургеневу.

В 1947 году вновь оживает мысль о создании музея местных писателей. С этой целью предлагается выселение Вендиспансера из дома Т.Н.Грановского и создание в нём музея его имени. Однако решение этого вопроса откладывается на неопределённое время.

В 1948 году директором Тургеневского музея была назначена умная, деловая, энергичная Евгения Ивановна Кожухова, с приходом которой научно-исследовательская работа, ослабленная в связи с трудностями послевоенного времени, вновь активизировалась.

В 1949 году был разработан тематико-экспозиционный план (ТЭП) стационарной выставки «Писатели-орловцы».

Идейная направленность в духе времени оставалась необходимой составляющей экспозиции. Общее направление выставки определялось ведущими текстами, с обязательным присутствием высказываний В.И.Ленина. На выставке должен был быть представлен целый ряд писателей, но только 7 имён Обкомом партии было утверждено: Грановского, Киреевского, Фета, Писарева, Тютчева, Лескова и Пришвина. Не прошли Якушкин, Жемчужников, Апухтин и др.

Сохранился Протокол обсуждения ТЭП от 13 октября 1949 года, из которого видно, что при обсуждении тщательно прорабатывалось представление общественно-политического лица каждого писателя.

В этом плане интересны замечания преподавателя ОГПИ Е.М.Ефимовой: «Моё общее впечатление, – сказала она, – писатели представлены как писатели одного ряда. Мы знаем, что они люди разных эпох и взглядов. Все они были участниками общественной борьбы XIX века. Правда, это писатели второго ряда, и о них нет высказываний Ленина. У учащихся может сложиться впечатление, что они все одинаковые.

Как известно, Фет в 60-е годы выпустил реакционный сборник о русском крестьянстве. Не показано действительное лицо писателя на фоне общественной борьбы.

Фет и Тютчев не могут идти в один ряд с Писаревым. Высказывание Тютчева “В России канцелярия и казарма”, “Всё движется во-

круг кнута и чина” не характерно для его общественно-политических убеждений. О Фете необходимо дать материалы из “Искры”, карикатуры и пародии, которые показывают его как реакционера и проповедника теории “чистого искусства”. Тогда Фет будет показан правильно.

Киреевский показан Вами только как собиратель народных песен.

Помимо этого, мы знаем, что он был славянофилом, а это направление было реакционным. Исключён этот момент. Вы не показываете его отрицательной стороны».

Материалы с биографическими датами писателей, иконографией, иллюстрациями к произведениям, фото рукописей и автографов были распределены на щитах. В экспозицию вошли материалы Тургеневского музея, Краеведческого музея, библиотеки им.Н.К.Крупской, Тютчевского музея в Мураново, Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина и Государственной публичной библиотеки СССР им. В.И.Ленина, Пушкинского Дома, Московского университета...

Эта выставка под названием «Писатели-орловцы» была открыта в 1950 году в выставочном зале мемориального отдела (авторы: ТЭП – Б.В.Богданов, худ. оформление – О.Н.Никитина).

По словам создателя ТЭП Б.В.Богданова выставка получилась «очень скромной», тем не менее это был ещё один шаг вперёд на пути к Музею писателей-орловцев (письмо Б.В.Богданова О.Н.Овсяниковой 07.04.2003.)

В 1956 году состоялся XX съезд партии, после которого наступила «хрущёвская оттепель».

4 апреля 1956 года вышло распоряжение Исполкома Облсовета депутатов трудящихся об освобождении «помещения по ул. 7-го Ноября, дом №24, занимаемое кожно-венерическим диспансером, в срок до 1 мая 1956 года и передачи его «на баланс музею И.С.Тургенева, как “Дом Грановского”».

4 мая состоялась передача дома Грановского Тургеневскому музею, в котором предстояло к 1 июля развернуть экспозицию Музея писателей-орловцев. Идея его создания стала принимать реальные черты, однако, поставленный Облисполкомом срок сдачи экспозиции к 1 июля был нереален, т.к. впереди предстояла ещё большая напряжённая работа. Необходимо было провести капитальный ремонт здания, ибо его состояние было плачевным; заказать и установить на нём мемориальную доску, посвящённую историку; создать группу экспозиционеров; установить связь с учёными, коллекционерами, родственниками писателей, т.е. всеми теми, кто мог оказать помощь музею, и к его открытию подготовить научную конференцию.

Кроме того, коллектив экспозиционеров в составе: Б.В.Богданова, Р.М.Алексиной, О.Н.Овсянниковой, Н.А.Калиновской, Л.Ег.Максимовой, А.И.Понятовского столкнулся с целым рядом трудностей, а именно: не доставало как «свежего» научного так и биографического материала о некоторых писателях, а также не хватало подлинников. Кроме того, несмотря на «оттепель», необходимо было выработать идеологически продуманную линию представления в экспозиции эмигранта Бунина и не принявшего революцию Андреева. В разные концы России и даже за рубеж были отправлены письма с просьбой прислать материалы для экспозиции нового музея. Письма из музея получили: вдова Пришвина В.Д.Пришвина, ближайшие родственники Л.Н.Андреева и Н.С.Лескова, племянник Бунина Н.И.Ласкаржевский.

Директор Кожухова писала вдове Бунина В.Н.Муромцевой в Париж: «Помогите нам как можно шире и ярче показать жизнь и творчество Бунина в музее» (5.08.1956); в Латвию – литературоведу К.Эгле: «У меня к Вам большая просьба, если Вам встретятся произведения Лескова, Бунина, Андреева в переводе на латышский язык, вышлите их нам наложенным платежом» (11.12.1956); в Ясную Поляну – её хранителю Николаю Павловичу Пузину, дальнему родственнику А.А.Фета: «В экспозиции мы собираемся уделить большое место Фету <...> помогите нам с материалами для экспозиции, так как у нас их очень мало» (12.07.1956).

12 октября последовало ещё одно распоряжение Совета Депутатов трудящихся «О передаче дома №22 (флигеля дома Грановского) музею Тургенева», но освободить дом от жильцов оказалось невозможно, т.к. власть не смогла найти им новой жилплощади.

В результате срочно был изменён ТЭП, и в экспозицию не вошли поэты – Тютчев, Фет, Апухтин, писатели Марко Вовчок, И.А.Новиков, Е.К.Горбов. Позднее в «Книге отзывов» Дома Грановского можно было прочитать: «Как жаль, Апухтина здесь нет, и Тютчева, и Фета».

Почти перед самым Новым годом, 29 декабря 1956 года, специально созданная комиссия приняла экспозицию нового музея, в семи небольших комнатах которого была отображена жизнь и деятельность историка Грановского, критика-демократа Писарева, выдающихся русских писателей Лескова, Бунина, Андреева, Пришвина.

Открытие Музея писателей-орловцев, ставшего филиалом Государственного музея И.С.Тургенева, состоялось 2 января 1957 года.

11 и 12 января 1957 года совместно с Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) была проведена Научная сессия, по-

свящённая открытию музея. На ней выступали известные учёные и литературоведы из Москвы, Ленинграда, Эстонии, Югославии: А.К.Бабореко, Е.В.Гутнова, Б.М.Эйхенбаум, вдова М.М.Пришвина Валерия Дмитриевна Пришвина, замечательный учёный-литературовед Леонид Николаевич Афонин и другие.

Главное же испытание создателей музея ожидало впереди – мнение его гостей-посетителей. Из Книги отзывов разных лет:

«Вот такой бы музей иметь в каждом областном центре!»

«Музей скромный, но очень нужный»;

«После посещения музея стала гордиться, что родилась на Орловщине».

«Желаю этому музею расширяться и процветать в будущем».

11 июня 1980 года Музей писателей-орловцев в обновлённом виде вернулся в стены Галаховского дома, с которого начиналась история его создания.

В заключение следует сказать, что «Писательская комната им.Фета» начала своё существование с идеи сохранения памяти об известных орловских писателях и поэтах, потом расширилась до собирания материалов о литераторах-современниках. В зависимости от духа времени экспозиция орловских писателей менялась и состояла то из одной, то из двух комнат, то сокращалась до «уголков», выставок. Однако, уже в 1921 году была сделана первая попытка создать Музей местных писателей, потом ещё несколько, а в 1934 году вышло распоряжение о создании Литературного областного музея.

В 1947 году обсуждался вопрос о создании музея имени историка Грановского с писательской экспозицией в его доме и, наконец, в 1957 году родился Музей писателей-орловцев.

Таким нелёгким и долгим был путь от «Писательской комнаты им.Фета» до музея писателей-орловцев.

Примечания.

1. Все цитируемые в статье документы хранятся в архиве ОГЛМТ.
2. Павел Николаевич Щёкин-Кротов в 1918 году был инспектором женской гимназии в Ельце. Впоследствии являлся секретарём Тургеневской комиссии при Союзе писателей СССР.
3. Имя Афанасия Афанасьевича Фета в брошюре (как Алексей) указано неверно. Очевидно, автор брошюры его не помнил.
4. *Щёкин-Кротов Н.П.* Тургеневский музей в Орле. Орёл, 1919. ОГЛМТ, Ф.1, ед.хр. 24595нв.
5. *Португалов М.В.* Краткий путеводитель по Тургеневскому музею. Орёл, 1921. С.10. ОГЛМТ, Ф.1, ед.хр. 21579оф.
6. *Ерёмин В.П.* Краеведческие записки. Орёл, 2005. С.12.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОТЗЫВ
В «ЖУРНАЛЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ МУЗЕЯ»
И ЕГО АВТОР

Публикация М.В.Алексеевой

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» (ВМЕСТО ОТЗЫВА О МУЗЕЕ)

*Дворянское гнездо. Колонны. Чаща парка.
В аллеях полусвет и липы аромат.
Беседка старая. У входа-хмелья арка.
На клумбах резеда. Газон едва примят.*

*Дворянское гнездо. Уют гостиной. Вечер.
Причудливость теней сплетается в узор.
Намеки первых гроз. Невысказанность речи.
И тетушки в цепце недремлющий дозор.*

*Дворянское гнездо. Чуть теплится лампада
В углу пред образом, где темной виден лик.
В окно глядится ночь. Чу!.. Песня листопада:
Боясь спугнуть ее, так робок лунный блик.*

*Дворянское гнездо. Грустящие затоны.
Кругом поля дремотно разлеглись.
Мерцанье звезд. Покой и полутоны.
И Лемма музыка, несущаяся ввысь.*

Это стихотворение было случайно обнаружено в деле «Журнал для записи впечатлений» Орловского государственного музея им.И.С.Тургенева» за 1952 год при поиске отзывов участников первой Тургеневской сессии в Орле, организованной музеем совместно с ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР. При просмотре оказалось, что в журнале собраны отзывы посетителей музея за период с 1952 по 1956 годы. Одни написаны школьниками: «Нам очень понравилась литературная деятельность писателя русской эпохи», другие – гостями музея из разных городов СССР: «Находясь проездом в Орле, мне довелось побывать в музее И.С.Тургенева. Сохраненная мебель, личные вещи Тургенева, библиотека – все это ... очень ярко ... рисует образ изумительного художника..., почитателем которого среди многомиллионного населения страны являюсь и я». Многие отзывы достаточно шаблонны, написаны в стиле советских времён:

«Мы узнали, как тяжело жили крестьяне при жизни Тургенева, и как жил сам Тургенев».

Тем удивительнее было обнаружить такой отзыв, в котором нет ни слова о самом музее, но все полно Тургеневым и его романом «Дворянское гнездо». Этот роман для города Орла всегда значил и значит много, начиная с его первых слов: «Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О....» и заканчивая живущей со времени выхода романа городской легендой о «Доме Лизы Калитиной».

В 2003 году вышел миниатюрный стихотворный сборник, посвященный столетию открытия в г.Орле общественного сада Дворянское гнездо, где составитель Г.А.Тюрин смог собрать своеобразный «Журнал для записи впечатлений» при посещении этого литературного места. Отзывы в этом «журнале» оставили К.Бальмонт, Ю.Олеша, Н.Браун и другие поэты.

В 2012 году к этим отзывам можно добавить еще одно поэтическое посвящение Дворянскому гнезду. На наше счастье, оно не было безымянным, автор оставил подпись: «Валент. Мих. Рождественская Уч-ца – пенсионерка из Старого Оскола Белгород. обл.». Это и позволило начать поиски сведений об авторе.

Первый запрос в Интернете дал ссылку, что в Старом Осколе с 13 января 2012 года пройдет межзональный конкурс исполнительского мастерства учащихся «Рождественский», посвященный памяти исполнителя, педагога, любителя и популяризатора классической музыки Валентины Рождественской. Вторая ссылка привела на интернет-портал «Форум – Старый Оскол», где была размещена статья А.Дригайло «Семья Рождественских», начинающаяся словами: «...хочу рассказать о людях, которые прожили долгую счастливую жизнь и оставили после себя материальную и духовную память. Все они были из одной семьи и носили красивую фамилию».

В статье были краткие сведения о Валентине Михайловне Рождественской, «педагоге с большой буквы», перед которой «снял шляпу древний город Оскол». Педагогами были и ее два брата – Николай и Дмитрий. Все Рождественские «отдали большое время своей жизни краеведению, работе в Старооскольском музее. В пожилом возрасте они являлись членами Совета музея».

На том же «Форуме» представлена историческая справка Старооскольского краеведческого музея, где сообщается: «У истоков создания музея и, по сути, его организаторами было семейство Рождественских. Дмитрий Михайлович был избран председателем старооскольского отделения Общества краеведения. Николай Михайлович был утвержден на должность заведующего музеем. В работе... братьев активно участвовала их сестра Валентина Михайловна».

Был отправлен запрос директору краеведческого музея Бурик Татьяне Борисовне. Коллеги-музейщики всегда готовы придти друг другу на помощь в самых разнообразных поисках, и ответ пришел скоро. Татьяна Борисовна прислала краткую историческую справку об этой семье, копию статьи Д.Зарубина «Рождественские. Дело краеведов» (газ. «Зори», Старый Оскол), и настоящий подарок – фотографию Валентины Михайловны вместе с братьями.

В результате всех полученных сведений сложилась более или менее целостная картина жизни типичной русской интеллигентной семьи на рубеже XIX-XX веков.

Дмитрий, Николай и Валентина родились в семье священника. Михаил Алексеевич Рождественский был настоятелем кладбищенской церкви в честь Ахтырской Иконы Божией Матери и очень много сделал для ее благоустройства. Настоятель церкви уделял большое внимание церковноприходской школе при храме, заведовал ночлежным домом и исполнял обязанности городского цензора проповедей. Семья проживала в доме на углу улиц Успенской и Воронежской (ныне Октябрьской и Пролетарской), сохранившемся до сих пор.

Николай был старшим в семье, родился в 1882 году, учился в духовном училище, затем в 1914 году окончил юридический факультет Харьковского университета. Он участник первой мировой и гражданской войн, служил в рядах Первой Конной армии С.М.Буденного. Был создателем и первым директором Старооскольского краеведческого музея в 1923-1930 годах.

Дмитрий был на 8 лет моложе (1890), как и брат, получил духовное образование. Работал преподавателем химии и биологии в фельдшерско-акушерской школе, в педучилище. Был замечательным таксидермистом, изготовленные им чучела животных до сих пор находятся в экспозиции музея в разделе «Природа Старооскольского края».

Валентина родилась 22 февраля 1885 года, получила домашнее образование. Затем окончила знаменитые высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. Работала учителем словесности, преподавала до 1940-х годов в общеобразовательной школе №1. В «Летописи школы» сохранились самые теплые отзывы учеников о ее прекрасных уроках и литературных вечерах. Валентина Михайловна любила и сама исполняла на фортепиано классическую музыку, занималась частной музыкальной практикой, в 1920-е годы с группой педагогов играла в синематографе при демонстрации немых фильмов.

Все Рождественские после учреждения в Старом Осколе краеведческого общества активно занимались культурно-просветитель-

ской деятельностью. Дмитрий был его председателем, участвовал в работе уездных и губернских конференций. В декабре 1927 года он вошел в состав правления Всероссийского Центрального бюро краеведения. Валентина публиковала статьи в местных газетах, в «Известиях Курского губернского краеведческого общества», рассказывая о жизни купцов, о старых городских названиях.

Жизнь семьи Рождественских после 1917 года была типичной для тех, кто входил в разряд «вполне советских» людей. До 1924 года никто не интересовался особо их социальным происхождением, ведь Ленин, вождь пролетариата, сам был дворянином по происхождению. Все изменилось после его кончины, начались первые «чистки» чуждых элементов. К таким вполне можно было отнести и Рождественских, ведь были они «поповские дети». А затем новый вождь Сталин разработал тезис о «классовой борьбе». В СССР начались первые показательные процессы, очередь дошла и до краеведческих обществ, которые множились по всей стране. Вначале в столицах обнаружили следы заговора «краеведов» – известное дело «академика Платонова», который вместе с единомышленниками создал «Всенародный Союз борьбы за возрождение России», готовивший свержение Советской власти. «Нити этого заговора» распростерлись вплоть до Центрального Черноземья, где общества краеведов были в Воронеже, Липецке, Курске, Орле, Старом Осколе и других городах.

В 1930 году начались аресты, им подверглись 92 человека, в том числе и братья Рождественские. 5 мая 1931 года следствие по делу краеведов было закончено, они были «вполне изобличены в предъявленном им преступлении». Несколько человек приговорили к расстрелу, подавляющее большинство были приговорены к заключению в концлагере сроком от 3 до 10 лет. Братья Рождественские, также как известные орловцы В.М.Викторова, П.С.Ткачевский, П.В.Малашенко и многие другие, получили свои сроки.

После освобождения они вернулись на родину. Бывший директор музея Николай Михайлович посвятил себя геологии, некоторое время работал геологом, с 1934 года стал преподавать минералогию и петрографию в Старооскольском геолого-разведочном техникуме. Создал новый музей – музей минералогии, существующий до нашего времени. Проработал в техникуме более 40 лет и ушел на заслуженный отдых только в 80. Умер 4 января 1981 года.

Брат Дмитрий прожил более короткую жизнь, вместе с сестрой пережил оккупацию Старого Оскола в 1941 году, общественную деятельность не оставлял, был организатором городского отделения Всесоюзного общества филателистов. И по-прежнему собирал мате-

риал о родном городе. Сохранилась его рукопись 1958 года «Главная улица», где он очень подробно описывает историю главной улицы Курской (Ленина) и ее Нижней площади.

Умер в 1968 году.

Валентина Михайловна всегда преподавала литературу и музыку, замуж не вышла, но у нее был широкий круг общения – «к ней приезжали музыканты и художники из Москвы, Ленинграда, Киева», она и сама любила путешествия. В краеведческом музее сохранились три тетради, в которых она описала свое пребывание в нескольких городах России, возможно, там есть запись и о посещении Орла. В последние годы жизни она из дома уже не выходила, но слушала музыку по радио. Умерла 20 октября 1976 года в возрасте 91 года. Остается надеяться, что она знала о восстановлении дома Тургенева в Спасском-Лутовинове и его открытии в сентябре 1976 года и всегда помнила о Дворянском гнезде в Орле.

Старооскольский краеведческий музей для этой публикации прислал копию воспоминаний заслуженного работника культуры РФ А.Е.Чечневой, директора музыкальной школы №3 г. Старый Оскол, написанных ею 27 июня 2012 года. Она лично знала Валентину Михайловну, общалась с ней с 1955 по 1975 годы. Этими воспоминаниями мы и завершаем рассказ об одном отзыве из «Журнала для записи впечатлений» с небольшими сокращениями текста.

А.Е. Чечнева

СОВСЕМ НЕМНОГО О БОЛЬШОМ ЧЕЛОВЕКЕ

При упоминании имени Валентины Михайловны Рождественской мысленно возникает ее величественный облик. Она не была человеком высокого роста, но, казалось, занимала большое пространство в любом помещении. Черная свободная одежда, седые пряди вьющихся волос, симметрично обрамлявшие лицо, старческая сутулость, нос с горбинкой придавали ее фигуре таинственность. Такой я видела ее всегда: играющей на фортепиано, входящей в зал для бесед о музыке, сидящей у нас дома за столом, встречающей гостей в своей квартире.

С Валентиной Михайловной дружили моя бабушка и мои родители. Время общения с этой удивительной подвижницей в области классической музыки и литературы пришлось на мое детство и юность. В то время (1955-1975 годы) я просто удивлялась ее непохожести на всех окружающих людей – аристократические манеры,

глубочайший интеллект и в то же время располагающая простота и умение достойно переносить трудности, а еще чувство благодарности за каждый новый день жизни.

Валентина Михайловна часто бывала у нас в доме. К ее беседам с мамой я не прислушивалась. Но вот игра с ней в четыре руки на фортепиано всегда вызывала у меня необыкновенный трепет и волнение. В ансамблевой игре с замечательной пианисткой преуспела моя сестра Марина, которая впоследствии, как и я, окончила музыкальное училище. Общение с этим идеально воспитанным, творчески одаренным человеком стало для нас знаковым: мы обе преподаем в музыкальной школе.

Я с огромным желанием занимаюсь лекторской работой, потому что в свое время была полна впечатлениями от бесед о музыке с иллюстрациями музыкальных произведений в исполнении самой Валентины Михайловны. Она приходила в школы, собирала детей, говорила о Моцарте, Чайковском, Рахманинове, Глинке, о народной песне. Все это было совершенно бескорыстно, кроме того, она копила вокальный материал, приглашала к себе на репетицию любителей музыки (имеющих хотя бы мало-мальски певческие данные), разучивала с ними романсы, арии из опер, а затем аккомпанировала певцам в концертах художественной самодеятельности. Велико значение деятельности В.М.Рожественской для становления и развития искусства в Старом Осколе.

В январе 1998 года в музыкальной школе, где и сейчас работаем, мы с сестрой провели среди учеников конкурс, посвященный памяти Валентины Михайловны Рожественской.

В 1999 году вновь был организован подобный конкурс, и участвовать в нём изъявили желание обучающиеся в других музыкальных школах города.

В 2000 году учредителем мероприятия стало Управление культуры города, состоялось открытие I городского конкурса. Мы предложили оставить его проведение в январе (с 14 по 17 число). Совпадение святочных Рождественских дней и фамилии Валентины Михайловны удваивает праздничность мероприятия.

Особенность конкурса-концерта состоит в том, что исполнители делятся по номинациям – фортепиано, духовые и т.д., а выходят на сцену в определенной очередности (например, алфавитный порядок), то есть пианиста может сменить скрипач, скрипача – аккордеонист и т.д. Слушатели присутствуют как бы на концерте. В общем масштабе получается **МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ** Валентине Михайловне Рожественской.

С 2010 года конкурс стал зональным. На открытие конкурса-концерта я ежегодно приношу нотные фолианты, некогда принад-

лежавшие Валентине Михайловне с ее росписью и пометками, тетради, исписанные ее рукой. Бережное отношение к делам и имени замечательной землячки станет примером отношения к друг другу огромному числу девочек и мальчишек.

Память выхватывает отдельные эпизоды встреч с Валентиной Михайловной, ум анализирует уроки общения, душа и сердце благодарят Создателя за прикосновение к истории жизни этого человека.

М.Е.Петухова

ПРАЖСКИЙ ГОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ ОРЛА

27 и 28 октября 2011 года, накануне своего 85-летия, гостем «третьей литературной столицы России» – города Орла был Александр Ильич Левиков (А.И.Агранович) – живущий в Праге российский журналист, публицист, писатель, поэт, очеркист. Он хорошо известен в Европе: член редколлегии и зам. Главного редактора международного журнала Business in Russia («Деловые люди»; 1990-1995), шеф Бюро этого журнала по Центральной и Восточной Европе (1996-1998; Прага), собкор московской «Общей газеты» в Европе (1999-2004), имевший свои постоянные колонки «Староногая Прага» и «Староногая Европа», автор двух вышедших в Праге книг¹, десятков тоненьких, выпущенных издательством АПН на европейских языках, автор стихов, которые печатались в русскоязычных изданиях в Праге, Балтиморе (США), звучали в концертах (Берлин, Москва), вошли в сборник русскоязычных литераторов Чехии «Течёт река Влтава» (2007).

В России имя Александра Левикова также не нуждается в дополнительных представлениях и рекомендациях: он спецкор и заведующий отделом «Литературной газеты» (1966-1989), автор сотен газетных публикаций в ней и в «Московских новостях», журнальных – в «Новом мире», «Знамени», «Огоньке», других лучших изданиях шестидесятых-восьмидесятых годов, автор восьми книг общим тиражом около миллиона экземпляров, нескольких сценариев документальных фильмов. Трижды Лауреат «Литературной газеты», Лауреат «Огонька», Лауреат премии Союза журналистов СССР, Заслуженный работник культуры РСФСР (1987), член Союза писателей СССР (1984), писателей Москвы и Союза журналистов Москвы. Награждён орденом Знак Почёта, Почётным знаком Союза журналистов России «Честь. Достоинство. Профессионализм» (2010), медалями.

Выпускник 2-й Московской артиллерийской спецшколы и Ростовского противотанкового училища. Участник Великой Отечественной войны. Был офицером, командиром взвода противотанковой батареи, а после службы в армии окончил Московский юридический институт, но стал... журналистом. Именно ему принадлежат крылатые строки:

*Трое суток шагать, трое суток не спать
Ради нескольких строчек в газете...
Если снова начать, я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти.³*

Положенные на музыку Вано Мурадели ещё полвека назад, они не только метко обозначили суть служения журналистскому делу, став гимном этой профессии, но и явились одним из жизненных принципов самого автора. Если подсчитать количество похищенных им у сна часов, суток, лет – получится вторая жизнь, также беззаветно отданная слову! Несомненные таланты психолога, философа, экономиста, историка, социолога, демографа, аналитика, ярко проявившиеся во время его нескончаемого поиска «себя в себе», ничуть не мешая таланту литературному, безгранично расширили круг его творческих исследований и открытий. Личное мужество и готовность отстаивать своё мнение, бороться на всех уровнях за честь и достоинство, за право думать и писать только так, как диктует совесть – редкие и теперь качества журналиста. Потому и вызвало его слово, всегда подкреплённое отважным, мужественным поступком, такой громкий резонанс после публикаций книг и статей, живых диалогов и дискуссий с читателями. Вызывает горячий интерес и сегодня. Десятки хорошо известных и сотни никому ранее неведомых имён и судеб людских живо представлены Александром Левиковым на страницах очерков, эссе, в стихах, статьях, репортажах, воспоминаниях. Анатолий Аграновский, Аркадий Райкин, Борис Можаев, Евгений Богат, Владимир Кантарович, Сурен Кочарян – среди них.

Тысячи километров российских просторов и европейских трасс, множество встреч и событий международного значения, годы, щедро отданные служению слову – всё это неумолимо поглощало время и силы, отдаляя от исполнения давнюю мечту – побывать на Орловщине, в родовом гнезде своих предков. Патриархи рода Аграновичей приехали из Рогнедино в город Орёл, где и прожили до середины 20-х годов прошлого столетия. Орёл стал родиной для двух старших сестёр Александра Ильича. Сам он родился уже в подмосковном Пушкино, и за долгие журналистские годы судьба ни разу не привела его в наш город. Лишь накануне солидного юбилея Александр Левиков впервые увидел Орёл, его улочки, дома, литератур-

ные музеи. Встретился с культурной общественностью города, побывал в Змиёвке, где век назад случилась встреча и началась дружба его будущих родителей. Но не только это влекло его в наш город.

Орловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), ответственным секретарём которого являюсь, служит и делу охраны памятников как таковых, и сбережению в целом историко-культурного наследия Орловщины, увековечению памяти о выдающихся земляках, выявлению новых значимых имён и судеб. Занимаясь поиском и вопросами возвращения Орлу имени Евгения Аграновича – барда, поэта, писателя, сценариста, скульптора, автора знаменитых слов к песне «Вечный огонь» из фильма «Офицеры»⁴ и песни «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...»⁵ – я обратилась к Александру Левикову, его двоюродному брату. Это знакомство счастливо переросло в дружбу, питаемую общим желанием отдать все возможные почести памяти замечательного человека, Евгения Аграновича, на его малой родине. Как брат, хорошо знающий всю непростую жизненную и литературную судьбу Евгения Аграновича и как опытный публицист, исследователь, понимающий значимость этого имени не только для Орла – для всей России, Александр Левиков горячо откликнулся на просьбу о помощи и выразил готовность всемерно помогать в этом благородном деле. Это – вторая важнейшая причина его приезда в Орёл.

Накануне Александр Левиков был приглашён в Москву, чтобы стать ведущим на вечере памяти Евгения Аграновича, прошедшего 23 октября в павильоне №62 «Республика песни» на ВВЦ и названного строкой из его нового, посвященного брату, стихотворения «*Душа неопалимая*». Москвичи, хорошо знающие и любящие творчество Евгения Аграновича, не раз приходившие на его живые концерты, впервые услышали уникальный рассказ о жизни старшего поколения рода Аграновичей – дедушки и бабушки по отцу. Узнали о судьбах двоюродных братьев и сестёр Евгения, людей, несомненно, талантливых и ярких. Увидели чудом сохранившиеся семейные фотографии, сделанные в прошлом веке на Болховской улице Орла в доме Левакова с указанием «*Фотографъ Его Имп. Выс. Вел. Кн. Михаила Александровича, И.Г.Вареник, что был тогда «удостоенъ Высочайшей награды Его Императорского Величества Государя Императора Николая II 1904 г.*»». Интерьер студии и лица до сих пор видны четко и передают удивительную атмосферу орловского быта тех лет.

Свой рассказ Александр Ильич вкратце повторил и орловцам, на дружеской встрече в уютном зале Дома-музея Н.С.Лескова, а также ответил на все вопросы о Евгении Аграновиче, о себе, прочитал свои

стихи, увидел заинтересованные глаза зрителей, подарил в фонды музея две свои книги, изданные в Праге. Вдохнул воздух орловских улочек, на которых родились и жили близкие ему Аграновичи: родные сёстры Лиля и Галя, кузен Евгений; жил и родившийся в Змиёвке брат Евгения Леонид.

Александр Ильич не спеша прошёлся по 4-й Курской улице, стоял у дома №29 на Покровской, вспоминая каждого из них, ведь когда-то давно именно здесь звучали их детские голоса, формировались характеры, рождалось чувство любви к Родине. Все они блестяще воевали и приближали Победу в Великой Отечественной. Из одного родового гнезда – пятеро! Сам Александр Агранович, младший, встретил войну пятнадцатилетним, но успел стать воином, защитником, офицером. Евгений Агранович, уйдя рядовым в первые дни войны, всю её прошёл в стрелковой дивизии лейтенантом-корреспондентом газеты «Бей врага». Леонид Агранович – во фронтовом театре. Сестра Лиля Агранович – отважная медсестра Центрального партизанского госпиталя, передвигавшегося за фронтом в непосредственной близости от линии боёв. Все военные годы она спасала раненых, которых ночами переправляли к ним на двухкрылых одномоторных самолётах. Галина Агранович – со студенческой скамьи добровольцем шагнула в самый огонь войны – санитарструктор стрелкового полка. Погибла в январе сорок пятого в бою, во время прорыва группы армий «от Вислы до Одера». Как это произошло, брат Саша узнал даже раньше, чем их отец получил официальную похоронку. Наши бойцы в маскхалатах двигались вверх по крутому берегу Вислы, навстречу ожесточённому встречному огню. Их выдавали лишь черные дула автоматов на снегу да очерки посылаемых пуль. Галя же, не прячась, в полный рост тащила на санках вниз, к реке, истекающего кровью раненого, торопилась передать его на готовый к отплытию катер. Эта ошеломительная дерзость не солдата – безоружной девушки – бросала явный вызов жестоко оборонявшемуся врагу. Алый крест её санитарной сумки стал отличной мишенью: немецкий миномётчик хладнокровно навёл прицел на безоружных, и их двоих разметало одним снарядом... В кармане Галиной гимнастёрки чудом уцелело письмо с адресом полевой почты брата, но вместо долгожданного ответа прочёл тогда Саша скупые слова офицера, видевшего всё своими глазами...

Отыскать могилу сестры среди тысяч погибших в те последние месяцы войны оказалось непросто – упорный поиск длился долгих 66 лет! Зато именно в эту, юбилейную для Александра Ильича осень, невидимые ниточки боли, памяти, страданий и надежд удивительно сплелись в одно целое, подарив ему возможность увидеть и место

последнего упокоения сестры на воинском мемориальном кладбище польского города Радом, и место её рождения – город Орёл. Так замкнулся, наконец, разорванный войной круг жизни и судьбы Галины Агранович – двадцатичетырёхлетней девушки, героически погибшей во имя жизни нашей, сегодняшней.

Каждая минута пребывания Александра Левикова в Орле была насыщена важными и знаковыми встречами. Литературные музеи города потрясли его, много повидавшего в мире. Подлинные рукописи, экспонаты, мастерски и с любовью оформленные экспозиции, профессионализм и гостеприимство работников музеев И.Булнина, И.Тургенева, Н.Лескова оставили яркий след в душе пражского гостя.

Удалось ему побывать и в Змиёвке. Там, около храма на центральной площади, где, вполне вероятно, впервые поцеловались его будущие родители целое столетие назад, высокий тополь больно ранил взгляд пустыми уже, покинутыми гнёздами. Чтобы сохранить и продолжить их жизнь, перелетные птицы обязательно вернуться к ним весной, ведь сила притяжения родного гнезда – непреодолима! Вновь побывает на Орловщине и Александр Левиков – ему ещё многое необходимо рассказать о своих братьях и сёстрах, чтобы оставленное ими родовое гнездо наполнилось, оживилось силой благородной памяти земляков.

21 апреля 2012 г.

Примечания.

1. Из клетки выпускаю сны. (Стихотворения, мемуары, памфлеты и притчи). Прага, 1999. Светотени: Стихотворения. «Русская Прага», 2009. ISBN 80-86811-50-6.
2. Колыма и колымчане. М., 1971. (В соавторстве с В.Переведенцевым, А.Смирновым-Черкезовым, В.Травинским); Пимены XX века: Средний город глазами социологов, журналистов, горожан. (Человек среди людей). М., 1973; Люди дела. М., 1977; Калужский вариант. М., 1980; Чернов и другие. (Писатель и время: Сборник документальной прозы). М., 1983; Весы доверия. М., 1983. (Серия художественно-публицистических и научно-популярных изданий); Ищи себя, пока не встретишь. М., 1987. (Серия художественно-публицистических и научно-популярных изданий); Формула милосердия. М., 1988. (Библиотека журнала «Знамя»).
3. «Песня журналистов», 1962 год – стихи Александра Левикова, музыка Вано Мурадели. Упоминается в Словаре цитат XX века. (М.: Эксмо-пресс, 2002), в интернете насчитывается до 140 тысяч ссылок на «Песню журналистов».
4. «От героев былых времён...» - слова Евгения Аграновича, музыка Рафаила Хозака, 1970г.
5. Слова и музыка Евгения Аграновича, 1954.

ЖЕНЩИНЫ ТУРГЕНЕВСКОГО МУЗЕЯ

Низко кланяясь мужчинам, которые посвятили свою жизнь Тургеневскому музею, надо признать, что неповторимый имидж этого музея создали всё-таки женщины. Блондинки, брюнетки, шатенки, молодые, в расцвете сил и, убелённые сединами, на протяжении десятилетий они рассказывали людям о том сложном и красивом явлении, которое носит имя «тургеневская женщина». За долгие годы работы многие из них сами в какой-то степени становились похожими на этих героинь. Все они, как правило, и в школе, и в институте были лучшими ученицами по литературе. Работа для многих стала главным призванием в жизни.

Редкий посетитель музея в 50-е–80-е годы не запомнил имя **Раисы Митрофановны Алексиной**. В музей она пришла в юности. Работала и научным сотрудником, и замдиректора музея Тургенева по научной работе, была в этом же ранге и в Спасском-Лутовинове, долгие годы возглавляла музей Лескова... Сколько экскурсий проведено по всем музеям и городу по линии городского бюро путешествий и экскурсий (она была одним из первых и активнейших внештатных экскурсоводов – этого в своё время очень популярного и известного в городе учреждения), сколько прочитано лекций, написано статей, сделано научных открытий! Она очень много сделала для установления контактов и дружбы с женой Андрея Николаевича Лескова Анной Ивановной, благодаря которой в Орёл были переданы лесковские мемории. Раиса Митрофановна была одним из самых активных «ходатаев» за установление памятника Н.С.Лескову. Среди орловских музееведов Р.М.Алексина и по сей день держит лидерство по изучению архивных документов. Её трудовой путь отмечен множеством знаков, почётными грамотами, медалями. С честью носит она звание Заслуженного работника культуры, щедро делясь своими познаниями и в Тургеневском обществе, и в Обществе охраны памятников истории и культуры, и в клубе «Библиофил» при библиотеке Бунина. Но она ведь и мама троих дочерей, и бабушка, и даже прабабушка, и любительница домашних солений-варений... А как в молодые годы любила петь! Все помнят, как они вместе с мужем, поистине музейщиком от Бога, Александром Александровичем Алексиним, заведующим отделом природы областного краеведческого музея, хорошо пели дуэтом.

Любила петь и **Нина Трофимовна Павлова**. С каким чувством она говорила в своих экскурсиях о любви, о живописи, о красоте, о взаимоотношениях Ивана Сергеевича Тургенева и Полины Виар-

до! А как любила Спасское: и аллеи XIX века, и грибные места во всей округе. Мне часто вспоминается такой эпизод. Нина Трофимовна ведёт экскурсию в библиотечной-бильярдной, ребята слушают буквально «раскрыв рты». И вдруг я слышу фразу: «Такого большого бильярдного стола не было ни у одного писателя во всём мире». Конечно, в 1983 году, будучи в Париже, я увидела бильярдный стол известного французского писателя Эмиля Золя. Он был значительно больше тургеневского..., но я, к великому сожалению, уже ничего не могла рассказать Нине Трофимовне, она рано умерла, даже не успев уйти на пенсию. По сути дела, Нина Трофимовна совершила поступок, когда уже в зрелом возрасте, наверное, близко к 40 годам нашла в себе силы уйти от мужа, занимавшего большой пост, оставить квартиру и выйти замуж за знаменитого в наших кругах музейного «асса» Бориса Викторовича Богданова. Идеалы любви, о которых она говорила в своих экскурсиях, Нина Трофимовна старалась претворить и в жизни. У меня сохранилась фотография, сделанная в день, когда Нина Трофимовна и Борис Викторович отмечали 50 лет со дня рождения (не знаю, точно ли у них совпадал день, или это событие было немного совмещено, не важно...). Она – без всякой косметики, седовласая, в белой блузке и чёрном сарафане, он – в чёрном костюме, белой рубашке и чёрном галстуке. Торжественно и красиво. Но, как говорил философ: «Всё проходит, и это пройдёт»... Так оно и произошло. К сожалению, романтика одно, а проза жизни другое. И Нина Трофимовна, и Борис Викторович покоятся на Спасском кладбище, очень хочется туда съездить, да последнее время как-то всё реже доводится бывать в Спасском...

Одной из самых заметных звёзд на нашем музейном небосклоне была и остаётся **Людмила Анатольевна Балыкова**. Специалист французского языка, за более чем 40 лет работы в музее она блестяще овладела русской классической литературой, стала кандидатом филологических наук, Заслуженным работником культуры. Более 25 лет Людмила Анатольевна возглавляла ведущее подразделение объединённого литературного музея Тургенева – непосредственно Тургеневский музей. Она снискала любовь и уважение и специалистов-тургеневедов, и рядовых посетителей музея. Глубина мысли, чёткость и научность излагаемой концепции, удивительная эмоциональность, быстрая реакция на любое высказывание делает общение с Людмилой Анатольевной ярким и запоминающимся. Много лет она возглавляет Тургеневское общество.

Л.А.Балыкова была и остается первопроходцем во взаимосвязях с Парижским обществом Друзей Тургенева, Марии Малибран и Полины Виардо. Вспоминаются далёкие 70-е годы, когда Людмила Анатольевна, как наш посланец, первая и впервые поехала в Париж.

Может быть, она и очень волновалась, но тогда, в молодости, это как-то не было заметно уж очень явно. Прекрасное знание французского языка придавало ей уверенность и определённую импозантность. Прошли годы... Но Людмила Анатольевна в плане творческих поисков не меняется. Она всё время генератор новых идей и предложений. Работает в музее и её дочь, Верочка. В чём-то они естественно разнятся, но в отношении к жизни дочь чётко повторяет мать. Очень дружил с коллективом музея и во многом помогал нам и муж Людмилы Анатольевны «Николаич», как сокращённо любила называть его она...

Лариса Камышалова! Сколько бы ей сейчас было? Наверное за 60... Она ушла из жизни в возрасте 56 лет. Все годы работы она отдала в основном музею Н.С.Лескова.

Что меня в ней поражало с первых дней знакомства, это артистизм. Глядя на неё, я мысленно видела то Нилову, то Гурченко, то какую-либо другую хорошо известную актрису – прекрасный рост, красивые волосы, глаза, фигура, жесты, элегантность... Вела ли она экскурсию, читала ли лекцию, была ли ведущей какого-либо вечера, это всегда был мини-спектакль. Ко всему этому она была прекрасный человек. Знающая профессию, добрая, не лишённая чувства иронии и самоиронии. Болела она долго и тяжело. Хоронили её из музея. Муж, а у Ларисы Сергеевны был чудесный, очень близкий ей по духу муж, преподаватель литературы, заслуженный учитель России, ненадолго пережил её.

С **Любовью Егоровой Максимовой** я познакомилась, ещё работая в краеведческом музее. Она была близко знакома с зав. библиотекой краеведческого музея Александрой Ивановной Петровой и научным сотрудником отдела природы Анной Васильевной Назаровой. О Любви Егоровне они говорили только в превосходной степени. О том, что это именно она, начиная фактически с нуля, после освобождения Орла от фашистов комплектовала библиотеку тургеневского музея, о её преданности делу, о её подвижничестве, об огромном трудолюбии. Надо сказать, что Любовь Егоровна по образованию была техник-строитель. После освобождения города в музее начались ремонтно-восстановительные работы. По штатному расписанию в музее никакого строителя не было. Вот директор музея Евгения Ивановна Кожухова, человек очень деловой и умный, вынуждена была взять Любовь Егоровну и использовать её по всем направлениям... Надо отдать должное незабвенной памяти Любви Егоровны, она и прекрасным библиотекарем стала, и своей первоначальной профессии строителя никогда не забывала. И в 80-е годы к ней всегда можно было обратиться за консультацией и получить толковый и исчерпывающий ответ... Любовь Егоровна во

всём и всегда была первой. Если она была включена в экспозиционную группу по созданию новой экспозиции, то можно было не сомневаться, что всё будет сделано и в срок, и качественно. Если наш коллектив посылали на прополочные работы в совхоз «Пробуждение», то первой с тяпкой обязательно шла Любовь Егоровна. Очень скурпулёзно она относилась к обзору новых поступлений в библиотеку. Если перед первомайской демонстрацией надо было нарезать ветки с цветами, то это тоже делала Любовь Егоровна. А если меня срочно вызывали на совещание в Москву и я начинала «плакаться»: «Ах, что делать, в ателье уже ничего не успеют сшить», – то Любовь Егоровна с лукавинкой в глазах говорила: «Пойдите и купите два самых больших крепдешиновых платка, я вам такое платье сошью, что всех удивим...». И, действительно, удивляла... А между тем жизнь у Любви Егоровны была совсем не простая. Война, оккупация, связанные с этим многие последствия... Но это никак не сказывалось ни на работе, ни на настроении... Похоронили мы Любовь Егоровну, по её завещанию, на родине, недалеко от Мохового... Ей было 72 или 73 года. Сказать, что мы там много раз были – не скажу, а надо было бы.

Удивительно своеобразный и интересный человек **Лидия Валентиновна Иванова**. Близкие её часто называют Светланой. А я за все годы так и не разобралась, что первично. Может быть, я плохо знаю быт и нравы 20-х–30-х годов XX века, но Лидия Валентиновна почему-то мне кажется оттуда. Когда-то я её даже про себя назвала Лидией Сейфуллиной из 32-й школы. Она преподавала литературу в этой школе. Она пришла в Тургеневский музей из школьного музея, посвящённого ребятам-подпольщикам из группы Сечкина, одной из наиболее действующих групп в оккупированном Орле. Думаю, что начало трудовой биографии – учитель в школе, школьный музей – навсегда отложило определённый отпечаток на характер и интересы Лидии Валентиновны. Она до сих пор любит школу, а ещё очень любит творчество Л.Н.Андреева. Из всех писателей, входящих в созвездие Тургеневского музея, это её любимый писатель. Она была одним из авторов андреевской экспозиции. Но как-то так сложилось, что именно в этом музее Лидия Валентиновна проработала недолго. Пожалуй, Лидия Валентиновна один из самых больших эрудитов по любому нашему писателю. Она с удовольствием проведёт экскурсию и по Лескову, и по Фету, и по Якушкину, любовно называя его «Павлушей».

А как она любила в своё время организовывать юбилейные вечера, посвящённые Новикову, Пушкину и другим писателям! Каждому выступающему школьнику писала на специальном листочке тексты, проводила бесконечные репетиции, приносила из дома реквизит – то шаль, то веер, то какую-то шкатулочку... (Лидия Валенти-

новна из театральной семьи. Её мама была режиссер в театре кукол, а папа – в областном драматическом). Но, наверное, не меньшим увлечением Лидии Валентиновны стала работа в архиве. Она – один из самых увлеченных архивистов среди музейных работников. Но в чём мы никогда не могли её убедить, так это написать статью по своим исследованиям. «Нет, не могу, не люблю, не умею...». Единственное, что от неё можно было добиться, это сделать устное выступление. Медленно, как бы нехотя, с робкой улыбкой, с наброшенной на плечи шалью или жилетом, с большой стопкой карточек в руках выходит она к столу и начинает свой рассказ. Нередко перебивая саму себя словами: «Нет, вы подумайте, как интересно, правда?». Я традиционно ей говорю, что всё-таки лучше было бы это опубликовать. На что она также традиционно отвечает, что карточки тоже остаются людям...

Оля Вологина. С вечера она попросила маму назавтра разбудить её пораньше. Когда мама подошла к кровати, то увидела, что Оля мертва. Сердце. Для всего коллектива это было как гром среди ясного неба.

...Первая половина 70-х годов. В музее Тургенева под руководством журналиста, телеведущего и вообще очень интересного человека Ю.Шушковского часто собираются студенты филфака, репетируют спектакли, больше всего пьесы Андреева. В этой группе была и Оля. В 1977 году она поступила на работу в музей. В те далёкие 70-е у нас была весьма интересная творческая обстановка. В 1974-м – открыли музей Лескова, в 1976-м – усадебный дом Тургенева в Спасском. Мы делали много выставок, вечеров ко всем литературным и общественным датам, а их было немало. Включалась во всю эту работу и Оля. В связи с тем, что тургеневские мемории в основном ушли в Спасское, мы просто обязаны были дать новую жизнь освободившемуся особняку Галаховых. Была создана большая экспозиционная группа, в которую вошла и Вологина. На её долю выпала весьма интересная работа – делать экспозицию о писателях-орловцах XX века в основном послеоктябрьского периода: А.Германо, Е.Сокол, И.Селихов, и конечно, И.Вольнов и другие. Имён было немало, но мемориальных вещей недостаточно... Хотя родственники многих из них были ещё живы и часто приходили к нам в музей, но объёмных материалов было не очень много. Важно было, чтобы этот зал «не потерялся» среди экспозиций Фета, Бунина, Андреева... Здесь многое зависело от молодого экспозиционера. И Оля Вологина хорошо справилась со своей задачей. У меня сохранилась газетная вырезка, где мы видим Олю в день открытия этой экспозиции.

Потом было большое увлечение и большая работа по Иосифу Каллиникову. Как она упорно добивалась поездки в Прагу! Доказы-

вала мне, насколько это важно, нужно, интересно. Я и сама всё это понимала; но мне надо было убедить в этом Министерство и другие ведомства. Убедили.

И всё-таки из всех писателей полностью захватил её Андреев.

Оля, безусловно, натура глубокая, творческая, индивидуальная. В принципе мы с ней неформально общались мало. Возможно, сказывалась большая разница в возрасте, а может быть и какие-то другие факторы, не знаю. Запомнилось несколько эпизодов. Помню разговор о том (естественно, с моей стороны), что молодая девушка не должна замыкаться только на науке, на работе, надо выходить замуж, создавать семью, иметь ребёнка... Второй разговор был значительно позже, после её поездки с мужем и дочерью в Испанию, она была такая радостная, загорелая, с ракеткой в руках, я бы даже сказала, окрылённая (редко я видела её такой...).

И – последний раз, на дне рождения Андреева в августе 2010 года. Оля в красивом новом белом платье приподнято, торжественно ведёт вечер, и так всё хорошо, душевно, по-семейному... Как правило, при уходе я к ней никогда не подходила, взмах рукой, кивок и всё. Но тогда мне почему-то захотелось подойти и сказать – спасибо, Оля! Я так и сделала. Она как-то удивилась: «За что вы меня благодарите, Нина Максимовна?», – «За всё, за знания, за ум, за верность традициям...». Она как-то смущённо улыбнулась и в ответ сказала: «Спасибо». Как-то недавно, после того как я в ноябре отметила своё 80-летие, стала перебирать газетные подшивки 30-летней давности и увидела весьма большое интервью с Олей, которое у неё брали на моё 50-летие. Я о нём и не знала, а она никогда ничего не говорила... Так тоже бывает в жизни...

Эльвира Анатольевна Ивушкина. За все годы работы так официально – Эльвира Анатольевна – я называла её считанные разы. Эльвирой тоже изредка. А чаще всего – Эля. Однажды В.М.Катанов сказал мне: «Какая хорошая, ласковая фамилия у вашей сотрудницы – Ивушкина, Ивушка, Ивушка – неплакучая...». Фамилия действительно соответствовала её характеру – незлобивая, иногда горячая, но отходчивая, быстрая, энергичная, вечный профсоюзный лидер, казалось, кому-кому, а уж Эле жить и жить. Но вышло не так.

Как правило, на работу в музей присылали с благословления пединститута, но бывали и исключения. Так было и на сей раз. Однажды мне позвонила Валентина Никаноровна Никифорова – начальник управления по трудоустройству – и попросила принять на работу молодую женщину, с филфаковским образованием, имеющую опыт работы в качестве пионервожатой в школе. Брала я всегда с испытательным сроком. Так было и в данном случае. Три месяца пробежали быстро, и Эльвира осталась в музее более чем на 35 лет, до

самой смерти. Сначала работала в отделе фондов под руководством Александра Ивановича Понятовского. Это была прекрасная школа для начинающего музейного работника. Часто я от неё слышала: «Помню, Александр Иванович говорил, что это надо делать вот так. А вот Александр Иванович советовал...». Наука А.И.Понятовского пошла ей на пользу, когда она стала руководить отделом научной пропаганды. Организация экскурсий, поездки в любую погоду с передвижным музеем на село, чтение лекций на предприятиях... Я считала, что этот человек на все 100 процентов на своём месте... Но вот мы стали готовить к открытию после капитального ремонта и реконструкции Дом Грановского. Однажды тогдашний начальник Управления культуры Александр Иванович Руднев задал мне вопрос: «Нина Максимовна, а кого вы собираетесь ставить на заведование этим домом?». Этот вопрос очень волновал и меня, и заместителя по науке Валентину Викторовну Сафронову. Весьма сложная экспозиция: и историк Т.Н.Грановский, и целая плеяда разнохарактерных писателей и учёных... «Думаем, но пока ничего не решили», – ответила я. «А как вы смотрите на кандидатуру Ивушкиной?» – спросил меня Александр Иванович. «Мы как-то об этом варианте не думали. А почему вы подумали о ней?», – спросила я. «Она сама обратилась ко мне с такой просьбой и попросила, чтобы я поговорил с вами».

Прошло немного времени, и мы назначили Эльвиру Анатольевну заведующей Домом Грановского. Теперь, по прошествии почти 30 лет, я сама себе говорю: «Да, расстановка кадров дело нелегкое, вот уж, действительно, 7 раз отмерь, один раз отрежь... Но мы не ошиблись». К своему новому назначению Эльвира отнеслась с большим чувством ответственности и трудолюбия. Она стала много работать в архиве, в фондах, в библиотеке; принимать участие в различных выступлениях, тщательно отрабатывая каждый текст, каждую фразу. Ну, и уж что касается массовой работы, то здесь она была настоящим «профи».

Коммуникабельность, хорошие отношения Эли с коллегами, подчинёнными всегда способствовали успеху в её работе. Мне, как директору, было с ней надёжно и легко. А когда я вспоминаю, как мужественно она держалась в последние дни, то невольно преклоняюсь перед её памятью. Как она любила свою семью – маму, папу, бабушку, мужа, сына... На наших глазах вырос её сын и его сын. Эльвира была замечательной бабушкой. Сколько она говорила о том, что он читает, что играет... Артур, как и его папа Эдуард, как и муж Эльвиры Олег (а имена-то какие...) – все они окончили музыкальное училище. Олег руководил оркестром УВД, Эдик играет в оркестре ФАПСи. Естественно, что круг знакомых у Эльвиры был очень большой – папа был известный среди орловских железнодорожников.

ков человек. Фамилию машиниста Семёнова хорошо знали в среде работников железной дороги. Мама была одной из лучших в городе закройщиц. Помню и маленький домик её бабушки недалеко от бывшей Духовной семинарии. Это была коренная орловская семья.

Лариса Викторовна Дмитрюхина. Как-то однажды Ольга Николаевна Овсянникова сказала о Дмитрюхиной – «Она как крепенький грибок...». Сказано правильно. Лариса Викторовна органично вошла в музейную жизнь уже более 40 лет тому назад. Через несколько дней ей исполнится 65 лет! Изменилась ли она за эти годы? «Забронзовела» ли в своих музейных познаниях, встала ли на котурны? Нет, нет и нет. Она такая же, как всегда. Никого не поучает (хотя могла бы – и по должности, и по знаниям), всегда сдержанна, доброжелательна, трудолюбива. Вот уж кто не любит пустых разговоров, нереальных планов и фантазий, так это она. Каждое слово выверено, каждая фраза продумана, ничего лишнего. За все годы не помню случая, чтобы после её выступления хотелось бы сказать: «Вот если бы немного короче, то было бы очень хорошо». Уже в первые годы Лариса зарекомендовала себя как вдумчивый экспозиционер и хороший экскурсовод. Испытанием на творческую зрелость стала работа над первой экспозицией в музее Лескова. И когда в 1982 году ушла на пенсию Раиса Митрофановна Алексина, Дмитрюхина была вполне состоявшимся научным сотрудником, которому мы безо всякой опаски предложили возглавить музей Лескова. У Ларисы очень быстро проявились нужные в данной должности деловые качества, организаторские способности, коммуникабельность. Всё это в большой степени осталось присуще ей в последующие годы, когда она, начиная с 1987 года и по сей день, стала нести нелёгкий груз замдиректора музея по научной работе. Новые экспозиции, выставки, конференции, а последние 11 лет и редактирование «Тургеневского ежегодника», заседание фондовой и закупочной комиссии, сверка экспонатов и многое другое – всё это проходит при самом непосредственном участии зама по науке. И вот уже четверть века Лариса Викторовна Дмитрюхина достойно на любом уровне представляет научные достижения коллектива музея.

Она не только хороший музеевед, владеющий всеми тонкостями музейной профессии, по праву носящий почётное звание Заслуженного работника культуры России, но и добрый человек, всегда сопереживающий и делом помогающий другим людям. Достаточно вспомнить её участие в судьбе Киры Александровны Дюниной (дочки воспитанницы Н.С.Лескова Вари Долиной). Когда та вместе со своим мужем вынуждена была после распада СССР покинуть Баку и переехать на жительство в Орёл, то довольно много лет (10 лет) Лариса вместе со своим замечательным мужем Владимиром Тимо-

феевичем всем, чем могли, помогали ей обустроиться и жить в Орле: это и ремонт квартиры, и уборка, и походы в магазин и на рынок, так длилось немало лет. Лариса и похоронила Киру Александровну и её мужа и по сей день ухаживает за их могилами. О человеческих качествах её можно говорить долго – ну, хотя бы давняя симпатия и уважение, которые она на протяжении десятилетий испытывает к Евгении Кузьминичне Дейч. Той уже за 90! Но всякий раз, когда Лариса бывает в Москве, выкраивает время, чтобы побывать в гостях у Евгении Кузьминичны, передать ей привет от орловцев, а нам в свою очередь рассказать о её житье-бытье, творческих делах... Скажите – мелочь, ан нет! Поймёте, когда сами будете в «бальзаковском» возрасте в квадрате... Она очень уважительно относится к людям этой категории. Откуда это идёт? Конечно, от семьи, от бабушки, дедушки, тёти. Я знала её тётю, Ларису Александровну Кузину, секретаря Орловского облсофпрофа в давние 50-е–60-е годы, настоящую русскую красавицу с косой, убранной вокруг головы, знала дядю Володю Зикеева – мы с ним вместе учились в школе... Как давно это было! И Орёл изменился, и народ, естественно, меняется, такова жизнь... Пора бы смириться, а не получается... Отрадно, что работает ещё в музее человек, который помнит и чтит традиции.

О **Елене Михайловне Шинковой** я услышала, ещё работая в краеведческом музее. Однажды Александр Шинков, молодой перспективный оператор орловского телевидения, которого все очень у нас в музее любили, поделился со мной своей новостью и радостью. «Нина Максимовна, поздравьте меня, я женился!» – «На ком?» – «На чудесной девушке. Прекрасно знает английский, и вообще всё замечательно». Вскоре, перейдя на работу в музей Тургенева, я вочию убедилась в правильности сказанного. Елена Михайловна действительно оказалась очень достойным человеком.

В ней действительно очень органично сочетаются форма и содержание. Вспоминаю её в молодости – в чёрном пальто из очень модной тогда ткани с красивым названием «кружевница», с воротником и шапочкой даже не из серой, а как бы голубой норки, в дублёнке и в шапке из чернобурки, или в осеннем, опять-таки чёрном, пальто из «джерси» с красной отделкой. Она была одной из немногих в нашем коллективе, кто так одевалась... А как держалась! Слава Богу, она и теперь так же хорошо выглядит. По-прежнему быстрая, ласковая улыбка пробегает по её лицу, по-прежнему тихо, спокойно течёт её речь, несуетливы движения, плавная походка. Почти тридцать лет пробыла Елена Михайловна Шинкова в должности главного хранителя фондов музея Тургенева. Она была второй после знаменитого Александра Ивановича Понятовского главный хранитель музея. Принять эстафету от самого Понятовского было нелегко. Когда

Александр Иванович решил уйти на пенсию, он без всяких колебаний предложил кандидатуру Елены Михайловны Шинковой. Она, действительно, была хорошо подготовлена. Сначала работала научным сотрудником отдела фондов, потом была заведующей отделом научно-просветительской работы и очень неплохо справлялась с этой ролью. Любила водить экскурсии, особенно в Спасском. Вспоминаю, что когда там ещё не было постоянного коллектива научных сотрудников и экскурсоводов, Елена первой откликнулась на призыв поехать на лето в Спасское. С ней вместе ехала и мама, Варвара Ивановна, и маленький сын Миша...

К слову сказать, тот этап нашего музейного бытия, когда в Спасское на летний экскурсионный сезон должны были выезжать сотрудники из Орла, был целой эпопеей и для «выезжающих», и для администрации. Но ничего, справлялись и здесь и там. Зато школа овладения профессией для коллектива была очень хорошая. Хотя бы та же Елена Михайловна за годы своей работы поистине стала мастером своего дела. И по знанию тонкостей музейной профессии, и по своим нравственным качествам она идеально подошла для должности главного хранителя, в коей и пребывала столь много лет. Сейчас она передаёт молодым сотрудникам свой опыт трудолюбия и добросовестности, методику общения с потомками писателей-орловцев, с современными дарителями, ведь без них, без систематической собирательской работы, без научной обработки фондовых материалов музей утратит свою привлекательность и престиж. Когда человек передаёт в музей дорогие его сердцу реликвии, он должен быть уверен в том, что здесь всё сохранят, сберегут для будущего. И уверенность в этом ему даёт общение с главным хранителем, с сотрудниками отдела фондов. На страже этого не годы, а десятилетия, проработала Елена Михайловна Шинкова.

Признанным авторитетом среди музейного мира Орла уже много лет является **Инесса Анатольевна Костомарова**. Сразу после окончания пединститута она пришла на работу в музей. Начинала с познания тургеневской темы и весьма успешно. Много лет тому назад, в конце 60-х годов молодая сотрудница была включена в группу, которая занималась подготовкой экспозиции для усадебного дома И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове. Работа эта была сколь интересна, столько же и сложна. Она требовала не только глубокого знания творчества И.С.Тургенева, но и предметов материальной культуры XIX века, усадебного быта того времени, предметов дворянского интерьера и т.д. Надо было много читать, бывать в других музеях, использовать чужой опыт, создавать свои собственные тематико-экспозиционные планы, которые впоследствии воплотились в экспозиции усадебного дома. Когда в 1976 году тургенев-

ские мемории из Орла были перевезены в Спасское, возникла идея в бывшем мемориальном отделе музея Тургенева создать новую, расширенную экспозицию, посвящённую творчеству знаменитых писателей земли Орловской – Фета, Бунина, Андреева и других известных орловцев. Возглавить группу экспозиционеров было поручено Инне Анатольевне, которая возглавляла к этому времени музей писателей-орловцев. С одинаковым успехом она владела знанием материала по всем разделам экспозиции музея – проводила экскурсии, читала лекции, выступала на конференциях. Как всегда, её отличала чёткость мысли, красивая дикция, эмоциональность... Постепенно Инна Анатольевна стала всё больше уделять внимания творчеству И.А.Бунина и всё более настойчиво высказывать мысль о необходимости создания музея Бунина. На претворение в жизнь этой идеи ушли годы, но музей был создан, и в этом несомненная заслуга Инны Анатольевны Костомаровой, уважаемого в среде буниноведов специалиста, первого руководителя музея Бунина. Она не только Заслуженный работник культуры России, но и жена талантливого орловского художника И.К.Костомарова, и мама интересной журналистки Евгении Костомаровой, и сестра увлечённого краеведа Вячеслава Анатольевича Иванова. Вот такая творческая семья...

Из всех руководителей Тургеневского музея – и мужчин, и женщин – самым «долгожителем», несомненно, является **Валентина Викторовна Сафронова**. Десять лет она была замом по науке, двадцать три года директором, а до этого ещё, в молодости, была заведующей Музеем писателей-орловцев. Что обеспечило такой многолетний успех? Безусловно, знание предмета, владение всеми секретами специфики музейного дела и спокойствие, выдержанный, я бы даже сказала, «стойкий» характер. Я никогда не помню её на работе раздражённой, рассерженной, «взвинченной». Всегда сдержанна, спокойна и «величава»...

В творческом плане Валентина Викторовна ближе всего была к Пришвину. Много раз она ездила к Валерии Дмитриевне Пришвиной и в Москву, и в Дунино. Именно она, вместе с Александром Ивановичем Понятовским, привезла из Москвы все те пришвинские мемории, которые были переданы в наш музей после смерти Валерии Дмитриевны, согласно её завещанию.

Сколько лет прошло, а я всё помню, как мы поздно вечером сидели в музее и ждали приезда этой фуры – компания ожидающих была большая – муж и свёкр Валентины Викторовны, мой муж, сын Александра Ивановича Понятовского, Александр Иванович Назаренко... Все «грузчики» были наготове, а Валентины Викторовны всё нет и нет. О выезде из Москвы она нам сообщила, а дальше – молчок. Как мы тогда жили без сотовых телефонов, без мобильной

связи – ума не приложу! Но наконец-то они приехали. Всё быстро разгрузили, на радостях наши мужчины здесь же, на стеклянной веранде Дома Галаховых выпили заранее припасённую бутылочку, ну а утром мы с волнением убедились, что всё: и вазы, и люстра, и светильники, – благополучно перенесли дорогу. Вспоминаются и другие эпизоды из нашего музейного быта. Когда готовили к открытию экспозицию в Спасском, не помню что – обивка какого-то стула или кресла уж больно имела непрезентабельный вид. Валентина Викторовна говорит мне: «Не волнуйтесь, это не так уж сложно обить новым материалом». И не говоря лишних слов, так и сделала.

Одна наша московская учёная музейная дама из института музееведения любила говорить в определённой обстановке такие слова: «За содружество пера и молотка». Валентина Викторовна прекрасно владеет и тем и другим. В бытность её директором музея сделано немало: открыты музеи Андреева, Бунина, переехали в капитально отремонтированное здание бывшей детской поликлиники фонды музея, сделан капремонт и пристройка к музею Тургенева, капитально отремонтировано здание музея Лескова. В обоих музеях открыты новые экспозиции. Наступил момент, когда уже можно и отдохнуть, тем более, что у неё аж целых пять внуков. Не успеет оглянуться, и правнуки появятся, пусть они все будут такие же достойные и порядочные, как их бабушка.

Без преувеличения всю свою долгую жизнь в музее, более 40 лет, в профсоюзных лидерах «ходит» **Альвина Тимофеевна Молозева**. Даже сложно себе представить, какими дипломатическими навыками и чертами характера надо обладать, чтобы, несмотря на все перипетии, которым подверглись за последние 20 лет профсоюзы, в музее Тургенева профсоюзная организация не только сохранилась, но и «жила»! Молозева – Альвина Тимофеевна по мужу. А когда-то давно, ещё в конце 60-х начале–70-х годов в городе многие работники культуры знали и любили трёх сестёр Матовых: Светлану, Людмилу и Альвину. Все они связали свою судьбу с культурой, все преданно служили ей многие годы, сея разумное, добро, вечное – Светлана – в бюро путешествий и экскурсий, Людмила – заведующей районным отделом культуры и Альвина – в музее. К слову сказать, когда-то, будучи ещё директором краеведческого музея, я звала Альвину на должность зав. массовым сектором. Не пошла, осталась верна музею Тургенева на всю жизнь. Уже многие годы она возглавляет экспозиционный отдел. Отдел, безусловно, сложный. В январе выставка посвящена одному писателю, в феврале – другому, а в апреле – третьему... То юбилей, то какая-то проблемная тема, то какой-либо семинар или конференция! Сколько надо поработать с материалами фондов, да ещё подготовить экскурсию, провести от-

крытие! И вот, наконец, назначен день и час. В холле музея собирается публика, звучит музыка, среди беседующих гостей появляется и сама хозяйка мероприятия – Альвина Тимофеевна. Она, как всегда, элегантно одета: в чёрных, темно-синих, серовато-бежевых тонах, иногда с шалью или косынкой на плечах. Это, наверное, идёт и от мужа, Юрия Афанасьевича, он работал не только здесь же, в музее, но и в театре. Красивым, «напевным» голосом говорит: «Дорогие друзья и коллеги, позвольте открыть нашу выставку...». Наступает тишина, и часа полтора, а то и два присутствующие переносятся в события других эпох. Внимают, слушают, сопереживают. Но Альвина может быть и очень деловой и конкретной, когда речь идёт о современных житейских делах сотрудников музея: юбилеи, свадьбы, похороны (что, к великому сожалению, тоже бывает) – ничто не обходится без её участия. Вся жизнь проходит в музее.

Здесь же рядом, за соседним столом – **Лилия Михайловна Александрова**. Тоже один из «столпов», отдавшая работе в музее уже более 40 лет. Лилия Михайловна окончила в своё время Саратовский университет. Она – знающий филолог, хороший специалист, автор ряда книг и интересных статей, посвящённых И.С.Тургеневу, признанный экскурсовод и лектор. Но всегда при этом волнуется, переживает, сомневается, как получится, понравится ли слушателям и т.д. Всем всегда всё не просто нравится, а очень нравится. Но в следующий раз опять раздаются «охи» и «ахи». Вот такой уж «волнительный» характер! За годы своей работы Лилия Михайловна всегда была в гуще общественной жизни музея. Она и сейчас – председатель ветеранской организации. Меня с ней связывает не только работа, но и личные контакты. Я была хорошо знакома с её братом Владимиром Михайловичем, ответственным работником прокуратуры, а с невесткой Галиной, преподавателем Орловского университета, мы вообще были одноклассницы. Все они хорошие, честные, порядочные люди так любимого мною XX века.

В одном отделе с Молозевой и Александровой добросовестно и с полной отдачей работает и более молодой представитель коллектива – **Галина Николаевна Павлова**. Она уже в музее порядка 20 лет, но по сравнению с «мэтрами» это, по музейным меркам, считается ещё небольшой стаж.

Есть люди, про которых говорят: «Время их не берёт». Наверное, это об **Ольге Николаевне Овсянниковой**. Знала я о ней давно, ещё с 1955 года, когда стала работать в Областном управлении культуры. Сначала познакомилась с её мужем, Василием Григорьевичем. Он был заместителем заведующего идеологическим отделом Обкома партии. Должность весьма ответственная. И это, в определённой степени, как-то сказалось и на Ольге Николаевне. Она была и оста-

лась высокой, статной, с красивым голосом, «видной», как принято говорить в таких случаях. Окончила Львовский университет (а в те далёкие пятидесятые в Орле было совсем мало людей с университетским образованием), и это, безусловно, чувствовалось. Помню, как некоторые в шутку называли её в своё время «княгиней Ольгой»... Как и все в те годы, первые шаги Ольга Николаевна начинала с экскурсий в Орле и в летний сезон в Спасском, а потом, в 1957 году, стала первой заведующей Музеем писателей-орловцев. Мне кажется, что из всех «героев» этой экспозиции Ольга Николаевна больше всего любила Марко Вовчок, она постоянно переписывалась и встречалась с её потомками, ездила в Нальчик, где был музей, посвященный этой писательнице. Хорошее знание фондов музея и экспозиционной работы, организаторские способности сыграли свою роль. В 1967 году, когда Леонид Николаевич Афонин ушёл с должности директора и перешёл в пединститут, Ольга Николаевна была назначена директором музея Тургенева. На её долю выпало очень много ответственной и тяжёлой работы. Шла подготовка к 150-летию со дня рождения И.С.Тургенева. Планы были грандиозные, в том числе и начало работы по осуществлению давней мечты всей орловской интеллигенции – восстановлению усадебного дома Тургенева в Спасском. При Ольге Николаевне были начаты работы и по музею Лескова. Судьба сложилась так, что в 1973 году я сменила Овсяникову на посту директора Тургеневского музея. Вместе нам довелось потом работать (Ольга Николаевна была заведующей непосредственно музеем Тургенева до 1986 года, до её ухода на пенсию). Многие тогда меня спрашивали: «Как Выживаетесь?». И тогда, и сейчас говорю: «Вполне нормально. Жаль, теперь стали совсем редко видятся: всё своё время она уделяет правнучке – Ритульке».

Трудно представить себе Тургеневский музей без **Светланы Леонидовны Жидковой**. Если я не ошибаюсь, а думаю, что не ошибаюсь, нигде, кроме Тургеневского отдела и Спасского за все свои более 40 лет работы в музее, она не трудилась. Покойный Владимир Алексеевич Громов, специалист и знаток Тургенева, всегда отзывался с большим уважением о творческом потенциале Светланы Леонидовны. Её экскурсии, выступления на вечерах буквально пронизаны тургеневским текстом. В эти мгновения она даже внешне становится другой – всё куда-то уходит в сторону, ничего лишнего, звучит только тургеневское слово... Светлана Леонидовна много публикуется, это действительно её жизнь. В то же время она всегда в курсе всей многообразной разносторонней внутренней жизни коллектива, хотя, насколько я помню, никогда не имела никаких официальных общественных поручений. Человек ироничный (не лишённый) и са-

моиронии), она всякому явлению даёт свою собственную оценку, иногда, может быть, излишне критичную (что не всем нравится), но, по большому счёту, правильную. Когда-то, перед открытием Спасского дома, мне довелось недели две или три жить с ней вместе в Спасском. Немало мне пришлось выслушать от Светланы Леонидовны различного рода интересных наблюдений о многих наших общих знакомых, тёплые слова о членах моей семьи: детях, внуках. Хорошо, когда есть человек, который может разделить с тобой чувство ностальгии, чувство, объединяющее людей.

Очень давно, в конце 60-х–начале 70-х в Областное управление культуры пришла работать **Екатерина Ивановна Олянич**. Долгие годы была инспектором по музеям. Мы все её полюбили – за хороший характер, за стремление вникнуть в музейное дело. Последнюю четверть века Екатерина Ивановна в музее заведует отделом научной пропаганды. День у неё расписан буквально по минутам: успевает и экскурсии провести, и послушать нового сотрудника, и принять участие в подготовке праздника. С мегафоном в одной руке, с цветами в другой она уже на возложении цветов у памятника Тургеневу. И здесь же, как бы «на ходу», она спросит вас о здоровье, пожелает добра и дальше – в школу, библиотеку, техникум – договариваться о совместных с музеем мероприятиях. Не все столь долго выдерживают «боевой» ритм отдела научной пропаганды. Но Екатерина Ивановна, Катюша, как мы её когда-то называли в молодые годы, верна своему призванию, старым друзьям и традициям музея. Она верит в нужность своего дела, живёт им. Это и есть её жизненная позиция.

В те, теперь уже давние годы, в музее работало немало увлечённых людей – **Ирина Павловна Клековкина, Ирина Александровна Юшкова, Анна Михайловна Буй**. Во многом они разнились друг от друга, кто-то больше любил творчество Тургенева (например, Ирина Павловна Клековкина), кто-то писателей-орловцев (Анна Михайловна Буй). Ирина Александровна, работая в библиотеке, систематически, с полной отдачей готовила для нас обзоры новых поступлений в книжный фонд. Объединяло их общее добросовестное отношение к делу. Все они рано ушли из жизни. Но все они сохранились в нашей памяти.

Уже приближается к четырём десятилетиям музейная жизнь **Ларисы Михайловны Маричевой**. Когда она в зале филармонии ведёт вечер, посвящённый Апухтину или Фету, наверняка неискушённый посетитель, попавший впервые на такое мероприятие, подумает: кто она, эта красивая женщина, так похожая на артистку? И, возможно, будет удивлён, когда прозвучит: вечер вела заведующая музеем писателей-орловцев Лариса Михайловна Маричева. В принципе

внешне она, действительно, больше похожа на артистку, что не мешает, а может быть, даже помогает ей лучше донести до посетителя глубину поэтической прелести и лиризма произведений писателей-орловцев. Я не помню, чтобы она куда-то спешила, суетилась, нет, по-моему, ей всё это не свойственно. Наверное, в классическом музее, каким безусловно является музей Тургенева, без такого характера тоже чего-то не доставало бы.

Дорогой читатель, ты наверняка уже устал от моих воспоминаний, ну, потерпи ещё немного, буквально по несколько фраз ещё о некоторых перспективных во всех отношениях женщинах музея. **Лия Давидовна Затуловская!** Более тридцати лет она в музее. Большую часть своей работы посвятила фондам. На «люди» выходит, к сожалению, не очень часто, но когда появляется, то всегда своими выступлениями вызывает искреннее признание у слушателей. Вместе с ней очень много лет отдал музею и её муж Рахим Рахманов, актёр, посвятивший себя пропаганде творчества поэтов-орловцев. Друзья музея на каждом литературно-музыкальном вечере ждут изумительных романсов в его исполнении. Наверное, уже более 35 лет в музее **Людмила Николаевна Коньшева**, член знаменитой семьи Коньшевых, судьба которых с послевоенных лет связана с музеем. Заместителем директора музея по науке был когда-то в 50-е годы её свёкор Михаил Тихонович Коньшев, в 70-е годы работал научным сотрудником муж Евгений Михайлович Коньшев... Очень давно в музее **Людмила Андриановна Мартынова**, нынешнее поколение, наверное, даже и не знает, что в своё время она была весьма признанной в городе шахматисткой...

Время, к сожалению, не очень благосклонно к нашей чудесной художнице **Людмиле Анатольевне Грековой**. Помню, какие лучистые были у неё глаза, когда она совсем юной девушкой пришла после художественного училища в музей. Многому надо было учиться, чтобы стать музейным художником – оформление экспозиций, выставок, различных изданий, макеты пригласительных билетов, афиши и многое другое. И всё это она делает, сидя в своём маленьком помещении... Добрейшей души человек, по сути дела, находка для музея.

Уже много лет в музее нынешняя заведующая музеем Лескова **Екатерина Викторовна Мазина**, но для меня она так и осталась Катей. Всё те же пытливые и умные глаза за стёклами очков, всё то же стремление как можно больше узнать и передать другим. Очень люблю слушать её завораживающий голос, рассказ о делах давно минувших дней, просто прелесть...

Идут годы, приходят в музей и новые люди. Я уже на пенсии четверть века. За эти годы в музее появилось немало знающих, увлечённых и любящих своё дело специалистов – **Елена Григорьевна**

Мельник (заведующая Тургеневским музеем), **Татьяна Викторовна Полушина** (заведующая домом Андреева), **Наталья Викторовна Уракова** (главный хранитель), **Анжела Николаевна Чернышова** (заведующая домом Грановского).

А сколько хороших научных сотрудников! **Лилия Георгиевна Солодوخина**, хранитель фонда «Редкая книга», человек профессионально грамотный и душевный, Лилечка, как я её зову, и этим всё сказано. Почти одновременно пришедшие в музей Лескова **Светлана Ивановна Труфанова** и **Тамара Юрьевна Балакина (Синякова)**, **Галина Олеговна Терехова**, **Наталья Ивановна Соболева**, **Анна Александровна Шевченко**, **Ольга Викторовна Ключкова**. Обо всех них можно сказать много добрых и хороших слов.

Много лет, ещё по архиву, знаю **Марину Алексееву**, помню их с мужем сразу после окончания вуза – молодые, полные планов и творческих замыслов. Когда Марина работала в архиве, я, глядя на неё, часто думала: «Наверное, ей было бы интересно и в музее работать – коммуникабельная, раскованная, элегантная, любит быть среди публики...». Я оказалась права, она и перешла в музей. И здесь, как я вижу, ей пригодились её архивные познания работы с документами. Учёный секретарь – это как раз нужное сочетание различных навыков. И они у неё есть. У Марины многое еще впереди, и хочется пожелать ей долгих и интересных лет работы в музее.

С 2011 года возглавляет большой, очень интересный и, естественно, сложный коллектив музея, состоящий в основном из женщин, **Вера Витальевна Ефремова**, дочь известного орловского краеведа и библиофила, легендарного директора Областной библиотеки **Виталия Георгиевича Сидорова**.

Кстати, хочу заметить, что в истории этого музея, директоров женщин было больше – мужчин трое, женщин – шесть.

Верочка, как я любила её звать раньше, выросла на наших глазах. Да и музейная жизнь у неё – уже почти четверть века. Работала в музейной библиотеке, достаточно времени возглавляла музей Лескова. Хорошо умеет и «слово молвить» и выглядит презентабельно, что для директора тоже немаловажно. В нужный момент и с рабочими, и со строителями вступает в деловые контакты, и на научных конференциях не раз выступала, и в аспирантуре учится. Есть у неё и ещё один весьма интересный опыт творческой деятельности. После смерти **Виталия Георгиевича**, более четверти века руководившего клубом «Библиофил» (при областной библиотеке им.Бунина), общественность оказала ей доверие, избрав председателем клуба. Уже ряд лет ежемесячно ведёт она эти заседания, не нарушая заложенные **Виталием Георгиевичем** традиции.

Быстрой, летящей походкой выходит она к своему председательскому месту, зорко оглядывает зал и, убедившись, что всё в порядке, начинает заседание... Надо отдать должное чёткости и согласованности её действий, как председателя, во взаимоотношениях с членами клуба, сидящими в зале и выступающими. Умело, тактично и своевременно направив течение заседания, не повышая голос и избегая излишнего шума. Но клуб, это хобби, а должность директора музея – это «пост», и весьма нелёгкий. Как у директора музея у Веры Витальевны масса забот – приближается двухсотлетие со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева. Мы все помним, какая подготовка шла к 150-летию И.С.Тургенева. Немалый груз ответственности лежал на директорах, на долю которых выпадали и не юбилейные даты. А грядущий юбилей обязывает к ещё большим планам и проектам.

И хочется верить, что наша энергичная и элегантная директриса сделает всё от неё зависящее для осуществления задуманного.

Уж так традиционно сложилось в истории музея, что весь груз забот ложится на хрупкие женские плечи. Хочется надеяться, что традиции, заложенные предшественниками, с честью будут нести дальше грядущие поколения.

Однажды мне довелось прочитать такие строки: «Почти невозможно рассказать, а тем более написать о чём-либо таким образом, чтобы услышавший и прочитавший почувствовал то же, что рассказчик». В какой степени удалось это мне, судить вам.

19 июля 2012 года.

Г.А.Тюрин

В ЭПИЦЕНТРЕ КУЛЬТУРЫ РОДНОГО КРАЯ (о фотографе-краеведе О.Н.Попове)

Олег Николаевич Попов был лёгок на подъём. Экскурсоводом исколесил почти весь Советский Союз. На велосипеде (с рюкзачком и фотоаппаратом за плечами) объездил родной Орёл и его окрестности. В дальние вези с друзьями-энтузиастами добирался на попутном грузовике. Его солидный возраст не замечали не только окружающие, казалось, он сам, увлечённый новыми находками и открытиями, забывал о годах. Для панорамной съёмки (с высоты птичьего полёта) Успенского мужского монастыря поднялся (в семьдесят лет!) на крышу строящейся рядом «высотки» и неожиданно для себя разглядел (и запечатлел) около храма крест, не видимый ранее другими.

Он снимал фотоаппаратом, а в последние годы видеокамерой (часто «для надёжности» совмещал фото- и видеосъёмку) почти все

значимые события, происходившие в городе и в области: заседания клуба «Орловский библиофил» и Тургеневского общества, литературные вечера и праздники, научные экспедиции и конференции, выставки, открытие мемориальных досок, презентации книг... Снимал на плёнку всё то, что достойно памяти – старинные жилые постройки (любил деревянное кружево фасадов), церкви, пейзажи, усадьбы, современников... За несколько десятилетий была собрана коллекция фотографий, охватывающая культуру трёх столетий – с 19-го по 21-е. Это поистине народная сокровищница.

Инженер-конструктор, имевший несколько патентов на изобретения; фотограф-самоучка, с юных лет взявший в руки камеру; истинный русский интеллигент, знавший подлинную ценность уцелевших отблесков прошлого, – О.Н.Попов оказался в эпицентре культурной жизни. Он был не просто увлечён историей края, он был пронизан (вернее, озарён) её глубинным светом. Он стал летописцем родного края – увлечённым, неутомимым, бескорыстным. Летописцем не по должности и по зарплате, а по призванию и душевному устремлению (может быть, велению). Фотографии и диски с записями он передавал в областную библиотеку и в литературный музей, дарил друзьям-краеведам. Часть его творческих замыслов оказалась воплощённой: изданы (и переизданы) две основные книги – «Церкви и монастыри города Орла» и «Орёл вчера и сегодня». Однако этими работами творческое наследие О.Н.Попова не исчерпывается. Здесь – кладезь.

1. Жизнь и судьба:

от технического конструирования до краеведения

Жизнь Олега Николаевича Попова – это настойчивый путь к знаниям и культуре. Он родился 11 июля 1939 года в городе Орле. Его отец, Николай Петрович Попов (1913-1992), работал слесарем на заводе Текмаш; в 1941 году был призван в армию, служил политраблотником. Прошёл всю войну. Участвовал в войне с Японией. Семья переезжала по всей стране (Казахстан, Забайкалье), в 1953 году Поповы вернулись в Орёл. Мать О.Н.Попова, Людмила Михайловна, родилась в 1915 году, умерла в 2002 году, похоронена вместе с мужем на Афанасьевском кладбище.

После окончания средней школы (1956 год) О.Н.Попов поступил в Орловский машиностроительный техникум (специальность – техник-механик по производству текстильных машин). С мая по декабрь 1959 года работал слесарем на Монинском камвольном комбинате.

Вернувшись в Орёл, трудился около 35 лет в специальном конструкторском бюро и конструкторском отделе по производству

чесальных машин Орловского завода «Текстильмаш». Начинал с техника (1959 г.), через год назначен на должность старшего техника. В 1960 году поступил в Орловский филиал Всесоюзного заочного машиностроительного института, который окончил в 1966 году. С декабря 1961 по август 1964 года служил в Советской Армии (воинская часть находилась в Орле – в Соляном переулке). Затем снова СКБ: инженер (1964 г.), старший инженер (1965 г.), ведущий конструктор (1966 г.), главный конструктор проектов (1987 г.), исполнял обязанности заведующего конструкторским отделом по проектированию приготовительных машин (1987, 1993 гг.). Сделал несколько изобретений, подтверждённых патентами (в настоящее время хранятся в Орловском машиностроительном институте). За время работы был отмечен благодарностями, денежными премиями, почётными грамотами, занесён на доску почёта (1971, 1973, 1975, 1985 гг.), награждён знаком «Победитель в социалистическом соревновании» (1973 г.) и медалью «Ветеран труда» (1985 г.). В СКБ была должность фотографа (необходимо было снимать на плёнку машины), О.Н.Попов выполнял эту работу (фотографировать начал ещё с 1956 года: после окончания школы выменял у друга фотоаппарат «Любитель»).

В сложное постперестроечное время (с 1993 по 1999 годы) О.Н.Попов работал стрелком в военизированной охране Московской железной дороги, затем стрелком ВОХР Главного управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Орловской области (2000 г.), дежурным поста охраны и дежурным пульты управления (2008-2011 гг.) Орловского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института.

В 1963 году О.Н. и Л.А. Поповы ездили по туристической путёвке в Ленинград. Во время этой поездки у инженера-конструктора проявился серьёзный интерес к экскурсионной работе. В 1971 году, окончив курсы экскурсоводов при Орловском бюро путешествий и экскурсий, О.Н.Попов работал внештатным экскурсоводом. Разрабатывал маршруты, ездил с группами туристов по всей стране: в Псков (включая Михайловское), Киев, Ярославль, Брянск... Часто бывал в памятных местах Орловского края: в Спасском-Лутовиново, в Кривцовском мемориале, в Болхове... Известный орловский краевед В.А.Власов в статье об О.Н.Попове отмечал: «Его фотоаппарат зафиксировал всё самое познавательное и интересное в музейных комплексах пушкинского Михайловского, лермонтовских Тархан, некрасовской Карабихи, толстовской Ясной Поляны, “золотого пушкинского кольца” Тверской области, не говоря уж, конечно, о тургеневских, фетовских, лесковских, апухтинских, андреевских и других литературных местах нашего края» [1, 4].

Для проведения экскурсий были необходимы наглядные материалы – фотографии памятных мест и объектов. С этого времени О.Н.Попов стал собирать фотографии старого Орла. На велосипеде он объездил весь Орёл, его пригороды и ближайшие районы. На фотоплёнку сняты сотни и сотни объектов, представляющих культурно-историческую ценность. Некоторые из этих памятных мест за последние десятилетия были утрачены. В 1977 году он стал лауреатом первого всесоюзного конкурса художественной самодеятельности по разделу фотографии за цикл работ «Наш город». Один из журналистов, характеризуя фотографии О.Н.Попова, тонко подметил: «Картина оживает, если прислушаться, то, кажется, можно услышать тихое журчание “Реки Снежедь на Бежином Лугу”, ленивое дыхание “Старого пруда в Воробьёвке”, лёгкое, еле уловимое дуновение ветерка в “Окрестностях села Тургенево”» [2, 2].

Фотографические работы О.Н.Попова были представлены на его персональных выставках: «В краю Тургенева и Фета» (Музей И.С.Тургенева, затем Полесье, 2004 г.); «И ныне и присно» (Музей И.С.Тургенева, май 2007 г.); «Дорога без конца» (к 70-летию О.Н.Попова, Музей И.С.Тургенева, июль 2009 г.); «Храмы города Орла», посвящённая памяти В.Г.Сидорова (Центральная городская библиотека имени А.С.Пушкина, 2009 г.); «Орловские храмы: вчера и сегодня», посвящённая памяти В.Г. Сидорова (Академия ФСО, 2009 г.); «Я живу в Орле» (Орловская областная библиотека И.А.Бунина, 19 мая 2010 г.) и др. В газете «Город Орёл» была напечатана краеведческая статья О.Н.Попова с названием-призывом – «Коллеги, не путайте Ермолова с Пушкарёвой» [3, 21].

Из многочисленных краеведческих материалов О.Н.Попова интересными являются альбомы-раскладушки с фотографиями деревянной резьбы на фасадах старых домов. Эта коллекция собиралась с 1983 года. Собрано 85-90% сохранившейся резьбы. Многие из тех приметных домов уже снесены. Во время учёбы на художественно-графическом факультете Орловского педагогического института дочь О.Н.Попова Наталья, обобщая и продолжая опыт отца-краеведа, написала дипломную работу, посвящённую резьбе по дереву. Орловской телерадиокомпанией создан фильм «Деревянное кружево».

Отзываясь об одной из выставок, В.А.Власов подчёркивал: «Большой интерес представляют подготовленные Поповым тематические альбомы, посвящённые деревянной резьбе орловских домов. Любовно и мастерски Олег Николаевич увековечил множество домов со сказочным деревянным кружевом. Не удивительно, что его фотоальбомы с домами, украшенными рельефными подзорами, наличниками, контурными розетками и другими элементами оформления, пользуются успехом у посетителей выставки О.Н.Попова “В краю Тургенева

и Фета" <...>. Внимание посетителей привлекают "Виды Орла" (в том числе "1-я Курская и речка Пересыханка" и уничтоженная орловская Воскресенская церковь»), а также парные фотографии, вошедшие в книгу "Орёл вчера и сегодня". Есть в зале и чудные жанровые фото – "Бабочка", "Лето", "Ёжики", "Русалка" и др.» [1, 4].

Плодотворной явилась встреча О.Н.Попова с краеведом, директором областной библиотеки имени Н.К.Крупской, председателем общества любителей книги «Орловский библиофил» Виталием Георгиевичем Сидоровым. Они были близки по своим устремлениям: энтузиасты, страстно увлечённые историей родного края; люди с огромным опытом изучения региональной культуры. Совместно подготовили альбом с видами города Орла – старого и современного (это первые подступы к реализации масштабных творческих замыслов). Попытка систематизировать огромный накопленный материал привела к созданию самодельного альбома «Храмы города Орла» (1997 г.), который оформил Олег Владимирович Левитский.

Компьютерный вариант этой книги был распечатан в шести экземплярах. Ко Дню славянской письменности и культуры эту работу издала тиражом в тридцать экземпляров. В 1999 году библиографический справочник «Церкви и монастыри города Орла» был удостоен Почётного диплома Министерства культуры Российской Федерации «...как первый опыт обобщения малоизученных материалов духовной культуры города». В 1998 году издательство «Фоллиант» напечатало книгу тиражом в тысячу экземпляров, а в 2007 году альбом-справочник переиздали в большом формате. В домашней библиотеке О.Н.Попова хранится последнее издание книги с дарственной надписью: «Олегу Попову – другу и соавтору с надеждой, что ещё выпустим не одну книгу. 12.03.[20]07 [подписи: В.Г.Сидоров и Р.И.Реутская]».

На основе фотоматериалов, собранных О.Н.Поповым (в соавторстве с В.Г.Сидоровым и А.И.Лысенко), в 2000 году издательство «Вешние воды» выпустило книгу-альбом «Орёл вчера и сегодня». В 2006 году был издан второй выпуск, дополненной новыми материалами. Авторы этих ярких издательских проектов стали лауреатами конкурса «Орловская книга» (2007, 2008 гг.). Грандиозные творческие замыслы постепенно осуществлялись, это вселяло силы и надежды...

2. Семья в историческом ракурсе

1961 год – важная веха в личной жизни О.Н.Попова. Это дата рождения семьи. Знакомство с Ларисой Алексеевной Ходаковой было давним: вместе учились в техникуме, а позже работали в Спе-

циальном конструкторском бюро завода Текмаш. О.Н.Попову были хорошо известны исторические корни семьи Ходаковых-Семовых. Он интересовался и вносил некоторые уточнения в биографии своих близких. Это прикосновение к «живой истории» – один из важных и глубоких истоков творчества фотографа-краеведа.

Отец Л.А.Поповой – Ходаков Алексей Васильевич. Его дед жил в подмосковном селе Синьково. Он занимался закупкой фруктов для начинки конфет, выпускаемых Бабаевской кондитерской фабрикой. В роду была двойная фамилия – Ореховы-Ходаковы. В семейном архиве сохранился интересный документ начала XX века – свидетельство о «награде первой степени», выданное Солодовниковским училищем купеческого общества с печатью и подписями почётного смотрителя училищ, начальника училища, законоучителя и преподавателей: «Дано по определению Педагогического Совета ученику V класса Ходакову Алексею за прилежание, отличное поведение и похвальные успехи. Москва, июня 1-го дня 1906 года». Отец Ларисы Алексеевны работал землемером.

Материнская линия Л.А.Поповой связана с родом Семовых. Её мать, Евгения Ивановна, 1907 года рождения, была дочерью орловского священника И.И.Семова. Сохранилась рукописная биографическая заметка О.Н.Попова со ссылками на исторические источники XIX века:

«Семов Иоанн Иоаннович (так было в паспорте) родился 27 сентября 1873 года (новый стиль) на Воздвижение в селе Солдатском Елецкого уезда Орловской губернии в семье священника. Рано лишился отца. После начальной школы был принят в Орловскую духовную семинарию. По окончании семинарии был назначен диаконом Сретенской (Георгиевской) церкви города Орла. Впоследствии назначен протодиаконем и служил со всеми архиереями Орла. Руководил детским хором, о чём писали “Орловские епархиальные ведомости” (1913, №21. С.623-630) – Кирилло-Мефодиевский школьный праздник в Орле (С.625-626). 15 сентября 1915 года на должность законоучителя первой Орловской гимназии назначен диакон Сретенской церкви о.Иоанн Семов (Орловские епархиальные ведомости, 1915, №38. С.592).

После революции служил в Сретенской церкви диаконом. В годы гонения на церковь работал дворником, в Сортсемовоце. В годы оккупации оставался в Орле. Однажды на постой пришли немцы, но, увидев множество икон, ушли и больше не приходили. В 1944 году был рукоположен в иереи и назначен настоятелем Троицкой церкви в Орле. Прослужил до 1957 года. Умер 16 марта 1965 года, похоронен на Троицком кладбище Орла» [4].

Сохранилась копия статьи из «Орловских епархиальных ведомостей» 1913 года – это именно те страницы (С.625-626), которые указаны в рукописи О.Н.Попова. В описании церковно-школьного праздника передаётся атмосфера городской жизни начала XX века. Прочитируем фрагмент статьи:

«Дети с большим интересом следили за встречами и облачением Архиеерея [Григория], а также за всеми другими особенностями Архиеерейской службы. Стихи на облачение, муз[ыка] Львова, умело и стройно пропели ученицы Троице-Васильевской и других школ, под управлением учителя-псаломщика И.И.Нецветаева. Громко, внятно и сознательно были прочитаны Часы мальчиком Картавцевым и девочкой Калитиной. Партесные песнопения исполняли: на правом клиросе – хор из 90 учениц Сергиевской школы, под управлением учителя С.С.Чернышова, а на левом – хор из 80 учениц Ахтырской, Ольгинской и других школ, под управлением учительницы А.А.Тропольской. Большую же часть литургии и весь молебен пели все дети под управлением о.о.диаконов: Семова, Кулакова, учителя Маньякова и под общим руководством диакона В.О.Алексапольского. Пение было настолько стройно и величественно, что лучших результатов нельзя и достигнуть» [5, 625-626].

О.Н.Попов знал и помнил И.И.Семова, поскольку до декабря 1969 года молодая семья жила в доме «под Пролетарской горой» – по улице Устье реки Орлик (это рядом со зданием нынешней городской администрации и памятником И.А.Бунину). Л.А.Попова с теплом и волнением рассказала об этом памятном уголке старого Орла и его обитателях:

«В этом доме я жила с рождения. Он был куплен в 1900 году после женитьбы дедушки – на приданое его жены (моей бабушки) Анастасии Борисовны Велижевой (1876-1943 гг.). На первом этаже была кухня, служебные помещения, здесь жила девушка из приюта, которая помогала бабушке (у неё было пятеро детей). На втором этаже было пять комнат. В послевоенное время часть комнат в доме сдавали.

У дедушки был знаменитый бас. Он пел при архиеереях, пел с владыкой. Когда начались гонения, его предупредили, чтобы он уходил из церкви (“ведь у тебя пятеро детей”). Своих детей он просил, чтобы они писали об отказе от отца (“ведь вы же не отказываетесь!”). В советское время он работал дворником где-то на 2-й или на 3-й Курской улице (чистил туалеты). Принял сан священника в годы войны – после освобождения Орла. Служил в Сретенской (Георгиевской) и Троицкой церквах. Дедушка заменил мне отца, который рано умер. Дом выдержал наводнение 1970-го года и вскоре был снесён» [6].

Вместе с о.И.И.Семовым в Свято-Троицкой церкви служили протоиерей Иоанн Васильевич Верниковский (1899-1973 гг.) и про-

тодиакон Григорий Филимонович Щеглов (1879-1974 гг.). Примечательно, что И.И.Семов и Г.Ф.Щеглов были женаты на сёстрах – Анастасии Борисовне и Анфисе Борисовне (1880-1966 гг.) Велижевых. Наследница Щегловых, у которых не было детей, являлась внучатая племянница Надежда Трофимовна Анохина (1926-1996 гг.).

В книге «Всех скорбящих радости. Болховские дневники» Людмила Николаевна Иванова, ссылаясь на воспоминания внучки священноисповедника Георгия Коссова, писала о том, что о.Иоанн Верниковский ранее служил в Георгиевском храме города Болхова, затем «его вместе со всеми болховскими священниками угнали в ссылку». Отец Иоанн сохранил и передал в орловский Богоявленский собор икону XVII века «Всех скорбящих радости» [7, 53].

В статье «Предстательство христиан непостыдное...» А.А.Борисов рассказал о последующей судьбе этой иконы: «По рассказам первого старосты храма Иосифа Николаевича Калашникова, когда начались поиски иконы, ему был чудесный сон: “То, что ты ищешь, находится у тебя на шкафу”. И действительно, там лежала эта икона. А досталась она Иосифу Николаевичу от дяди, старого священника Иоанна Верниковского, прятавшего у себя святыню после разорения храма в годы лихолетья. Весной 1996 года Иосиф Николаевич Калашников передал хранившуюся у него икону Божией Матери “Всех скорбящих радости” первому настоятелю собора протоиерею Владимиру Дорошу. Так чудесным образом икона вернулась в храм» [8]. С радостью снимая все стадии строительства колокольни Богоявленской церкви, О.Н.Попов вспоминал о хранителе чудотворной иконы, украшающей городской храм, – о.Иоанне Верниковском.

В конце 1969 года Поповы переехали в дом на улице Достоевского. О глубокой истории семьи здесь, на новом месте, напоминали не только фотопортреты на стенах, но и старинные часы, шкатулка для украшений, дедовский стол, за которым некогда сидел Афанасий Андреевич Сайко. Л.А.Попова вспоминала: «Афанасий Андреевич часто бывал у бабушки в том доме, что стоял в устье Орлика, но ночевать у нас он никогда не оставался. Иногда спал на сеновале».

Яркая и зримая память о прошлом – фотоальбомы. Снимки добротной дореволюционной печати: родственники, близкие, знакомые. Эти фотографии не могут оставить равнодушным даже стороннего наблюдателя. Память семьи, память культуры, память народа... Из этого истока исходят творческие порывы фотографа-краеведа, составившего замечательный альбом «Церкви и монастыри города Орла». Подбирая «парные» фотографии Сретенской (Георгиевской) и Троицкой церквей, автор помнил об одном из светочей духовной культуры – Иоанне Иоанновиче Семове.

Судьбой было уготовано так, что последний земной приют О.Н.Попов нашёл на орловском Троицком кладбище, рядом с моги-

лами протоиерея И.В.Верниковского, протоиерея И.И.Семова, протодиакона Г.Ф.Щеглова, А.В.Ходакова, Е.И.Семовой, А.Б.Щегловой и Н.Г.Анохиной.

3. После всего: памятные мгновения

Фотограф-краевед – хранитель памяти, которая из лабиринта суеты и обыденности выводит к высоким сферам – эстетическим и духовным. Памятным становится имя самого хранителя-творца.

В краеведческом отделе Орловской областной библиотеки имени И.А.Булгина хранятся не только книги, подготовленные О.Н.Поповым, но и электронные диски с записями заседаний клуба «Орловский библиофил»: «Памяти литературоведа В.А.Громова» (18 сентября 2009 г., №217), «Творческий портрет поэта Ивана Александрова» (23 октября 2009 г., №218), «Презентация книги А.И.Лысенко «Болхов. Колокольное имя твоё»» (13 ноября 2009 г., №219), «Писатель и журналист И.И.Солдатов» (18 декабря 2009 г. № 220), «Презентация книги В.В.Левицкого «Письма из сибирских лагерей»» (15 января 2010 г., №221)... И так месяц за месяцем – почти до последнего дня. Успел О.Н.Попов сохранить памятную страницу о своём наставнике, соавторе и друге-краеведе: «Памяти В.Г.Сидорова» (7 декабря 2010 г., №228). Всё это наше достояние – народное, национальное. Достояние, требующее ответной реакции общественности и власти – понимания и признания.

В сентябре 2011 года Олегу Николаевичу Попову было посвящёно (уже посмертно) заседание клуба любителей книги. С искренней теплотой о фотографе-энтузиасте и подвижнике говорили писатели, краеведы, родственники, друзья (А.И.Лысенко, С.Н.Салищев, Н.М.Кирилловская, А.И.Кондратенко, В.А.Ливцов, В.А.Митрохин, А.В.Анисимова, К.А.Седойкина, Э.Н.Федотова, Л.С.Ливцовская и др.). Сотрудниками областной библиотеки была подготовлена выставка-просмотр работ фотохудожника – книги, публикации в периодике, фотографии.

Ярким событием в культурной жизни города Орла стала выставка «По тургеневским местам. 160 лет спустя», посвященная памяти О.Н.Попова. Открытие (с воспоминаниями-раздумьями, обстоятельной экскурсией и литературно-музыкальной композицией) состоялось 26 июня 2011 года в Музее И.С.Тургенева. Вдохновителем и создателем замечательной экспозиции явилась Людмила Анатольевна Балыкова, заслуженный работник культуры России. На протяжении многих лет известному (в Орле, в России и в зарубежье)

тургенеvedу, вложившему душу в процесс сохранения и развития русской культуры, удаётся найти и удерживать тонкую нить, которая связывает историю и современность. Эта традиция, определяющая стиль работы Музея И.С.Тургенева, была отчётливо выражена на новой выставке.

Экспозиция, включавшая раритетные книжные издания XIX века, огромную карту Орловской губернии и фотографии памятных мест, передавала дух эпохи писателя-классика. Трогательную красоту тургеньевских пейзажей (это один из важных аспектов-лейтмотивов творческого замысла) раскрывали цветные фотографические снимки. При этом концепция выставки была связана с раскрытием ужасающих и невозполнимых утрат в отечественной культуре и отчаянных (плодотворных или безуспешных) попыток немногочисленных её заступников (сотрудников музеев, архивов, краеведов, учителей) сохранить уцелевшие крупницы классического наследия.

На выставке были представлены материалы из фондов Литературного музея, архива Тургеньевского общества и личных коллекций Л.Н.Ивановой, В.В.Глуценко, В.И.Широкобокова, С.В.Лаврова. Среди наших современников «солировал» О.Н.Попов, оказавшийся в эпицентре культуры. Именно через его объектив мы увидели: «Сруб бывшей школы, открытой И.С.Тургеньевым в с.Холодово в 1851 году» (Апальково, 1982 г.), «Руины церкви в Верхней Боевке», «Встречу со старожилками в деревне Озерки», «Введенскую церковь в селе Тургеньеве», тургеньеведов «Н.П.Пузина и Л.Н.Назарову на Бежином лугу» (1987 г.), «Открытие мемориальной доски на бывшем доме Шеншиных (ныне здание средней школы), где встретились А.А.Фет и И.С.Тургеньев» (2009 г.) и многое-многое другое. В кадре фотолетописца – надежды и утраты, связанные с орловским Дворянским гнездом: «Открытие закладного камня на Дворянском гнезде. 3 сентября 1993 г.», «Дом и сад Калитиных на Дворянском гнезде» (2000 г.), «Дом Калитиных. Современное состояние» (2010 г.).

Обычно сам фотограф, находящийся за кадром, является почти неуловимым. На этой выставке щедро (от молодых лет до последних дней жизни) представлен автор – ему посвящены отдельный стенд и витрина. Уникальным является снимок Валерия Васильевича Глуценко, запечатлевшего увлечённого фотографа-краеведа в Тургеньевском музее за обычной работой – видеосъёмкой. Фотография датирована 23 июня 2011 года. После этого оставалось только два последних дня жизни...

Владимир Алексеевич Власов, оценивая вклад нашего земляка в культуру, утверждал: «Без работ Олега Попова фотолетопись Орловщины будет неполной» [Власов В.А. Любовь к родному краю (об

О.Н. Попове) //Орловская правда. Орёл, 2004. 26 октября. № 193 (24031). С. 4].

Примечания.

1. Автор статьи благодарит Ларису Алексеевну Попову, Ольгу Олеговну Косареву и всю семью О.Н. Попова за предоставленную возможность работать с материалами личного архива.
2. *Власов В.А.* Любовь к родному краю [об О.Н.Попове] //Орловская правда. Орёл, 2004. №193(24031), 26 октября.
3. *Эминова Р.* В краю Тургенева и Фета //Поколение. Орёл, 2004. №125(12151), 11 ноября.
4. *Попов О.Н.* Коллеги, не путайте Ермолова с Пушкарёвой //Город Орёл. Орёл, 2005. №32 (44), 11 августа.
5. Личный архив О.Н.Попова (г. Орёл).
6. *Преображенский А.* Кирилло-Мефодиевский церковно-школьный праздник в Орле //Орловские епархиальные ведомости. Орёл, 1913. №21. С.623-630 (цитируется по копии из личного архива О.Н.Попова).
7. Встреча с Ларисой Алексеевной Поповой, женой О.Н.Попова, и его дочерью – Ольгой Олеговной Косаревой состоялась 14 мая 2011 года. В беседе участвовали ведущий тургенивед Орловского литературного музея Людмила Анатольевна Балыкова, разрабатывавшая концепцию выставки «По тургенивским местам. 160 лет спустя», и фотограф-краевед, создатель популярного и содержательного интернет-сайта «Орёл известный и неизвестный» – Валерий Васильевич Глущенко, чьи фотографии и фотокопии были представлены в экспозиции, посвящённой О.Н.Попову.
8. *Иванова (Преснякова) Л.Н.* Всех скорбящих радости. Кн. II. Болховские дневники: документальная повесть. СПб: Русская классика, 2008. 280с.
9. *Борисов А.А.* Предстательство христиан непостыдное...: Праздник иконы Всех скорбящих радости [электронный ресурс] //www.sbs-orel.ru/node/431 (Богоявленский собор города Орла. Новости храма. 6 ноября 2011).

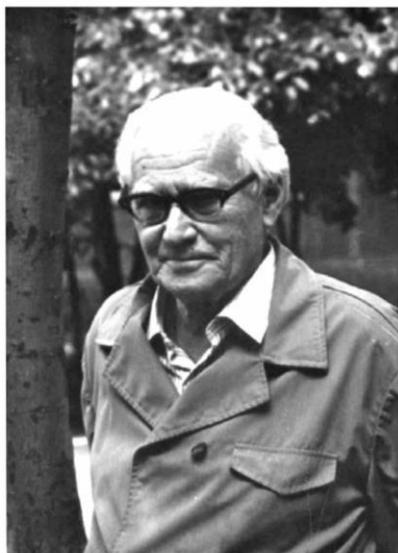
VI.

*Друзья музея:
творчество*

*В.М.Рождественская
с братьями.
Фото до 1917 года.*

*Юрий Софиев.
Алма-Ата. 1960-е гг.*

ПРОВОДЫ

*Чему тебя в школе учили, а ну-ка, скажи-ка
Над Ладогой что за наука кругами летать.
Ведунья озёрная, лунных Кижей сторожиха,
Стрижей провожает и галочку ставит в тетрадь.*

*Едва, как положено, лёг на крыло, а туда же –
За старшими, за вожакими выравнивать клин.
Вся нечисть кижиная лыка с обеда не вяжет
Попели, поплакали – сделали всё, что могли...*

ОТЦОВСКОЕ

*Мышки, мамыны дочки, да где там...
Никакого на них окорота.
За позёмкой пропал и след.*

*Далеко ль догонять белым светом?
Только скроешься за поворотом –
Вот так встреча: привет – привет...*

*Никакого портретного сходства.
Только скорбь полевого сиротства
И в отнорок – чуть что – нырок.*

*Когти мамыны, мамыны ушки,
Аромат хитроумной ловушки.
Простодушный её хлопóк.*

*Виновата, талдычишь в который раз.
Сутолока, оторопь языка.
Ты добыча его ненасытных фраз,
Крепостной его музыкант.*

*Речь идёт о тебе, пытливо идёт,
Сдержанная, смазанным остриём
Чуть касаясь нехоженых нечистот,
Чуть лаская ушной проём.*

*Свои таланты из земли выкапывал
И пополам делил с холопами.
Косого, серого и косолапого –
Знай наших! – по плечу похлопывал.*

*Лихого, праведного, перспективного
С плеча отечески одаривал.
Вытягивала голову рептилия
Из-под шинели государевой.*

*Твой частный апокалипсис настал.
Не выручит, Емеля, щучья крыша.
Лелеяли тебя из уст в уста,
Теперь всю подноготную запишут.*

*Ночуй, Емеля, в стрёмных гаражах,
Скрывайся в каланче водонапорной.
Поближе к равнодушию горожан,
Подальше от амбиции фольклорной.*

САМОЕ ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

*Под долгую вьюгу взгрустнулось душе,
Но это, душа моя, зря.
Садовник в каморке готовит уже
Ревизию инвентаря.*

*А что ты хотела от вьюжной ханжи,
Не терпящей южных границ?
Ведь даже снежинку нельзя положить
Гербарием между страниц...*

ИЗ СБОРНИКА «ЗЕМНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»

*Когда лучи рассеют холод,
Меняем мы в погожий день
Родной многоголосый город
На скуку тихих деревень.*

*На мир чужой и незнакомый
С волненьем устремляем взгляд,
Но тем охотнее назад
Спешим к оставленному дому.*

ЛУЧ

*Ещё дрожали влажные кусты,
Качая в листьях россыпи дождинок,
Но вот уж луч возник из темноты,
Закончив с грозной тучей поединок.*

*И, солнце прославляя до небес,
Вернулось певчих птиц разноголосье,
И просветлел насквозь промокший лес,
И выпрямились жёлтые колосья.*

*От света и блаженного тепла
Душа недоумённо ликовала,
Как будто снова друга обрела
Кому я тайну сердца поверяла.*

*Всё больше к раздумью склоняюсь с годами.
В поблёкшей сирени ищу красоту,
Всё дольше стою над сухими цветами
С напрасным укором за их немоту.*

*Всё глуше к весеннему звону капли,
Всё чаще мне видятся грустные сны.*

*Прохладнее осень, короче недели,
Как солнце в ненастье, подруги нужны.*

*Всё радостней сердцу от вольного шума
Весёлых детей на зелёном лугу.
И память о детстве под небом угрюмым,
Как майские грозы в душе берегу.*

Вячеслав Силаев

ТУРГЕНЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

*Волнуют Спасского картины
Под звёздным куполом небес,
Деревьев сонные вершины
Хранят мир сказочных чудес.*

*Глядят задумчиво из ночи
Дела и лица старины.
В ней узнаём мы предков почерк,
Культуру прошлого страны.*

*Резец художника удачно
Дал зданьям выпуклость и грань,
В них, словно кружеевом прозрачным,
Архитектуры светит ткань.*

*На этот остров чудный, светлый
В духовной стройности своей,
Идут к мечте своей заветной
Орловцев толпы и гостей.*

*Как всё таинственно, желанно
С высот Дворянского гнезда,
Напоминает постоянно:
«Бережь жемчужину всегда!»*

*Когда-то здесь, в аллеях парка,
Тургенев в юности бродил,
Талант, раскрыв свой редкий, яркий,
Роман известный сочинил.*

*Храня великое наследье
И память чувства о былом,
В сердца зароним убежденье:
Дворянка – наш Орловский дом!»*

Валерий Протасов

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ИЗ КНИГИ «ЗИМНИЙ САД»

ЧУДНЫЙ ДЕНЬ

Позднее бабье лето. Погожий солнечный денёк. Берег над излу-
чиной двух рек: Оки и Орлика. Крутой обрыв над Окой, правый по-
логий берег которой взят в гранит набережной; левый – такой же,
как и сто, двести лет назад, заросший над песчаными крутизнами
дикими порослями кустарников и трав. «Тургеневский бережок». Где-то тут место, с которого молочное дитя «впервые окидывало
взорами небо и землю».

Вдоль обрыва аллея ещё зеленых тополей, покачивающих свои-
ми кудрявыми вершинами. На самом выступе, – прячась в листе-
легкая круглая беседка. Между её белыми колоннами нависают не
потерявшие свежесть ветки ивы. Снизу, из-под горы, заглядывают
в белизну ротонды желтеющие листья берёз. И кажется, что это
гроздь созревшего таёжного винограда. В просвете нежно синее
река. Стоит подойти ближе – и вся она в своей широкой свободной
гладии расстилается перед глазами. В солнечном столпе струится и
трепещет золотым блеском. Ломкие огненные блики вспыхивают и
гаснут на её струящейся поверхности. Тепло. Солнце пригревает. И
только налетающий порывами ветер напоминает об осени.

В чистом утреннем воздухе сквозят поляны с ещё сочной зеленью.
Под деревьями трава устлана хрупким золотом опавших кленовых
листьев. Ветер срывает их с ветвей. Плавно кружась, опускаются
они на землю. Дети собирают их в красно-жёлтые охапки.

Бабочек не видно. Впрочем, вот одна, белая с чёрными отточиями
на крыльшках, трепещет над синими цветами цикория. Над водой у
берега вьются стрекозы. Поздний шмель пригнулся на буторке меж-
ду засохшими цветами татарки.

А дальше, в глубине сада пылают румянцем округлые кроны клё-
нов; одни багровые, другие сияют последним золотом увядания.

Сквозь шум ветра долетает гул города, глухо, отдалённо, точно
размытый пространством и временем. За садом – улицы, дома, ма-
шины, люди со своими страстями, волнениями. Дальше – пустынные

поля, дороги, неоглядные дали... Вспоминаются строчки, написанные когда-то великим сыном этой земли, таким же простым, стыдливо-скромным и удивительно глубоким в своей поэтической простоте, как и сама она: «На тысячу вёрст кругом Россия, родной край...»

Чудный день! Так ласково греет солнце, так блестит река...

1 октября 1993 года.

СНОВА В СПАССКОМ

Лет пятнадцать не был я здесь, а не жил и того дольше, с тех самых пор, когда молодым словесником житейским волнением был выброшен в эту «тихую» заводь, о которой ещё ничего не знал... Первые дни мая были в самом деле тихи, как бывает тихо перед бурей, но в воздухе уже чувствовалось тайное волнение. Почти безлюдная усадьба дремала под ласковым солнцем. Медленно подсыхали от апрельских снегов дорожки. И вот сначала тонкими струйками, потом всё более шумным потоком потекли первые паломники. Вал за валом накатывали они на парк, заполняли тесные комнаты «флигеля изгнанника», где помещалась тогда вся экспозиция. Натиск был силён. Но и мы были молоды, полны энтузиазма, не знали меры сил. Жили в усадьбе, на «чёрном дворе», в одноэтажном доме. Вечерами вдыхали свежесть близкого сада, слушали сквозящую, гулкую тишину, в которой оглушительно били соловьи...

Особый дух веял и тогда над этим местом. Тайная магия Спасского никогда не ослабевала и потом. Не иссякла она и нынче. Что бы ни делали со Спасским, как бы ни изменяли порядки, дух его никогда не умрёт, сказал мне старый хранитель. Да. Это так. Пока есть парк, усадебные постройки, старый колодец (забитый теперь), из которого мы брали воду, таинственный тургеневский и лутовинский дух будет витать над этим местом, будет хранить его... Медленно подвигаясь от вновь выстроенного дома к «дубу» и дальше, к пролётным липовым аллеям, я думал, что выйди сейчас в сад Варвара Петровна – и мигом всё узнает, схватит ревнивым взглядом и чутким сердцем.

Да, дух Спасского ещё здесь. Он не хочет покидать этого места. И слава Богу! Не будем же теснить его.

А воздух здесь и в самом деле особый, как бы поднимающий с собой и мысли человека. Пахнет не то настоем земляники, лип, ёлок и лиственниц, не то самой землёй, неизменной от века. Везде вокруг воздух вольный, здоровый, свежий: и на деревне, и на выгоне, и на открытых местах у Злодеева верха. Везде он хорош. Но в усадьбе пахнет слаще – может быть, потому, что напоен теплотой прошед-

ших здесь жизнью, дыханием любящих Тургенева сердец; может быть, потому, что неизменный состав растений, сроднившихся со здешней почвой, не даёт ему выветриться.

Аллея спустилась к пруду, обогнула его по крутизне берега, с которого открывается вид на просторы Екатерининского тракта, побежала, извиваясь, змейкой вверх. И везде вспоминалось что-то из тех далёких невозвратных дней. Невозвратных, как и всё на свете, - в этой реке жизни, которую не остановить. Мы не замечаем, как текут её медленные воды, а время делает своё дело... «Одних уж нет, а те далече...» И все мы неуклонно близимся к своему земному пределу...

За воротами усадьбы свежей ещё зеленью сверкал выгон. Стены мавзолея прятались в кустах бузины. Я быстро нашёл дом, в котором брал когда-то молоко. Его хозяйки, Фёклы Васильевны, уже шесть лет как нет на свете. Фёдор Яковлевич ушёл ещё раньше. Их сноха Марина собирала яблоки в саду, набрала мне столько, что и не унести. Мы припомнили смешное и грустное. Всегда есть прелесть в таких воспоминаниях, сближающих и не очень близких людей, всех и всё примиряющих. Потом вошли в дом. Всё тот же пол в сенях, те же жбаны, горшки, тот же запах. Вот только нет прежних хозяев. И в комнатах ничего не изменилось, только от холодной печи дышит уже не жилым духом. «Молодые» перебрались в другой дом, ближе к новой слободе. То же и на дворе: ни дыхания, ни рёва коровы, ни бляения овец; холодный варок, покосившийся навес над погребом. А бывало петух-разбойник, инкубаторский выкормыш, маленький и почти бесхвостый, делая вид, что ему ни до чего нет дела, хитро и ловко подскакивал к курам. Нет ни этого неутомонного петушишки, ни его потомства. Сам хозяин дома в больнице вот уже скоро год. Сломал зимой ногу, и пока ребята волокли его домой по обледенелой дороге, получил ещё несколько переломов.

Где ты, тургеневская деревня, полная покоя, простоты и довольства, кишевшая людьми, как пчёлами улей; где твои дымки по вечерам, рёв отягчённой скотины, где песни и игры на майдане в Петров день? Всё рассеяно, поломано, как зубья выщербленной бороны...

Да, воды жизни не остановить. А всё же есть нечто, что не уходит, не выветривается, как земляничный запах Спасского. Этот дух любви, доброты и прощения, веющий над землёй, над этим уголком её, где было почувствовано и высказано так много заветных желаний, лучших сердечных чувств и упований. Иногда они разведируются, звучат нестройно и болезненно для слуха, но дух творчества и созидания всё исцеляет, всех примиряет. Да светит он нам, как это ласковое солнце в погожий осенний день!

9 октября 1993 года

НАД ОБРЫВОМ

Солнце близится к полудню. Над оврагом яркое синее небо с редкими мазками кремowych облаков. Овраг этот древний образовался невесть когда. И, конечно, много старше и самого города, на окраине которого лежит, и той слободы, которая обосновалась на его берегу и почему-то называется «весёлой». Что в ней весёлого, не знаю, а думаю, что в названии сказалась та ироническая черта русского ума, который любит называть иногда вещи прямо противоположными их смыслу именами. Ходят разные слухи и истории. Но весёлого в них ничего нет.

Овраг зарос травой и деревьями. Здесь, видимо, было когда-то русло давно высохшей реки – след прорезавшего эти места ледника. Река, судя по всему, была глубокая, с обрывистыми, круто уходящими вниз берегами. А как она называлась, никто не знает. Может быть, и названия у неё не было никогда, и сама река исчезла раньше, чем на её берегах появились люди. Звуки какой речи слышались первоначально в её окрестностях – одному Богу известно.

И в самом овраге, и на кручах, и на пологом берегу, поросшем лесом, растительность, напоенная влагой обильных дождей, зелёная, свежая, как в начале лета.

На противоположном безлесом берегу новенькие двух- и трёхэтажные дома из белого кирпича, с высокими островерхими чердаками. Зачем они так высоки? Ведь жить в них нельзя из-за летней духоты, да и зимой не очень удобно.

Есть, правда, домики поаккуратней, с жилыми комнатами на втором этаже, панелью для будущего балкона. Кое-где ближе к краю обрыва огороды с теплицами – благо лишний раз никто не подберётся к ним из-за крутизны. И вообще дома стояли так обособленно от людных мест, что редкий прохожий забредёт к ним без надобности. Вот только сипло и глухо гудевший неподалёку завод немного портит дело. Зимой звук, конечно, не слышен. Но летом... Впрочем, и к этому можно привыкнуть. Было бы жильё, крыша над головой, да стены. Да земля близ дома.

А слобода с виду самый обыкновенный посёлок, в последние годы поднабравший и новых жильцов, и занявший новые земли вдоль над ложиной, и, конечно, обросший новыми слухами и сплетнями.

Рядом Орлик. На другом берегу оврага лесок Дворянского гнезда, отделяющий город от выселок. Слободой эти места стали, видно, давно, в те времена, когда так назывались всякие выселки и починки. И о нравах здешних людей ничего не скажу – не знаю. Нравы нынче везде одинаковы. А строятся люди – что ж! Чему завидовать? Пусть

живут, вырастают корнями в землю. Остальное видит Бог да люди.

Дома и дворы на солнце спят. Затенённое деревьями дно оврага – тоже. Оттуда тянет сыростью. Влажно и под деревьями в лесу.

Вокруг пустынно, тихо. Но вот рыже-коричневый сеттер вылетает к самому краю обрыва. Кося огненным глазом, тыкается мордой в куст алой колючки, ещё не покрывшейся шипами.

– Нравятся цветы? – спрашиваю я.

– Прры! – отвечает пёс и снова фыркает.

– Он не кусается, – говорит подошедшая девочка.

Я улыбаюсь ей, и собаке и иду дальше, думая о том, что бывает в жизни до нас и после.

А исчезнувшая река шелестит травой, которая тоже не знает ни прошлого, ни будущего.

1 сентября 1994 года

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШИХ АВТОРАХ

Александрова Лилия Михайловна – научный сотрудник ОГЛМТ, автор книг «Тургенев в Орле», «Этюды о тургеневских женщинах».

Алексеева Марина Витальевна – учёный секретарь ОГЛМТ.

Балыкова Людмила Анатольевна – главный научный сотрудник ОГЛМТ. Заслуженный работник культуры РФ, кандидат филологических наук, автор книги «Тургенев – читатель».

Богданов Борис Викторович (1924-2007) – старейший музейный работник, в течение многих лет заведовал филиалом ОГЛМТ, заповедником Спасское-Лутовиново.

Ветрова Вера Геннадиевна – научный сотрудник ОГЛМТ.

Генералова Наталья Петровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, руководитель группы по изданию собраний сочинений И.С.Тургенева и А.А.Фета.

Дмитрюхина Лариса Викторовна – заместитель директора ОГЛМТ по научной работе, Заслуженный работник культуры РФ, председатель музейной секции творческого Союза работников культуры.

Жидкова Светлана Леонидовна – старший научный сотрудник ОГЛМТ.

Звигильский Александр Яковлевич – директор музея И.С.Тургенева в Буживале (Франция), кавалер ордена Филологии.

Золотарёв Игорь Леонардович – кандидат филологических наук, доцент ОГУ, автор книг по теме «Тургенев и французские писатели».

Иванова-Преснова Людмила Николаевна – член Российского союза писателей, автор книг «Деревня, которой нет», «Родине поклонитесь», «Россиянки» и др.

Ипатова Светлана Алексеевна – научный сотрудник группы по изданию Собраний сочинений И.С.Тургенева и А.А.Фета ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Кирилловская Нина Максимовна – зам. председателя орловского отделения ВООПИК, Заслуженный работник культуры РФ, номинант книги почёта г. Орла, с 1973 по 1987 год – директор ОГЛМТ.

Клочкова Елена Ивановна – преподаватель немецкого языка школы №38 г. Орла, Президент партнёрского клуба «Орёл – Оффенбах».

Кубарёв Евгений Александрович – Заслуженный работник культуры РФ, основатель музея композитора В.С.Калинникова, преподаватель музыкальной школы им. В.С.Калинникова (1956-1988).

Лукина Валентина Александровна – кандидат филологических наук, сотрудник группы по изданию Собраний сочинений И.С.Тургенева и А.А.Фета ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Максимова Любовь Егоровна (1920-1993) – многолетний хранитель книжного фонда ОГЛМТ.

Маричева Лариса Михайловна – заведующая Музеем писателей-орловцев.

Павлова Галина Николаевна – старший научный сотрудник ОГЛМТ, член творческого Союза работников культуры.

Петухова Марина Евгеньевна – член правления Орловского отделения ВООПИК.

Полынкин Александр Михайлович – исследователь-краевед, директор Покровской средней школы (1989-2002), автор книг «История Орловского края в лицах», «Орловцы – герои войны 1812 года».

Проц Евгений Васильевич – старший научный сотрудник ОГЛМТ, автор книги «Театральные странствия И.С.Тургенева».

Солодухина Лилия Георгиевна – ответственный хранитель фонда «Редкая книга».

Тюрин Геннадий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент ОГУ.

Шинков Михаил Александрович – кандидат филологических наук, доцент ОГУ.

Шинкова Елена Михайловна – старший научный сотрудник ОГЛМТ, с 1984 по 2010 год – главный хранитель фондов музея.

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневское общество в Орле

**Тургеневский ежегодник
2011–2012 годов**

Составители-редакторы

Л.А. Балькова,

Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор

А. А. Шевченко

Оригинал-макет, верстка

О.И.Гладковой

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»

(«Орловская литература и книгоиздательство»)

Подписано в печать 27.02.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,93. Тираж 100 экз. Заказ № 08.

Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.

E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru

УММА ДАЧИ БУУДА.

В оформлении книги
использованы работы Е.М. Бём

